

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПРИ СОДѢЙСТВІИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

И

ПСИХОЛОГІИ.

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ XVII.

Подъ редакціей Л. М. Лопатина.

Книга II (82).

МАРТЪ-АПРѢЛЬ.—1906 г.

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о.
Пяменовская ул., соб. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Теоретическая философія С. Н. Трубецкого. (Рѣчь, произнесенная на годовомъ собраніи Философскаго Общества при С.-Петербургскомъ университетѣ 28 февраля 1906 г.). Б. Меліоранскаго	197
Этическія воззрѣнія Шефтсбѣри. Н. Д. Виноградова	223

Психологія злодѣя. (Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчевъ). В. Ф. Чижа	1
Къ вопросу объ основаніяхъ ариометики. Л. Саминскаго	60
Точное выраженіе закона Вебера-Фехнера съ помощью прерывныхъ функций. А. Годыцкаго-Цвирко	86
Новый трудъ по вопросу объ ассоціаціи идей. (А. Нечаевъ. Ассоціація идей). В. Зѣньковскаго	92

Критика и библиографія.

I. Библиографическій листокъ	127
II. Извѣстія и замѣтки.
Проектъ перваго русскаго съѣзда по педагогической психологии въ г. С.-Петербургѣ	130
Московское Психологическое Общество. (Отчеты о засѣданіяхъ).	134

Объявленія.

П. Я. Чаадаевъ. Философическія письма. Переводъ подъ редакціей М. О. Гершензона	1
--	---

Теоретическая философія С. Н. Трубецкого.

(Рѣчь, произнесенная въ годовомъ собраніи Философскаго Общества при С.-П.-Бургскомъ университетѣ 28 февраля 1906 г.).

Если бы извѣстность ученаго дѣятеля можно было измѣрять извѣстностью его имени, то воспоминаемаго нами сегодня покойнаго ректора Московскаго университета слѣдовало бы поставить далеко впереди всѣхъ русскихъ философовъ, умершихъ и живыхъ, не исключая и его знаменитаго друга Вл. Соловьева. Но если, какъ это конечно слѣдуетъ, мы примемъ во вниманіе, велико ли знакомство русскаго общества съ самыми философскими взглядами Трубецкого и съ его учено-литературными работами, то окажется, что внѣ академическихъ круговъ Трубецкого знаютъ очень мало, гораздо меньше, чѣмъ онъ того заслуживаетъ даже помимо своей общественной дѣятельности, и очень часто представляютъ себѣ его духовный обликъ совершенно невѣрно. Всѣ знаютъ его юнскую рѣчь къ Государю, его труды, увѣнчавшіеся возвращеніемъ автономіи нашимъ университетамъ; всѣ знаютъ, что въ печальномъ торжествѣ его похоронъ приняли участіе всѣ наши лѣвыя политическія партіи—и полагаютъ, что „русскій Мирабо“, предполагавшійся лидеръ конституціонно-демократической партіи былъ, какъ философъ, по меньшей мѣрѣ позитивистъ, если не отрицатель философіи (что, впрочемъ, почти одно и то же); и то немногое, что извѣстно (говорю опять о большой публикѣ) объ его ученой карьерѣ и трудахъ, повидимому, подтверждаетъ это:

вѣдь онъ написалъ „Метафизику въ древней Греціи“ и „Ученіе о Логосѣ“, двѣ книги, вызвавшія въ такъ называемомъ русскомъ клерикальномъ лагерѣ сильное неудовольствіе своимъ направлениемъ.... И дѣло тутъ вовсе не въ томъ, что въ Трубецкомъ мыслитель былъ въ разладѣ съ дѣятелемъ. Совсѣмъ напротивъ: это былъ очень цѣльный характеръ. Дѣло въ томъ, что особія условія русской жизни XIX вѣка породили въ ней между прочимъ одно курьезное явленіе, которое Вл. Соловьевъ въ одной статьѣ рисуетъ такъ: у насъ въ большомъ ходу два оригинальные силлогизма: 1) Богъ сотворилъ человѣка по образу и подобию Своему и заповѣдалъ любить ближняго, какъ самого себя; *следовательно*, челюсти ближняго должны быть сокрушаемы. 2) Бога нѣтъ; случай и отборъ произвели сперва протоплазму, а потомъ плѣшивую обезьяну, изъ которой выродились люди; *а потому* надо полагать свою душу за други своя. Явленіе это до нашего времени хотя и ослабѣло, но не исчезло; мы до сихъ поръ еще склонны связывать практической идеализмъ (а послѣдній въ свою очередь отождествляется съ политической „лѣвостью“—что опять-таки вѣрно далеко не всегда) съ отрицательнымъ отношеніемъ ко всякому религіозному и даже философскому идеализму, а въ особенности къ Церкви и церковности.... Но далѣе: мнѣ думается, при чтеніи сегодняшней повѣстки у многихъ, болѣе знакомыхъ съ почившимъ ученымъ лицъ явится недоумѣніе: почему читаются рѣчи о теоретической и практической философіи Трубецкого, и нѣтъ рѣчи о Трубецкомъ, какъ *историкѣ* философіи и религіи? Не исторіи ли посвящены его оба крупнѣйшіе по размѣрамъ труда? и развѣ онъ не работалъ надъ третьимъ того же характера — надъ исторіей ученія о Логосѣ въ христіанскую, святоотеческую эпоху? Но кто знакомъ хотя бы съ печатными только работами Трубецкого во всемъ ихъ объемѣ, тотъ, какъ мнѣ кажется, долженъ признать, что Философское Общество поступило правильно. Если окончательная цѣль историка — выяснитъ по возможности содержаніе находимыхъ нами въ прошломъ

религиозныхъ или философскихъ ученій, ихъ взаимную связь, ихъ зависимость отъ исторической и культурной обстановки, *безотносительно къ ихъ, самихъ по себѣ*, истинности или неистинности,—то Трубецкой не былъ историкомъ и не хотѣлъ имъ быть. Главнымъ его жизненнымъ и научнымъ интересомъ была *положительная метафизика* въ отношеніи къ теоріи познанія съ одной, къ откровенной религіи—съ другой стороны. Извѣстно, что со времени Канта вопросъ о возможности метафизики есть первый вопросъ философіи вообще. Существуютъ на него три отвѣта: 1) метафизики, въ смыслѣ науки о сверхопытномъ сущемъ, нѣтъ, не было и быть не можетъ; 2) метафизики нѣтъ, но она можетъ быть построена на иныхъ, чѣмъ доселѣ строилась, основахъ. Трубецкой, въ теченіе всей своей ученой дѣятельности, неизмѣнно давалъ третій отвѣтъ: 3) метафизика, притомъ не въ видѣ вѣры только, а въ видѣ обязательнаго и для чистаго разума знанія, возможна, была и есть; какъ подлинная наука, она правильно и преемственно развивалась въ своей исторіи, дорабатываясь въ каждую свою творческую эпоху до новыхъ, абсолютно цѣнныхъ результатовъ; а въ разобщенныхъ культурныхъ странахъ мы видимъ, какъ до одинаковыхъ результатовъ люди доходили различными путями, тѣмъ самымъ утверждая ихъ неизбѣжность для всякаго человѣческаго ума. Что она *возможна*—это Трубецкой доказываетъ въ своей гносеологіи; ея *содержаніе* излагается имъ и развивается нѣсколько далѣе въ его системѣ „конкретнаго идеализма“; что она *была*—это онъ доказываетъ въ своихъ диссертаціяхъ; такимъ образомъ эти послѣднія играютъ у него второстепенную, служебную роль по отношенію къ системѣ „конкретнаго идеализма“; онъ предназначались подвести подъ него грандіозный историческій фундаментъ: онъ должны были доказать, что „конкретный идеализмъ“ не измышление Трубецкого, а *сама объективная метафизика*, созданная совокупной работой человечества.

Такимъ образомъ Трубецкой самъ смотрѣлъ на свою дѣя-

тельность не какъ на творческую, а почти исключительно какъ на синтезирующую и, въ цѣляхъ синтеза, — критическую; и онъ прямо высказывалъ это, иногда даже совсѣмъ отрекаясь отъ творчества—что было уже несправедливо. Свою главную работу по метафизикѣ—„Основанія идеализма“ онъ самъ называетъ „попыткой дать оцѣнку положительныхъ открытій умозрительнаго идеализма въ области метафизики“ („Вопр. Филос.“¹⁾, 31. 77). Самый тотъ шагъ впередъ, который онъ считалъ нужнымъ и попытался сдѣлать въ своей метафизикѣ, былъ шагомъ синтеза: „необходима, — говоритъ онъ — высшая форма идеалистическаго ученія, примиряющая объективный идеализмъ древнихъ съ субъективнымъ идеализмомъ новѣйшей философіи“ (В. Ф. 3, 187). Критикуя философскія системы прошлаго, онъ ставитъ цѣлью не указаніе ихъ слабыхъ сторонъ, ошибокъ и противорѣчій, а выясненіе ихъ сильныхъ сторонъ, тѣхъ истинъ и открытій, которыя, по его убѣжденію, въ нихъ заключаются²⁾. Въ недостаткѣ вниманія и уваженія къ прошлому человѣческой мысли онъ видѣлъ главную причину медленности успѣховъ метафизики, и многократно, отъ первой до послѣдней своей статьи, по поводу и общихъ, и частныхъ вопросовъ, настойчиво призывалъ къ изученію этого прошлаго со своей, положительной точки зрѣнія. Стремясь выяснитъ „природу человѣческаго сознанія“ („В. Ф.“ кн. I, 3

1) Ниже „В. Ф.“

2) „Противорѣчія философскихъ ученій сознаются всѣми, а положительные заслуги германской философіи не признаются многими“.

„Никто не ищетъ своимъ умомъ правилъ ариеметики... всякій ученый, желающій подвинуть впередъ свою науку, долженъ знать все, что сдѣлано до него. Въ философіи не всѣ слѣдуютъ этому простому и естественному правилу... Обычнымъ оправданіемъ самодѣльнаго философствованія является предвзятое отрицаніе объективной логики въ развитіи коллективной мысли человечества... Неужели мы рѣшимся вычеркивать изъ исторіи цѣлыя эпохи мысли или сводить ихъ значеніе къ пустому заблужденію или празднему спору?“ („В. Ф.“ I, 84—85, 1889 г.).

„Истинное развитіе, поступательное движеніе мысли возможно только подъ условіемъ преемства, усвоенія добытыхъ результатовъ—иначе ея трудъ былъ бы дѣйствительно работой Пенелопы“ („В. Ф.“ 31, 77, 1896 г.).

и 7), онъ начинаетъ съ учениковъ Сократа, впервые поставившихъ вопросъ объ отношеніи общаго къ частному, рода къ индивидууму. Задавшись, въ своей послѣдней статьѣ, вопросомъ о вѣрѣ въ безсмертіе, онъ начинаетъ съ анализа первобытныхъ представленій о душѣ-призракѣ, съ вѣрваній древнихъ египтянъ и до-гомеровскихъ грековъ. Въ своей метафизикѣ онъ, какъ мы уже видѣли, стремится примирить античный идеализмъ съ новѣйшимъ, а такъ какъ религіознаго мышленія онъ не отдѣлялъ отъ философскаго,—ниже увидимъ почему—то античную метафизику онъ начинаетъ съ теогоніи Гезіода. Отсюда видно, какъ Трубецкой, будучи несомнѣнно прогрессистомъ, смотрѣлъ на прогрессъ. Есть два взгляда: по одному каждый моментъ развитія понимается какъ довлѣющій себѣ и только себѣ: онъ разрушаетъ прошлое, изъ котораго онъ возникъ, и самъ будетъ разрушенъ будущимъ, которое изъ него возникнетъ. По другому взгляду понятіе прогресса объединяетъ прошлое чрезъ настоящее съ будущимъ въ одно живое цѣлое: новое не упраздняетъ стараго, а продолжаетъ и развиваетъ его. Трубецкой былъ всецѣло прогрессистомъ второго типа, прогрессистомъ-созидателемъ. Онъ видѣлъ распадѣніе философіи въ направленіи, гдѣ метафизикъ „стремится прежде всего доказать историческую своевременность своихъ началъ и самъ признаетъ свое ученіе за переходящій моментъ“. („В. Ф.“ 3, 168).

Но если метафизика возможна и существуетъ, то какъ же объяснить ту разноголосицу, которая ей сопутствуетъ съ ея первыхъ шаговъ и доселѣ? Если по существу она имѣетъ общеобязательное для человѣческаго разума содержаніе, то какъ же на дѣлѣ этотъ разумъ отказывается признавать эту общеобязательность? Этотъ вопросъ, съ котораго Кантъ начинаетъ свою „Критику чистаго разума“, Трубецкой, разумѣется, не могъ обойти. Метафизическое знаніе, отвѣчаетъ онъ, имѣетъ свои особенности, сравнительно съ эмпирическимъ и раціональнымъ: его содержаніе не подлежитъ ни опытной провѣркѣ, ни дѣятельности

воображенія. Чтобы сознать его неизбежность для себя, отъ разума требуется известная ступень чисто отвлеченнаго развитія, которое различно у разныхъ людей во всѣ эпохи, независимо отъ уровня научнаго развитія и эпохи, и лица. Разногласіе метафизиковъ и зависитъ не отъ различія эпохъ—иначе разногласіе было бы лишь между различными эпохами—и не отъ невозможности метафизики какъ объективнаго знанія, а отъ различія *ступеней пониманія*, на которыхъ стоятъ разные мыслители. Объ этой разницѣ думалъ Платонъ, когда на замѣчаніе Антисѳена, что онъ не видитъ идей, а лишь единичныя вещи, онъ отвѣчалъ: значить у Антисѳена *нѣтъ глазъ*, чтобы видѣть идеи. Такимъ образомъ, разногласіе метафизиковъ различныхъ *ступеней пониманія* не мѣшаетъ объективности самой науки; различныя ступени этого пониманія сами по себѣ законны и научны, соотвѣтствуя разнымъ стадіямъ развитія самой этой науки, стадіямъ, не упраздняющимъ другъ друга, такъ же, какъ Лобачевскій не упраздняетъ Эвклида. Изъ этого разсужденія ясно, что метафизика для Трубецкого хотя и „наука, но не какъ одна изъ наукъ“: чувствуется, что, говоря о метафизическомъ познаніи, онъ понимаетъ познаніе какъ-то иначе, именно шире, чѣмъ это вообще дѣлается. Въ одномъ изъ своихъ самыхъ раннихъ произведеній онъ заявляетъ, что, по его убѣжденію, невозможно построить метафизику чисто раціональнымъ путемъ ¹⁾: „пусть даже можно построить вселенную изъ понятій; но уже одно то, что вселенная *есть*, не заключаетъ въ себѣ ничего раціональнаго“; „реальность не категорія разума, а нѣчто такое, что эмпирически испытывается какъ *данное*, нѣчто вполне ирраціональное“ („В. Ф.“ 3, 179); „разсудокъ познаетъ метафизическія *данныя*, а не построаетъ ихъ отъ себя“, намекаетъ онъ. Что же это за данныя? Они, само собою, „не могутъ быть даны чувственно; но *открываются* въ чувственномъ

¹⁾ „Мнимое язычество или ложное христіанство:“ Православ. Обзоріе 1891, т. I, стр. 8 (статья имѣетъ въ журналѣ особую нумерацію, послѣ 652 стр. общей), примѣчаніе.

метафизическое может, хотя и не может *явиться* как чувственные вещи“. Въ Кантовой „вещи въ себѣ“ лежитъ та вѣрная мысль, что для познанія мало чувственности и субъективныхъ формъ разума; нужно еще положительно данное *содержаніе* формъ и ощущеній, — иначе намъ *ничего* будетъ ощущать и *не о чемъ* мыслить. Вотъ это-то *ничто*, составляющее необходимое *предположеніе* всякой науки и даже всякой мысли, есть непосредственный предметъ метафизики, которая является съ этой точки зрѣнія *системой постулатовъ теоретическаго разума*, т.-е. отвѣчаетъ на вопросъ: какъ нашъ разумъ обязанъ представлять себѣ это сущее, чтобы оно логически могло быть основой ощущаемаго и мыслимаго міра? „Метафизика есть систематическая идеология сущаго или критическая наука идей о сущемъ; такъ понимали ея задачи еще Платонъ и Аристотель“ „(В. Ф.“ 32, 224). Отказывать метафизикѣ въ имени науки за то, что ея предметъ есть лишь предположеніе, хотя бы и логически необходимое, несправедливо; предположеніе это дѣлается не только всякимъ знаніемъ, но и самымъ сознаніемъ; значить, элементъ *вѣры* присутствуетъ въ метафизикѣ постольку же, поскольку и во всякой другой наукѣ, поскольку онъ обуславливаетъ самое сознаніе; значить, или нѣтъ наукъ, или и метафизика—наука.

Но, спрашивается, возможна ли по существу дѣла эта наука, эта общеобязательная „идеология сущаго?“ Съ точки зрѣнія чистаго кантіанства—нѣтъ; тѣ необходимыя формы—времени, пространства, причинности—въ которыхъ нашъ разумъ неизбежно познаетъ феноменальный міръ, могутъ и не имѣть никакого приложенія къ міру вещей, какъ онѣ помимо насъ существуютъ; мы *предполагаемъ* лишь этотъ міръ, какъ *причину* доступнаго нашему опыту міра, а болѣе ничего не можемъ о немъ знать: ибо, какъ изъ причины нельзя логически вывести слѣдствія, такъ и отъ слѣдствія нельзя логически заключать о свойствахъ породившей его причины; итакъ, чистый теоретическій разумъ, не имѣя возможности построить объ этихъ вещахъ ни одного априор-

наго синтетическаго сужденія, логически не обязанъ по отношенію къ нимъ ни къ чему: онъ можетъ думать о нихъ все, что хочетъ, можетъ даже вовсе не вѣрить въ ихъ существованіе. Такъ или почти такъ училъ самъ Кантъ; и въ этомъ доказательствѣ невозможности метафизики, какъ науки, онъ и новые кантіанцы видятъ главный результатъ „Критики чистаго разума“. А на системы Фихте, Шеллинга, Гегеля и др. это направленіе смотритъ какъ на шагъ назадъ сравнительно съ Кантомъ, какъ на усвоеніе и развитіе Кантовыхъ ошибокъ и непослѣдовательностей. Трубецкой тоже высоко цѣнитъ Канта; но удѣльный вѣсъ его мыслей опредѣляетъ совершенно иначе: по его мнѣнію Кантова критика, наперекоръ взгляду самого ея творца, не разрушила метафизику, а заложила основаніе новой, критической метафизики, созданной въ нѣмецкомъ идеализмѣ XIX в., и преимущественно въ системѣ Гегеля,—метафизики, въ которой „впервые были превзойдены результаты греческаго умозрѣнія“. Въ чемъ же заслуга Канта и въ чемъ его ошибка?

Заслуга Канта въ томъ, что онъ „далъ болѣе глубокой, универсальный смыслъ давно извѣстному положенію, что мы воспринимаемъ лишь представленія“; онъ доказалъ, что „весь нашъ опытъ, самая возможность этого опыта обусловлена формой мышленія и чувственнаго воспріятія“—не личнаго нашего мышленія и воспріятія, а воспріятія вообще, чувственности какъ таковой. Ошибка же его въ томъ, что онъ „открывъ универсальные, а ригоріи обусловливающіе теоретическое и нравственное сознаніе законы, вмѣстѣ съ тѣмъ призналъ эти универсальныя начала субъективными“, и постулировалъ позади познаваемаго объекта абсолютно непознаваемую, абсолютно недоступную мысли „вещь въ себѣ“. Между тѣмъ, „бытіе, не могущее быть предметомъ мысли“, есть понятіе, разрушающее само себя: „мы не знаемъ реальности внѣ сознанія“; всякое бытіе есть или субъектъ или объектъ, при чемъ нѣтъ ни субъекта безъ объекта, ни объекта безъ субъекта. Между тѣмъ кантовская „вещь въ себѣ“

не есть ни то, ни другое, ибо „быть объектомъ ничего иного не значить, какъ быть для субъекта“. Т. обр. съ одной стороны она нигдѣ, кромѣ нашей мысли, не существуетъ; съ другой стороны, она абсолютно недоступна разуму. Значить мы можемъ смѣло сказать, что *вещей въ себѣ нѣтъ*, и это будетъ не синтетическимъ, въ метафизикѣ непозволительнымъ (по Канту) сужденіемъ, а аналитическимъ: самое *бытіе* вѣдь есть человѣческое слово, человѣческое понятіе, опредѣляющееся изъ первичнаго понятія сознанія и сознаваемости. Что ничего не сознаетъ и никѣмъ не можетъ быть сознаваемо, про то нельзя сказать и того, что оно *есть*. Правильный выводъ изъ открытія Канта поэтому не тотъ, что міръ есть *мое* представленіе, а тотъ, что разъ что-либо есть, есть и соотношеніе субъекта съ объектомъ, и значить, либо помимо нашего личнаго сознанія ничего нѣтъ, или *существуетъ универсальное сознаніе, универсальный субъектъ*, обуславливающей собою бытіе какъ таковое. Но первое предположеніе ведетъ насъ къ абсурдному, чистому скептицизму: основное предположеніе всего нашего мышленія есть то, что намъ *есть о чемъ мыслить*; если и это предположеніе не вѣрно, то все мышленіе наше въ корнѣ грѣшитъ противъ логическаго закона достаточнаго основанія, ибо достаточнымъ основаніемъ для мысли о сущемъ можетъ быть только само это сущее. Съ другой стороны, если бы мы вздумали въ серьезъ отказаться отъ независимаго отъ насъ бытія, какъ причины нашихъ ощущеній, и отъ реальности связи его отдѣльныхъ явленій, то самый опытъ станетъ невозможень, самое наше сознаніе исчезнетъ; значить, причинность есть общее *логическое* условіе какъ дѣйствительности, такъ и мысли: ибо безъ нея нѣтъ ни объекта, ни субъекта, а всякое бытіе есть или объектъ, или субъектъ. Поэтому не нѣмецкій идеализмъ, а неокантизмъ дѣлаетъ шагъ назадъ и воспринимаетъ не открытія, а ошибки Канта,—именно Кантово противорѣчіе между субъективнымъ сознаніемъ и реальностью, явленіемъ и вещью въ себѣ, бытіемъ и мыслию—и возводитъ эти ошибки въ принципъ гносеологіи, со-

здавая вмѣсто теоріи познанія—теорію незнанія (Ignoranztheorie). Въ дѣйствительности же заслуга Канта въ томъ, что онъ впервые поставилъ вопросъ объ отношеніи бытія и мысли съ точки зрѣнія условій мысли—и его изысканія привели къ критическому *подтвержденію* положенія о ихъ тождествѣ или, по малой мѣрѣ, соизмѣримости положенія, составлявшаго дотолѣ догматическую предпосылку всякой философіи. Здѣсь-то нѣмецкая философія и шагнула впервые далѣе греческой.

Въ виду принципиальнаго значенія этого взгляда на Канта я позволю себѣ здѣсь нѣсколько критическихъ замѣчаній, съ тѣмъ, чтобы далѣе уже не прерывать изложенія системы покойнаго философа. Во всякомъ дѣлѣ всего труднѣе начало; оно же поэтому и во всякой философской системѣ является всегда дѣломъ самымъ труднымъ и самымъ спорнымъ. Далѣе уже все идетъ болѣе или менѣе какъ по маслу. Такъ это и здѣсь.

Изложенная оцѣнка Канта покоится на трехъ основныхъ мысляхъ: 1) понятіе вещи въ себѣ грѣшитъ противъ понятія бытія, 2) причинная связь есть связь логическая, 3) отрицаніе реальности внѣ представленій есть нарушеніе закона достаточнаго основанія, равняющееся абсолютному скептицизму. Какъ мнѣ кажется, ни одно изъ этихъ положеній не доказано убѣдительнымъ образомъ, и позиція Канта, воспринятая новокантіанствомъ, остается непоколебленной.

Справедливо, что понятіе бытія предполагаетъ извѣстное отношеніе его къ сознанію, которое вообще составляетъ исходную точку, исходное понятіе мысли, само не подлежащее опредѣленію. Мы имѣемъ право называть бытіемъ лишь то, что признаемъ способнымъ быть или субъектомъ или объектомъ; но значить ли это, что то, что не можетъ быть объектомъ *нашего* или *подобнаго нашему* сознанія, не можетъ быть объектомъ *никакаго* сознанія, а значить и вообще не можетъ быть объектомъ? И едва ли справедливо будетъ возражать, что вѣдь и *сознаніе* есть человѣческое слово, подъ которымъ мы разумѣемъ именно наше, намъ извѣстное сознаніе, и

ничего иного разумѣть подъ этимъ словомъ не имѣемъ права. Говоримъ же мы о сознаніи слѣпыхъ, глухонѣмыхъ, о сознаніи глухонѣмо-слѣпой Лауры Бриджменъ, о сознаніи животныхъ; если такимъ образомъ для нашего понятія о сознаніи вообще не необходима наличность всѣхъ элементовъ, изъ которыхъ складывается наше сознаніе, то *логически* ничто намъ не препятствуетъ предположить сознаніе, имѣющее и *мишнія*, и *сплошь иная* противъ нашего средства и условія, хотя мы и не можемъ интуитивно вообразить себѣ его—ибо это значило бы и обладать имъ. Мы не можемъ вообразить 4-мѣрнаго пространства, но *логически* ничто не мѣшаетъ намъ предположить его и называть *пространствомъ*; также мы не можемъ вообразить, но можемъ *логически* предположить сознаніе, имѣющее сверхъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ или вмѣсто нихъ совсѣмъ иная, намъ неизвѣстныя средства воспріятія и объектированія, и имѣемъ логическое право называть это сознаніе „сознаніемъ“ и предмету его приписать „бытіе“. Что такое пониманіе термина сознаніе отнюдь не чуждо человѣку, видно изъ факта вѣры въ мистическое воспріятіе, совершающееся внѣ пространства, изъ представленія о томъ, что для сознательнаго Бога нѣтъ ни пространства, ни времени, что и для насъ придетъ пора, когда „времени больше не будетъ“, а сознаніе сохранится.

А Кантова „вещь въ себѣ“ непознаваема вѣдь только для насъ, каковы мы суть; въ ея понятіе вовсе не входитъ признакъ непознаваемости вообще, неспособности быть объектомъ ни для какого субъекта. Трубецкой упустилъ изъ виду, что Кантъ призналъ свои трансцендентальныя формы условіемъ нашего и всякаго *подобнаго нашему* сознанія, но не сознанія вообще; въ этомъ только смыслъ онъ и универсальны. Во-вторыхъ, если бытіе есть непремѣнно или субъектъ, или объектъ, то этимъ еще вовсе не сказано, будто наше понятіе о бытіи требуетъ, чтобы всякій субъектъ былъ въ свою очередь объектомъ всѣхъ своихъ объектовъ; а Кантова вещь въ себѣ не исключаетъ того, что *она познаетъ насъ*, или что-нибудь другое, не будучи познаваема нами, и въ

этомъ смыслѣ—существуетъ. Если я нахожусь одинъ въ комнатѣ, въ обществѣ предметовъ, которые признаю за безсознательные, я, конечно, ни за что не соглашусь признать, что я въ эту минуту не существую, потому что не служу объектомъ ни для чьего сознанія: довольно того, что я-то сознаю и объективирую моихъ бездушныхъ товарищей. Почему не предположить, что вещь въ себѣ, напр., Богъ, находится въ такомъ же отношеніи къ намъ, въ какомъ мы къ такъ называемымъ бездушнымъ предметамъ? „Бога никто же видѣ нигдѣ же“, а Онъ видитъ все и вездѣ, и въ этомъ смыслѣ существуетъ.

Далѣе, утверждая, что связь явленій (причинная) есть въ то же время связь *логическая*, что мы *логически* обязаны предположить внѣшній міръ, покойный мыслитель, какъ намъ кажется, впалъ въ ошибку *quaternio terminorum*. Въ самомъ дѣлѣ, читая эти положенія, легко подумать, что передъ нами рационалистъ, для котораго всякая причинная связь разрѣшается въ логическую, и естественно ждать попытки такого разрѣшенія—ждать опроверженія закона Юма о непостижимости причинной связи, о томъ, что ничто не вынуждаетъ нашъ умъ предполагать ее. Но такой попытки не дѣлается; а взамѣнъ того дѣлается ссылка на объективированіе, какъ на условіе самаго существованія мысли. Но подъ *логическими* законами мы привыкли понимать условія *правильности* нашей мысли *по ея логическому содержанию*, безъ соблюденія которыхъ она впадаетъ въ *самопротиворѣчіе*, а во все не *условія существованія ея самой*, какъ *психологическаго факта*; смѣшивать эти двѣ вещи нельзя. Мысль, какъ психологическій фактъ, существуетъ въ самомъ неправильномъ, уничтожающемъ себя разсужденіи; сумасшедшій думаетъ, что онъ стеклянная бутылка и вмѣстѣ съ тѣмъ китайскій императоръ, но все же онъ *думаетъ*, пока объективируетъ, пока отличаетъ я отъ не-я. А отреченіе отъ причинности можетъ довести насъ до потери самаго сознанія, но никогда не приведетъ къ логическому абсурду, т.-е. къ противорѣчію вывода посылкамъ: „Я не знаю, есть ли причинность,—зна-

чить, я не знаю, есть ли у моихъ ощущеній внѣшняя причина; значить, я не знаю, не иллюзія ли то, безъ чего я не могъ бы сознать себя и могу только вѣровать, что это не иллюзія—такое разсужденіе *логически* безукоризненно.

Почти то же приложимо и къ разсужденіямъ Трубецкаго о законѣ достаточнаго основанія. Какъ законъ *логическій*, т.-е. гарантирующій намъ *внутреннюю* стройность нашихъ мыслей, ихъ согласіе другъ съ другомъ, онъ не можетъ требовать для мысли иныхъ основаній, кромѣ мыслей же. Итакъ, наша *вѣра* въ реальность міра, а не сама эта реальность есть логически вполне достаточное основаніе, чтобы *условно* мыслить о мірѣ и чтобы наши мысли сами себя не уничтожили. Въ концѣ ихъ мы скажемъ: всѣ наши мысли основаны на недоказуемомъ предположеніи, что міръ есть; слѣдовательно, всѣ онѣ условны; если это предположеніе ложно, то я открылъ лишь законъ слѣдованія своихъ ощущеній, которыя въ силу устройства моего сознанія кажутся мнѣ внѣшними вещами. И это разсужденіе будетъ логически безукоризненно, не заключая никакого противорѣчія выводовъ съ посылками.

Съ точки зрѣнія критицизма, которой Трубецкой не опровергаетъ, *достаточное основаніе* суть или три первыхъ логическихъ закона, или ссылка на законъ причинности, устанавливающая связь для разума непостижимую, не-логическую.

На этихъ основаніяхъ мы думаемъ, что самъ Кантъ и новокантіанцы правильнѣе оцѣнили его открытіе, чѣмъ нѣмецкій идеализмъ и Трубецкой. Трансцендентальность условій сознанія еще не предполагаетъ ихъ универсальности; понятіе „вещи въ себѣ“ было бы противорѣчиво, лишь еслибы Кантъ призналъ ее недоступною *никакому* сознанію, а не нашему только. Также недоказуемой остается и реальность внѣшняго міра; доказуемо и доказано напротивъ то, что въ предѣлахъ одного лишь чистаго логическаго разума нѣтъ выхода изъ солипсизма. Если, какъ хочетъ Трубецкой, ограничивать понятіе бытія тѣмъ, что способно быть *для насъ* объектомъ—можно, слѣдуя новоплатоникамъ, назвать непознаваемое бытіе *сверхъ-сущимъ*, признать его выше всѣхъ

человѣческихъ опредѣленій, но отрицать его мы не имѣемъ права. Въ сущности такъ поступаетъ и самъ Трубецкой; въ концѣ „Основаній идеализма“ онъ резюмируетъ свое ученіе объ объективномъ мірѣ въ законѣ „универсальной соотносительности“ такъ: „все соотносится, и *быть значитъ относиться*; но метафизическое сущее онъ здѣсь же самъ называетъ *сверхъ-относительнымъ*. Если *быть значитъ относиться*, то *сверхъ-относительное* есть *сверхъ-сущее*. Такъ мысль самого Трубецкого невольно возвращается къ понятію вещи въ себѣ; ясно, что для ума, прошедшаго кантовскую школу, это понятіе не абсурдно, а совершенно неизбѣжно.

Возвращаюсь къ изложенію системы Трубецкого. Отъ неокантіанскихъ отрицаній метафизики надо отличать чистый скептицизмъ: кантіанецъ принялъ бы систему постулатовъ теоретическаго разума, если бы ему было доказано, что такіе постулаты могутъ существовать; а чистый скептицизмъ и въ такомъ случаѣ ихъ бы не принялъ, такъ какъ онъ не довѣряетъ логикѣ, какъ таковой, а не то утверждаетъ, что *въ данномъ случаѣ* она примѣнена не вѣрно, или вовсе не можетъ быть примѣнена. Ничего нельзя доказывать тому, кто усумнился въ доказательной силѣ самого доказательства; поэтому неопровержимъ логически абсолютный скептикъ. Но если онъ на чемъ-либо *основываетъ* свои сомнѣнія, то онъ скептикъ только на словахъ, ибо онъ отрицаетъ логику во имя логики. Если же онъ не довѣряетъ ей просто „такъ“, то этому апріорному недовѣрію можно противополжить несомнѣнную, непосредственную *вѣру* нашу въ реальность внѣшняго міра—эту аксіому разума, наиболѣе достовѣрную изъ всего, что у насъ есть“.

Сущее опредѣляется идеально. Заложивъ такимъ образомъ фундаментъ системы постулатовъ теоретическаго разума, Трубецкой приступаетъ затѣмъ къ анализу и критикѣ разныхъ видовъ идеализма, чтобы отыскать въ каждомъ его долю истины. Эткихъ видовъ онъ насчитываетъ три: идеализмъ *эмпирический* (сущее есть являющееся), логическій (сущее есть мыслимое, идея или мысль) и

мистическій (сущее есть *въ себя* и *для себя* реальное, независимое отъ субъекта, хотя необходимо соотносящееся съ нимъ бытіе). Анализъ приводитъ къ тому выводу, что всѣ эти три вида идеализма правы въ томъ, что они утверждаютъ, и ложны въ своемъ взаимномъ отрицаніи, въ своемъ стремленіи быть *всей правдой*, давать полное опредѣленіе истины. Есть три фактора познанія — ощущение, мысль и вѣра; три вида идеализма хотятъ опереть его на какой-либо *одинъ* только изъ этихъ факторовъ, и потому рушатся. Если отрицать апріорныя, рациональныя основанія опыта, если сущее есть *только* явленіе, то связь явленій, законы природы и законы сущаго суть призракъ, и самое явленіе есть лишь психологическое представленіе, въ которомъ ничто не является; такъ отвлеченный (говоря терминомъ Соловьева) эмпиризмъ ведетъ насъ къ *аномизму*, отрицанію законовъ сущаго, т.-е. къ абсолютному иллюзионизму въ метафизикѣ и чистому скептицизму въ гносеологіи. Если сущее есть мысль и *только* мысль, то оно обращается въ форму безъ содержанія, и всѣ попытки Гегеля вывести дѣйствительность изъ діалектическаго развитія чистой мысли напередъ осуждены на неудачу, ибо изъ развитія *мысли* можно получить только мысли же, но не вещи. Такъ какъ между мыслью и реальнымъ есть лишь соотвѣтствіе, но не тожество, то при попыткѣ такого отождествленія это различіе превращается во внутреннее противорѣчіе. Гегелева чистая мысль есть мысль, которой никто не мыслить и въ которой ничего не мыслится, и въ его развитіи ничего не развивается; этотъ будто бы панлогизмъ, отвлеченно взятый, въ сущности есть *алогизмъ*: переходъ отъ абсолютной безсознательной мысли къ ограниченной, индивидуальной и сознательной (въ человѣкѣ) является ничѣмъ немотивированнымъ отпаденіемъ абсолютной мысли отъ себя самой, какъ будто бы она сама себя не довлѣла. Этотъ недостатокъ, эту внутреннюю „пустоту гегелевскаго абсолютнаго, дѣлающую его міръ копіею съ несуществующаго оригинала“, чувствовалъ Шеллингъ въ своей второй системѣ;

Шопенгауэръ построилъ свою систему абсолютной, неразумной и несознательной воли въ вѣрномъ угаданіи этого недостатка и въ возможно рѣзкой оппозиціи гегельянству, которое не даромъ было ему такъ ненавистно. Наконецъ, эта „абсолютная“ идея не есть и абсолютная, ибо абсолютное ни въ какомъ развитіи не нуждается; оно есть вѣчно достигнутая цѣль, аристотелева „энергія“, въ понятіи о которой древняя метафизика достигла своего высшаго результата. Тренделенбургъ и Гартманъ блестяще вскрыли своей критикой всю нелогичность этой якобы абсолютной мысли, какъ въ ея основѣ, такъ и въ ея развитіи; философія безсознательнаго, ирраціональнаго сущаго явилась законной наслѣдницей и немезидой гегельянства. Такъ разлетается въ ничто гегелево абсолютное сущее взятое въ его отвлеченности. Но и его антиподъ—шопенгауэрова абсолютная воля,—лучше только тѣмъ, что будучи алогичною, она и провозглашается таковою; но и эта воля безъ волящаго субъекта есть форма безъ содержанія, и изъ нея одной нельзя объяснить дѣйствительности. Эту то внутреннюю *реальность*, или *содержаніе*, котораго не хватаетъ двумъ первымъ видамъ идеализма, сущее получаетъ въ третьемъ видѣ идеализма—въ идеализмѣ мистическомъ; но и его надо сочетать съ двумя первыми видами, а не отрицать ихъ во имя его. Если сдѣлать послѣднее, мистическій идеализмъ, отвлеченный отъ эмпирическаго и логическаго, приведетъ къ *акосмизму*, т.-е. къ упраздненію самосознанія, съ которымъ для индивидуальнаго познающаго субъекта упраздняется и самый познаваемый міръ. Рекомендую отбросить эмпирію и логику и, отрѣшась отъ всякихъ внѣшнихъ и внутреннихъ ощущеній, искать познанія абсолюта черезъ *слиянiе* съ нимъ въ глубинѣ своего духа, отвлеченный мистикъ 1) лишаетъ себя и насъ всякой возможности провѣрить истинность своихъ постиженій, и 2) въ концѣ-концовъ, отождествляя себя съ своимъ объектомъ, упраздняетъ самое сознаніе. Но мистицизмъ глубоко правъ, указывая на *вѣру*, въ смыслѣ непосредственнаго внутренняго ощущенія внѣшней

намъ реальности, какъ на необходимый факторъ познанія наряду съ опытомъ и мыслью. Всякая реальность даже нашего собственнаго я, дается лишь вѣрою и слѣдовательно, она есть фактъ универсальный, все сознающее неизбѣжно вѣруетъ. Такъ мы приходимъ къ полнымъ формуламъ „конкретнаго идеализма“, гносеологической и метафизической. Первая такова: чтобы наши три фактора познанія, ощущение, мысль и вѣра, дали намъ дѣйствительное познаніе, ихъ нужно брать въ томъ живомъ единствѣ, въ какомъ мы находимъ ихъ въ нашемъ конкретномъ сознаниі. Вторая формула: абсолютное, постулируемое нашимъ цѣльнымъ теоретическимъ разумомъ есть не только явленіе, не только мысль и не только воля, а конкретный абсолютный субъектъ, не данный чувственно, но открывающійся въ чувственномъ, мыслящій и волящій. Онѣ объединяются такъ: разумъ обязываетъ насъ или стать на точку зрѣнія абсолютнаго иллюзионизма и солипсизма, или признать, что наше сознание обусловлено внутреннимъ соотношеніемъ вещей, въ основаніи котораго лежитъ абсолютное всеединство сущаго. („В. Ф.“ 35, 743).

Присмотримся ближе къ этой формулѣ, чтобы опредѣлить удѣльный вѣсъ факторовъ познанія, какъ онъ представлялся Трубецкому, и въ связи съ тѣмъ сравнительное значеніе источниковъ его гносеологіи для его системы. Самъ онъ указываетъ на *два* творческія эпохи метафизики, давшія вполнѣ прочныя, по его мнѣнію, результаты: греческую, до Аристотеля, и нѣмецкую, отъ Канта до Гартмана. „Греческая метафизика есть, какъ мы думаемъ, элементарная метафизика вообще“. Она „содержитъ рядъ догматическихъ положеній, которыя при сравненіи съ позднѣйшими открытіями умозрѣнія являются основными и вмѣстѣ простѣйшими, элементарными“. Положеніе, что „сущее опредѣляется идеально“, греки предполагали догматически и съ этой точки зрѣнія исчерпали всѣ возможныя опредѣленія этого сущаго, вскрыли роковыя противорѣчія всякаго изъ этихъ опредѣленій, отдѣльно взятаго, сознали необходимость синтеза и приступили къ нему, но не закончили дѣла. „Крае-

угольный камень метафизики заложенъ Аристотелемъ въ его ученіи объ энергіи: *всему возможному, еще не дошедшему до своего конца, еще недоразвившемуся до своего предѣла и окончательно желательной формы, противолежитъ вѣчная идеальная дѣйствительность или энергія, вѣчная достигнутая цѣль*. („В. Ф.“ 3, 192.) Такъ оцѣниваетъ Трубецкой греческую метафизику; и это заявленіе необходимо помнить, чтобы правильно понять, какъ онъ представлялъ себѣ абсолютное сущее; мы еще вернемся къ этому опредѣленію. Нѣмецкій критическій идеализмъ утвердилъ результаты греческаго на критическомъ разсмотрѣннн вопроса: точно ли сущее опредѣляется идеально, исходя изъ эмпирическаго опредѣленія сущаго, какъ явленія.

Но нетрудно замѣтить, что въ построеніи конкретнаго идеализма едва ли не большую еще роль, чѣмъ объ указанныхъ его авторомъ эпохи философіи, играла третья, почти не упомянутая въ „О. Ид.“, зато съ величайшей любовью разрабатывавшаяся авторомъ въ теченіе всей его жизни. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ главное отличіе его идеализма отъ предшествовавшихъ европейскихъ системъ? Безъ сомнѣнія въ томъ, что *мистическій* идеализмъ поставленъ здѣсь на ряду съ эмпирическимъ и логическимъ; что *вѣра*—не въ смыслѣ довѣрія кому-то или чему-то, а въ смыслѣ непосредственнаго воспріятія сущаго, внутренне недопускающаго сомнѣній въ самостоятельной реальности своего предмета, выставляется какъ необходимый факторъ знанія, на ряду съ ощущеніемъ и мыслью, которые только въ вѣрѣ получаютъ дѣйствительный предметъ, дѣйствительное содержаніе. Словомъ, эта вѣра есть то, что Вл. Соловьевъ называетъ *мистическимъ воспріятіемъ*. Итакъ, философія Соловьева—вотъ ближайшимъ образомъ третій элементъ „конкретнаго идеализма“ послѣ греческой и нѣмецкой метафизики и слѣдовательно метафизика Соловьева—третья творческая эпоха. Но далѣе: вѣдь Соловьевъ не изобрѣлъ мистическаго воспріятія, онъ лишь указалъ на его универсальный характеръ. Трубецкой, принявъ это указаніе, задается вопросомъ,

гдѣ искать показаній этого воспріятія; онъ анализируетъ вѣру, какъ необходимый факторъ знанія, и приходитъ къ выводу, что *по существу* она ничѣмъ не отличается отъ *вѣры религіозной*. Разъ это такъ, то очевидно нашъ мыслитель не могъ относиться къ религіозной мысли вообще и къ ея высшему выраженію—метафизикѣ христіанства—иначе какъ *положительно* ¹⁾. Съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ, что направление Трубецкого, какъ философа, къ спеціальному изученію греческаго язычества и христіанскаго платонизма; открывається, что такое была для него идея Логоса, съ которой покойный ученый неразрывно связалъ свое имя, ради которой онъ, философъ, сталъ богословомъ, изучилъ еврейскій языкъ и пустился въ „великое и пространное“ море библейской и новозавѣтной критики исторіи гностицизма и православнаго догмата. Логосъ—ученіе о разумѣ въ мірѣ или о разумности міра—неизбѣжно въ томъ или иномъ видѣ для каждаго, кто вѣритъ въ возможность познанія въ какой бы то ни было степени. Но, знакомые теперь съ общимъ складомъ міровоззрѣнія Трубецкого, мы поймемъ, что безличный Логосъ, Логосъ-идея, какъ даютъ его языческіе греки и Гегель, не удовлетворилъ бы его; „конкретный“ идеализмъ требовалъ объективнаго и реальнаго мірового Разума, конкретнаго Логоса, Логоса-существа; а его-то даетъ еврейское и христіанское откровеніе и ученіе христіанскихъ платониковъ, объединившихъ Платоновы конкретныя идеи въ единомъ конкретномъ Логосѣ, Сынѣ Божіемъ, отъ начала открывавшемся въ чувственномъ мірѣ, и *мистически* воспринимавшемся еврейскими пророками, причѣмъ въ Единомъ Лицѣ Богочеловѣка это воспріятіе или „Богосознаніе“ достигло до полного

1) Кстати замѣтимъ, что Трубецкой высказываетъ предположеніе, что вѣра при ближайшемъ психологическомъ анализѣ окажется „познавательною функцией воли“. Такимъ образомъ конкретный идеализмъ есть познаніе нераздѣльно умомъ (логич. ид.), чувствомъ (эмпир. ид.) и волею (мист. ид.), что роднитъ гносеологію съ ученіемъ славянофиловъ о познании „полнотою рилъ духа“, и съ ихъ полемикой противъ исключительно разсудочнаго направленія западно-европейской философіи.

совпаденія человѣческаго и божественнаго самосознанія. Мыслитель, какъ Трубецкой, не раздѣлявшій религіознаго познаванія отъ философскаго и не допускавшій того, чтобы „дѣляя эпохи мысли вычеркивались изъ исторіи мысли“, не могъ уже по одному этому относиться отрицательно къ такому громадному явленію, какъ вся христіанская философія; но мы видимъ, что и его собственная мысль вполнѣ естественно и свободно шла навстрѣчу основному христіанскому догмату.

Но если такъ, естественно возникаетъ вопросъ: какъ же относится абсолютное сущее, постулируемое конкретнымъ идеализмомъ, къ абсолюту христіанской догматики—личному тріединому Богу? Очевидно, при положительномъ отношеніи къ христіанской философіи они должны совпадать, и они дѣйствительно совпадаютъ. Чтобы въ этомъ убѣдиться, довольно взять катехизическое опредѣленіе Бога и сличить съ нимъ, слово за слово, „В. Ф.“ 35, 753—765, гдѣ дается конкретное опредѣленіе абсолютнаго.

Богъ есть духъ. А что такое у Трубецкого сущее по показанію вѣры, въ которой оно познается, какъ внутренне-существующее? Чувству и мысли, говоритъ Трубецкой, сущее является какъ объектъ, вѣрѣ—какъ дѣйствующій субъектъ, иначе—какъ духъ, являющійся и мыслимый. Итакъ, по Трубецкому, абсолютное сущее въ себѣ есть Духъ. „На всѣхъ своихъ ступеняхъ религіозная вѣра видитъ въ своихъ объектахъ силы, духи, т.-е. субъекты, по бытію своему независящіе отъ вѣрующаго субъекта“.

Богъ есть духъ личный. По Трубецкому абсолютное существо есть „конкретный, объективирующій, опредѣляющій себя субъектъ, или лицо“. („В. Ф.“ 35, 757, 760.)

Человѣкъ есть образъ и подобіе Божіе. По Трубецкому мистцизмъ глубоко правъ, когда „ищетъ самое духовное начало, субъектъ, обуславливающей объективное существованіе, въ глубинѣ нашего духа“, ибо „въ единствѣ всего нашего сознанія мы имѣемъ образъ и подобіе этого универсальнаго, конкретнаго всеединства“.

Богъ есть свободный Творецъ и Промыслитель міра. — Здѣсь пунктъ, гдѣ почти всѣ идеалистическія системы расходятся съ церковной, болѣе или менѣе пантеистически понимая абсолютное. Трубецкой самымъ рѣшительнымъ образомъ отдѣляетъ свое абсолютное сущее отъ міра. Оно есть вполне конкретный субъектъ, и потому міръ конкретно отъ него отличенъ; но въ самомъ различіи абсолютное есть реальная причина міра („В. Ф.“ 755 и 757). Такъ какъ нѣтъ субъекта безъ объекта, то и абсолютное сущее носить въ себѣ свое другое, какъ объектъ, и существуетъ не только въ себѣ и для себя, но и для своего „другого“; реально осуществленное во внѣ, это „другое“ есть міръ. Что міръ и сущее отличны, слѣдуетъ также изъ того, что міръ есть развитіе, а абсолютное не развивается; но, будучи реальной причиной міра, абсолютный субъектъ есть норма и цѣль его развитія. Далѣе: абсолютъ не былъ бы абсолютомъ, если бы не обнималъ всей полноты бытія; а такъ какъ и явленія суть, то Абсолютъ обосновываетъ и явленія (Промысль).

Богъ, всеблагъ, Богъ есть любовь — Универсальный альтруизмъ, существенное бытіе для другого есть основное опредѣленіе абсолюта.

Богъ премудръ и всемогущъ. И Гегель, и Шопенгауэръ правы, говоря, что сущее есть абсолютная мысль и абсолютная воля; надо только прибавить, что эта мысль и эта воля конкретны и личны въ абсолютномъ субъектѣ (35, 760). Воля эта всеильна, ибо сущее есть безконечная потенція творческаго самоопредѣленія, внутренняя свобода бытія, не ограниченнаго своею самостью и имѣющаго въ себѣ начало всѣхъ отношеній.

Богъ вседоволенъ, всеблажененъ и неизмѣняемъ. Абсолютное-субъектъ не развивается, онъ вѣчно совершенъ и вѣчно довлѣетъ себѣ.

Наконецъ, существуя для другого, абсолютъ-субъектъ существуетъ и для себя, какъ объектъ себя самого; — онъ опредѣляется своей идеей или своимъ Логосомъ и значить

имѣеть въ себѣ начало своей идеи, своего Логоса. — Въ переводѣ на церковный языкъ это значитъ, что *въ лонѣ Отцемъ отъ вѣка есть едиnorodный Сынъ или Слово, образъ ипостаси Отчей, рожденный изъ существа Отца.*

Если еще у кого-нибудь остается сомнѣніе, что своего Абсолюта-субъектъ Трубецкой сознательно отождествлялъ съ Богомъ христіанской догматики—оно исчезнетъ, если сказать, что самъ Трубецкой кончаетъ изложеніе своей системы указаніемъ, что его понятіе о сущемъ „устраняетъ пантеизмъ съ его смѣшеніемъ абсолютнаго и относительнаго бытія“, и „отвѣчаетъ вѣрѣ въ личнаго Бога, ибо понимаетъ абсолютное какъ конкретный субъектъ; и нравственной идеѣ Бога, какъ безконечной любви, ибо оно признаетъ альтруизмъ метафизическимъ опредѣленіемъ абсолютнаго сущаго“. Итакъ, въ философіи Трубецкого два основные догмата христіанской церкви: о Богѣ и воплощеніи Бога-Слова во Христѣ—суть *постулаты теоретическаго разума, научныя истины*, достовѣрныя настолько же, насколько достовѣрно что-либо логически доказанное и мистически воспринятое—насколько достовѣрно существованіе внѣшняго міра, математическія истины, или субъектъ нашего собственнаго сознанія. Остается добавить, что и прочіе догматы — о самой церкви, какъ о собирательномъ сознаніи челоѣчества, и потому хранительницѣ истины, о искупленіи и благодати, о безсмертіи души, тоже являются у Трубецкого постулатами или теоретическаго разума, или нравственнаго сознанія. Словомъ, *въ Трубецкомъ философѣ неотдѣлимъ отъ православнаго христіанина*, и то, что онъ сказалъ о своей первой книгѣ, что онъ „чистосердечно думалъ послужить ею церковно-общественнымъ интересамъ“ („Прав. Обозр.“ 1890, 24) онъ могъ бы повторить о всей своей дѣятельности.

Приступая теперь къ опредѣленію значенія Трубецкого въ исторіи русской философіи и философіи вообще, мы видимъ передъ собою два вопроса. Вѣдь несомнѣнно, что Трубецкой былъ вѣрующимъ раньше чѣмъ сталъ философомъ; а

если такъ то 1) имѣетъ ли „конкретный идеализмъ“ вообще право на вниманіе науки? не есть ли это просто схоластическая попытка подогнуть метафизику подъ церковный догматъ, какъ подъ данное напередъ содержаніе? Въ томъ краткомъ очеркѣ философіи Трубецкого, который позволяли дать размѣры нашей рѣчи, не было возможности показать, насколько свободно и непринужденно, исходя изъ общеполитическихъ опредѣленій, мысль Трубецкого приходитъ къ своимъ результатамъ. Чтобы не заставлятъ вѣрить себя на слово, сошлюсь на печатное изложеніе философіи Трубецкого, составленное авторитетнымъ философомъ небогословомъ. 1) Изъ изложенія видно, что читатель психологически недрасположенный сличать всякій разъ изучаемыхъ имъ мыслителей съ церковной системой, ходомъ аргументаціи Трубецкого вовсе не наводится на мысль сдѣлать это въ данномъ случаѣ, и совершенно точно приводя его выводы, до конца не замѣчаетъ ихъ разительнаго совпаденія съ церковной догмой. Поэтому о Трубецкомъ можно повторить слова, сказанныя имъ самимъ о сродномъ ему мыслителѣ В. Соловьевѣ: „Не обращается ли здѣсь философія въ служанку богословія? Нѣтъ, и въ этомъ-то все и дѣло“—„философія не подчиняется религіи внѣшнимъ образомъ: она сама собою интимно совпадаетъ съ нею“.

Но если такъ, то не былъ ли Трубецкой просто отраженіемъ, блѣднымъ повтореніемъ своего близкаго къ гениальности друга? Опять таки нѣтъ; философія Трубецкого и Соловьеву не подчиняется „внѣшнимъ образомъ“; до почти тождественныхъ выводовъ оба мыслителя доходятъ совершенно различными путями: Соловьевъ—творческимъ и отчасти критическимъ, Трубецкой—синтезирующимъ и историческимъ. Употребляя одинъ изъ любимыхъ научныхъ терминовъ Трубецкого, его можно назвать историческимъ „аспектомъ“ Соловьева; его система какъ бы даетъ намъ понять,

1) Въ энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона, статья „Трубецкой, С. Н. (И. И. Лапшина).“

какъ должна была рисоваться Соловьеву исторія европейской философіи съ ея положительной стороны.

Извѣстно, что Соловьевъ, сильнѣйшій противникъ славянофильства, какъ историко-политической теоріи, былъ во многомъ его наслѣдникомъ въ гносеологіи и метафизикѣ. То же должно сказать о наслѣдникѣ Соловьева — Трубецкомъ. Русская самостоятельная философія такъ еще молода, что поспѣшно было бы заключать изъ этого, что славянофилы являются основателями вообще намѣчающейся русской философской школы; но знаменателенъ тотъ фактъ, что Соловьевъ и Трубецкой, авторы двухъ первыхъ русскихъ философскихъ системъ, притомъ полные антиподы славянофиловъ въ политикѣ, являются ихъ продолжателями въ философіи, даетъ право сказать, что славянофилы основали, по крайней мѣрѣ одно изъ ея направлений, и что ихъ философскіе принципы имѣютъ безотносительную научную цѣнность и вполне отдѣлимы отъ ихъ славянофильства.

Въ заключеніе естественно поставить вопросъ: достигъ ли Трубецкой чего хотѣлъ? Построилъ-ли онъ на незыблемомъ основаніи конкретный идеализмъ, совпадающій съ существомъ христіанской догматики, какъ систему постулатовъ теоретическаго разума Съ нашей точки зрѣнія, уже высказанной выше, отвѣчать придется отрицательно. Но что во всей исторіи идеализма, во всѣхъ его системахъ нѣтъ ничего, что дѣлало бы *непріемлемымъ* для разума „конкретный идеализмъ“, или, что то же, основную христіанскую догматику,—это положеніе получаетъ въ системѣ Трубецкого новое, блестящее подтвержденіе, и не съ философской только, но и съ церковной точки зрѣнія составляетъ несомнѣнную заслугу.

Заслугу, сказали мы. Да, Трубецкой хотѣлъ своею дѣятельностью служить церкви. Но приемы его защиты церкви, ея ученія и установленій, были такъ необычны, что доселѣ въ мірѣ нашего духовенства существуетъ, чтобы не сказать, господствуетъ взглядъ на него, какъ на врага церкви подъ личиною защитника, въ его преданности вѣрѣ и Христу подозрѣваются іудины поцѣлуи... Чѣмъ объяснить та-

кой печальный фактъ? За „Метафизику въ древней Греціи“ его обвинили въ отрицаніи откровенія, въ тенденціи превратить христіанство въ новое язычество, представить его простымъ фазисомъ развитія эллинской религіи, и слѣдовательно религіи такой же „естественной“ и такой же ложной, какъ эта послѣдняя. Когда появилось „ученіе о Логосѣ“, слышались тѣ же обвиненія хотя и слабѣе: это все антицерковный эволюціонизмъ, раціонализмъ. Если освободить эту полемику отъ балласта недоразумѣній и необоснованныхъ подозрѣній, то окажется, что суть разногласія состояла въ различіи представленій Трубецкого и его оппонентовъ объ откровеніи — различіи, которое противникамъ Трубецкого представляется различіемъ догматическимъ. По Трубецкому самое понятіе о Божествѣ невыводимо ни изъ ощущеній, ни изъ чистой мысли; а слѣдовательно всякая идея о Немъ, даже самая грубая, есть откровеніе. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что „ложныхъ“ религій нѣтъ вовсе: во всѣхъ нихъ присутствуетъ вѣра (мистическій факторъ знанія), какъ воздѣйствіе самого абсолютнаго сущаго на познающую волю. Такимъ образомъ клерикальные противники Трубецкого были отчасти правы: онъ дѣйствительно не усматривалъ качественного различія между христіанствомъ и такъ называемыми „естественными“ религіями; но—онъ дѣлалъ это не съ тѣмъ, чтобы отрицать ихъ всѣ, а для того, чтобы во всѣхъ признавать одну Истину — въ христіанствѣ полную и чистую, въ другихъ религіяхъ относительную и частичную; въ исторіи естественныхъ религіи онъ усматривалъ постоянный *процессъ*, благодаря которому эллинское язычество, къ эпохѣ явленія христіанства, близко подошло къ уже открытой и еще имѣвшей открыться религіозной истинѣ, нигдѣ однако съ нею не совпадая. А по представленію его оппонентовъ истина есть только въ специальномъ откровеніи обоихъ Завѣтовъ; гдѣ въ язычествѣ замѣчаются ея слабые проблески, тамъ должно видѣть или прямое заимствованіе, или глухую память о первобытномъ откровеніи; исторія языческихъ религіи есть

постоянный *refressъ*, исторія *заввенія* первоначальныхъ учений и замѣны ихъ представленіями все болѣе грубыми, все менѣе достойными своего предмета. Я не имѣю возможности остановиться на этомъ вопросѣ съ надлежащей обстоятельностью: разборъ богословскихъ взглядовъ Трубецкого съ ихъ историческимъ обоснованіемъ могъ бы составить благодарную тему для особаго реферата. *Догматическій* вопросъ сводится очевидно къ тому, какъ понимать ученіе о „разсѣянномъ словѣ истины“; и несомнѣнно, что пониманіе, которому слѣдуетъ Трубецкой, можетъ быть прослѣжено у православныхъ мыслителей отъ II и до XX вѣка — отъ Юстина мученика и до профессора С. Глаголева („Естественное Откровеніе“, М. 1902).

Какъ бы то ни было, въ правомъ лагерѣ русскихъ религиозныхъ мыслителей Трубецкой нашель поддержку со стороны лишь отдѣльныхъ лицъ, такъ же какъ въ свое время Хомяковъ и еще недавно Соловьевъ. Но и въ томъ лѣвомъ лагерѣ, куда его сопричислили его противники-богословы, среди дѣйствительныхъ противниковъ церковнаго христіанства его вѣра въ метафизику какъ науку, его преклоненіе передъ положительной религіей во многихъ возбуждало недоумѣніе и досаду. Онъ зналъ и чувствовалъ это; зналъ, что его задача неблагодарна и непопулярна, но остался твердъ до конца въ защитѣ того, во что вѣровалъ, какъ въ истину. Какъ ученый, не менѣе чѣмъ какъ гражданинъ, онъ являлся какъ бы воплощеніемъ того духа истинной, внутренней свободы, о которомъ поэтъ сказалъ:

Ни предъ вѣнчанными царями,
 Ни предъ судилищемъ молвы
 Онъ не торгуется словами,
 Не клонить рабски головы.

На покойномъ Сергѣѣ Николаевичѣ, въ послѣдній годъ его жизни, эти слова поэта сбылись, какъ извѣстно, буквально.

Борисъ Меліоранскій.

Этическія воззрѣнія Шефтсбѣри ¹⁾.

I.

„Шефтсбѣри есть одно изъ самыхъ значительныхъ явленій восемнадцатаго столѣтія. Всѣ величайшіе умы этого вѣка, не только англичане, но и Лейбницъ, Вольтеръ, Дидро, Лессингъ, Мендельсонъ, Виландъ и Гердеръ извлекали изъ него самую укрѣпляющую пищу. Прелесть его вѣчно нова. Наше время поступаетъ очень несправедливо, не обращая теперь на него никакого вниманія“. Такъ выражается о Шефтсбѣри одинъ изъ новѣйшихъ историковъ западной литературы ²⁾. Въ приведенныхъ словахъ отмѣчается вліяніе англійскаго мыслителя на западную литературу въ широкомъ смыслѣ, но насъ въ данномъ случаѣ интересуетъ историко-философское значеніе Шефтсбѣри, которое нельзя признать слишкомъ малымъ. Шефтсбѣри является типичнѣйшимъ представителемъ этики „нравственнаго чувства“ (moral sense), которая занимаетъ такое выдающееся мѣсто въ моральныхъ ученіяхъ 18-го и даже еще 17 вѣка. Моральные взгляды, выраженные Шефтсбѣри, нашли сильную поддержку у ближайшихъ послѣдователей британскаго философа—Бѣтлера и Гетчесона, хотя вскорѣ же они подверглись и жестокой критикѣ въ устахъ такихъ мысли-

¹⁾ Печатающійся очеркъ представляетъ собою этюдъ къ работѣ автора: „Философія Д. Юма. Ч. II. Этика и философія религіи Юма, въ связи съ предшествующими моральными и философско-религіозными ученіями“.

²⁾ Hettner H. Literaturgeschichte des achtzehnten Jahrhunderts. I Theil. Die englische Literatur. 4 Aufl., Braunschweig, 1881, s. 188.

телей, какъ Беркли и Мандевилъ (въ его знаменитой „Баснѣ о пчелахъ“).

Д. Юмъ и А. Смитъ значительно переработали эти воззрѣнія и положили ихъ въ основу своихъ этическихъ учений, которыя въ свою очередь послужили базисомъ для утилитарной морали, какъ послѣдняя нашла свое наиболѣе яркое выраженіе въ трудахъ Бентама и Д. С. Милля. Наконецъ, и кантовская этика была разработана въ значительной степени подъ воздѣйствіемъ Шефтсбѣри и его англійскихъ и нѣмецкихъ послѣдователей, поскольку самый принципъ категорическаго императива былъ выдвинутъ въ противовѣсъ „морали нравственнаго чувства“, философская несостоятельность которой уже предварительно была признана создателемъ нѣмецкой критической философіи. Все это дѣлаетъ историко-философскую фигуру Шефтсбѣри довольно крупной и даетъ намъ поводъ посвятить нѣсколько страницъ характеристикѣ моральныхъ взглядовъ англійскаго мыслителя, которому до сихъ поръ почти совсѣмъ не удѣлялось мѣста въ русской философской литературѣ. Но прежде чѣмъ обращаться къ изложенію воззрѣній Шефтсбѣри, мы считаемъ необходимымъ сообщить краткія біографическія свѣдѣнія объ этомъ философѣ.

II.

Антоній Эшли Куперъ, въ послѣдствіи графъ Шефтсбѣри (Antony Ashley Cooper Earl of Shaftesbury), родился 26 февраля 1671 года въ Лондонѣ, въ домѣ своего дѣда. Послѣдній былъ извѣстный общественный дѣятель, находившійся въ большой дружбѣ съ знаменитымъ Локкомъ. Такъ какъ отецъ Антонія, благодаря своей духовной ограниченности, не могъ заниматься воспитаніемъ сына, то заботы о послѣднемъ всецѣло принялъ на себя его дѣдъ. Въ этомъ процессѣ воспитанія значительная роль принадлежала названному англійскому философу, по совѣту котораго, между прочимъ, къ Шефтсбѣри еще на 11 году была приглашена воспитательница (Misstriss Birch), свободно гово-

рившая по-латыни и по-гречески. Благодаря этому, Шефтсбѣри очень быстро и путемъ живой рѣчи усвоилъ классическіе языки и очень рано близко познакомился со всѣми крупнѣйшими сокровищами античной литературы. Последняя была для него чѣмъ-то живымъ и очень близкимъ, и отсюда-то его глубокая и безпредѣльная любовь къ античному міру, которая и опредѣлила его конечные философскіе, а тѣмъ болѣе моральные идеалы. Совершенно справедливо говорить по этому поводу о Шефтсбѣри Гердеръ. „Онъ, обладая отъ природы очень тонкой организаціей, имѣлъ счастье на одиннадцатомъ году своей жизни изучить греческій и римскій языки какъ живые, вмѣстѣ размышляя съ писателемъ, котораго онъ читалъ, какъ съ живымъ. Безъ сомнѣнія, это воспитаніе дало его душѣ вкусъ къ древнимъ, который отличаетъ всѣ его сочиненія, даже въ ихъ, пріятныхъ для него ошибкахъ. Ксенофонтъ и Платонъ, Эпиктетъ и Маркъ Антонинъ, Горацій и Лукіанъ были дѣйствительными друзьями его юности и жизни, были живыми для него людьми, по которымъ онъ образовалъ свою философію и мораль, вкусъ и изложеніе, вообще всю свою манеру смотрѣть на вещи и рассуждать о нихъ... Такимъ образомъ, его философія была для него серьезнымъ дѣломъ, а не шуткой, была его наставницей въ нравственности, руководительницей въ жизни. Поэтому, когда онъ не находилъ ея, онъ горько жалѣлъ о своей подругѣ, лучшей наставницѣ древнихъ временъ. И такъ какъ онъ рано увидѣлъ образованнѣйшія страны Европы и много лѣтъ приобрѣталъ свое зрѣлое развитіе въ Италіи, гдѣ то великое и прекрасное, что осталось отъ древности въ произведеніяхъ искусства, должно было производить на него впечатлѣніе, вполне гармонизировавшее съ ея писателями, съ ея взглядами на вещи, — то онъ и остался ученикомъ древнихъ, ученикомъ своего Горація и Кевиса, своего Антонина и Платона, съ неискоренимымъ отвращеніемъ къ варварству позднѣйшихъ временъ“ 1).

1) I. G. Herder. Sämmtliche Werke. Stuttgart, 1853, B. 33, S. 129—130.

На тринадцатомъ году Шефтсбѣри поступилъ въ школу въ Уинчестерѣ, но пробылъ тамъ не болѣе трехъ лѣтъ, и затѣмъ, въ образовательныхъ же цѣляхъ, отправился въ путешествіе по Франціи и, главнымъ образомъ, по Италиі. Едва ли нужно говорить, что путешествіе по послѣдней странѣ укрѣпило и окончательно сформировало тѣ симпатіи къ античному классицизму, которыя зародились у Шефтсбѣри еще въ эпоху домашняго воспитанія. Въ одномъ изъ своихъ произведеній онъ ясно подчеркиваетъ это громадное значеніе непосредственнаго ознакомленія съ памятниками классическаго міра для выработки вкуса—въ лучшемъ смыслѣ слова. „Всякій, кто стремится къ идеалу истинной, тонкой благовоспитанности, заботится о томъ, чтобы развить у себя пониманіе въ области наукъ и искусствъ на дѣйствительныхъ образцахъ совершенства. Если онъ путешествуетъ въ Римъ, то онъ старается познакомиться съ самыми лучшими созданіями архитектуры, съ остатками статуй, съ самыми прекрасными произведеніями Рафаэля или Карашиа. Какъ устарѣлымъ, грубымъ и некрасивымъ кажется все это ему съ перваго раза! Однако, онъ продолжаетъ разсматривать ихъ все болѣе и болѣе, до тѣхъ поръ, пока онъ, развивши вкусъ, не начнетъ наслаждаться ими и пока не будетъ находить скрытыхъ въ нихъ прелестей и совершенствъ“¹⁾. По возвращеніи изъ этого образовательнаго путешествія Шефтсбѣри отдался, главнымъ образомъ, изученію философіи и не покидалъ этихъ занятій до конца своей жизни. На 24 году онъ былъ избранъ въ парламентъ, членомъ нижней палаты, гдѣ онъ примкнулъ къ вигамъ. Къ сожалѣнію, Шефтсбѣри не могъ со всей энергіей отдаться общественно-политической дѣятельности, такъ какъ у него скоро обнаружили признаки тяжелой грудной болѣзни, которая въ послѣдствіи и свела его въ могилу сравнительно еще молодымъ. Для поправленія своего здоровья

¹⁾ Shaftesbury. Characteristics of men, manners, opinions, times. London, 1727, v. III, p. 338.

Шефтсбѣри снова отправился въ заграничное путешествіе, причемъ большую часть времени онъ провелъ въ Голландіи, гдѣ познакомился съ Бэйлемъ и Леклеркомъ. Вскорѣ послѣ своего возвращенія въ Англію, онъ, по смерти своего отца, былъ назначенъ членомъ верхней палаты. Но надломленное здоровье не позволяло ему углубиться въ политическіе интересы, и, когда Вильгельмъ III предложилъ ему постъ министра, Шефтсбѣри рѣшительно отклонилъ это почетное предложеніе. Въ началѣ слѣдующаго царствованія Шефтсбѣри совершенно оставилъ парламентскую дѣятельность и удалился въ свое помѣстье, гдѣ отдался исключительно литературнымъ занятіямъ. Несмотря на очень аккуратный образъ жизни, среди природы, болѣзнь Шефтсбѣри продолжала прогрессировать, и въ 1613 году онъ принужденъ былъ искать облегченія отъ нея въ путешествіи на югъ. Но и пребываніе въ благодатномъ климатѣ Италіи не могло остановить разрушительнаго хода болѣзни, и въ этомъ же 1613 г., въ Неаполь, прекратилась жизнь Шефтсбѣри, скончавшагося 42 лѣтъ отъ роду.

Одинъ изъ новѣйшихъ біографовъ Шефтсбѣри даетъ слѣдующую характеристику нравственной личности философа, сдѣланную на основаніи многочисленныхъ отзывовъ современниковъ мыслителя. „Пріятность характера Шефтсбѣри, повидимому, была одною изъ его существенныхъ чертъ. Всѣ наперерывъ стараются представить его исполненнымъ доброты и нѣжности къ другимъ, хотя по временамъ онъ могъ быть жертвою меланхоліи и унынія. Его благорасположеніе къ людямъ не ограничивалось однѣми манерами, внѣшнимъ отношеніемъ или словами. Его кошелекъ, повидимому, всегда былъ открытъ не только безпомощному бѣдняку, но и всякому лицу другаго положенія, разъ только въ немъ замѣчалъ Шефтсбѣри что-нибудь обѣщающее или заслуживающее награды. Подобно Локку, онъ находилъ особенное удовольствіе въ оказываніи поддержки молодымъ людямъ. Онъ не только помогалъ имъ деньгами, но и всегда былъ готовъ дать имъ совѣтъ и даже учить ихъ... Благоже-

лательность Шефтсбѣри не выражалась только въ его этическихъ теоріяхъ, но она управляла всѣми его дѣйствіями. Ни одинъ философъ, по крайней мѣрѣ въ новое время, не пытался воплотить свою философію въ жизнь болѣе полно, чѣмъ Шефтсбѣри. О Спинозѣ говорятъ, что онъ до самозабвенія былъ увлеченъ идеей Бога. Съ одинаковымъ правомъ можно сказать о Шефтсбѣри, что Шефтсбѣри былъ такъ же увлеченъ идеей добродѣтели, и добродѣтель, къ которой онъ стремился сильнѣе всего, заключалась въ благожелательности и попеченіи о другихъ... Ревнитель знанія,—говоритъ въ заключеніе біографъ, — горячій приверженецъ свободы, энтузіастъ добродѣтели, чловѣкъ незапятнанной жизни и неутомимаго благотворенія, Шефтсбѣри, вѣроятно, не имѣлъ никого выше себя въ своемъ поколѣніи. Его характеръ и его стремленія особенно замѣчательны, если принять во вниманіе то высокое положеніе, къ которому принадлежалъ онъ по рожденію, и тѣ обстоятельства, среди которыхъ онъ воспитался. Во многихъ отношеніяхъ онъ напоминаетъ намъ царственнаго философа, Марка Аврелія, сочиненія котораго, какъ мы знаемъ, онъ съ жадностью изучалъ и вліяніе котораго съ несомнѣнностью отпечатлѣлось на его собственныхъ произведеніяхъ“ ¹⁾.

III.

Первое и самое важное произведеніе Шефтсбѣри „Исслѣдованіе о добродѣтели или заслугѣ“ (*An inquiry concerning virtue or merit*) было написано, когда автору было еще 20 лѣтъ съ небольшимъ. Шефтсбѣри считалъ его, въ первоначальной обработкѣ, очень несовершеннымъ и потому воздерживался отъ опубликованія; но въ 1698 году, когда авторъ путешествовалъ по Голландіи, сочиненіе это было издано другомъ Шефтсбѣри, Толандомъ, безъ вѣдома автора. Послѣдній былъ этимъ очень недоволенъ, по воз-

¹⁾ Fowler Th. Shaftesbury and Hutcheson, London, 1882, p. 34—37, 40.

вращеніи на родину скупилъ всѣ экземпляры и уже только въ 1709 году рѣшилъ издать свое произведеніе въ переработанномъ видѣ. Но еще въ 1708 г. явилось другое произведеніе Шефтсбѣри „Письмо объ энтузіазмѣ“ (адресованное къ лорду Сомерсу, хотя въ первомъ изданіи послѣднее имя и не упоминается: *A letter concerning enthusiasm to my Lord****) Въ 1709 г. вышли еще два его произведенія: „Опытъ о свободѣ остроумія и юмора“ (*Sensus Communis: An essay on the freedom of wit and humour*) и „Моралисты“ (*The moralists, a philosophical rhapsody*), при чемъ послѣднее, по степени его важности для оцѣнки существеннѣйшихъ воззрѣній Шефтсбѣри, нужно поставить вслѣдъ за „Исслѣдованіемъ о добродѣтели или заслугѣ“. Въ слѣдующемъ году появилось новое сочиненіе философа подъ заглавіемъ „Разговоръ съ самимъ собою или совѣтъ одному автору“ (*Soliloquy or advice to an author*). Всѣ упомянутыя произведенія получили особенно большую извѣстность, когда они были изданы въ 1711 году всѣ вмѣстѣ подъ заглавіемъ: „Характеристики людей, обычаевъ, мнѣній, эпохъ“ (*Characteristics of men, manners, opinions, times*). Въ это изданіе вошли еще нѣкоторыя мелкія статьи Шефтсбѣри (*Miscellaneous reflections*), которыя впослѣдствіи составили цѣлый томъ. Уже послѣ смерти автора вышло еще одно его произведеніе „Письма къ одному студенту“ (*Letters written by a nobleman to a young man at the university*).

Важнѣйшими изъ всѣхъ произведеній Шефтсбѣри являются, какъ уже мы упоминали, его „Исслѣдованіе о добродѣтели или заслугѣ“ и „Моралисты“. Съ этими трактатами, главнымъ образомъ, намъ придется имѣть дѣло въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи. Но прежде чѣмъ переходить къ нимъ, скажемъ нѣсколько словъ о другихъ менѣ крупныхъ произведеніяхъ Шефтсбѣри. Первое изъ нихъ „Письмо объ энтузіазмѣ“ было написано по поводу безпорядковъ, которые вызваны были въ нѣкоторыхъ англійскихъ провинціяхъ фанатизмомъ протестантскихъ сектъ. Узнавъ объ очень строгихъ мѣрахъ, которыя правительство было

уже готово принять противъ зачинщиковъ, Шефтсбѣри обратился съ названнымъ обширнымъ письмомъ къ лорду Сомерсу, гдѣ онъ старался показать, что послѣдствіемъ такихъ мѣропріятій будетъ только усиленіе и умноженіе волненій. Результатомъ этого обращенія была приостановка предложенныхъ репрессій. Въ этомъ произведеніи Шефтсбѣри обнаруживаетъ удивительное знаніе человѣческаго сердца, тонкое пониманіе философіи и религіи и замѣчательную начитанность въ древне-классической литературѣ. „Со времени Платона, къ которому онъ непосредственно примыкаетъ, говорить о немъ одинъ изъ его нѣмецкихъ біографовъ, никто этой страсти (религіознаго энтузіазма) не понималъ такъ ясно и основательно и не доказывалъ или выводилъ ея спеціальной сущности изъ массы фактовъ, заимствованныхъ изъ исторіи и опыта. Не даромъ онъ поставилъ это произведеніе, въ качествѣ программы или введенія, во главѣ своихъ сочиненій: мораль, искусство, религію и т. п. онъ выводитъ изъ этой страсти, которая для него не что иное, какъ представленіе и осуществленіе божественно-истиннаго, прекраснаго и добраго, какъ это всюду выступаетъ передъ нами въ произведеніяхъ природы, искусства и нравственныхъ дѣйствій“¹⁾).

Слѣдующее письмо: „Sensus communis или о свободѣ остроумія и юмора“, посвящено дальнѣйшему развитію основной мысли предшествующей работы. Здѣсь, какъ удачно выражается тотъ же біографъ, авторъ „обнаруживается съ новой и оригинальной стороны, стараясь ввести, въ качествѣ дѣйствительнаго и радикальнаго средства, юморъ и сатиру, какъ максимы въ области морали и религіи. Всякій фанатизмъ въ религіи и всякій педантизмъ въ морали онъ желалъ бы сдѣлать достояніемъ насмѣшки, потому что это лучший пробный камень для отдѣленія истины отъ лжи, дѣйствительно серьезнаго отъ только поверхностнаго и смѣ-

1) Spicker G. Die Philosophie des Grafen von Shaftesbury. Freiburgi. B. 1872, S. 60.

шного, ибо истина и добродѣтель никогда не подвергаются насмѣшкѣ, не дѣлая черезъ это смѣшнымъ самого смѣющагося. Авторъ стремится доказать на основаніи библіи и исторіи религіи, что свѣтлое и ясное міросозерцаніе и жинепониманіе есть наиболѣе существенная черта христіанства и что мы въ общемъ имѣемъ „a witty and good-humored Religion“ ¹⁾.

Третій опытъ, какъ показываетъ самое названіе („Разговоръ съ самимъ собою или совѣтъ одному писателю“), имѣеть преимущественное отношеніе къ изящной литературѣ и важенъ для характеристики современныхъ автору литературныхъ вкусовъ, идеаловъ тогдашнихъ писателей и духовныхъ запросовъ читателей. Этотъ трактатъ по справедливости ставится рядомъ съ лучшими произведеніями Лессинга и очень цѣненъ въ историко-литературномъ отношеніи, но онъ сравнительно мало имѣеть значенія для характеристики философскихъ или, въ частности, моральныхъ взглядовъ англійскаго мыслителя. Для этой цѣли важно, какъ мы уже говорили, знакомство съ главнѣйшими произведеніями Шефтсбѣри, уже не разъ называвшимися „Изслѣдованіемъ о добродѣтели или заслугѣ“ и „Моралистами“. Но здѣсь, кромѣ того, могутъ оказать существенную помощь и другія мелкія произведенія Шефтсбѣри, которыя собраны въ третьемъ томѣ подъ общимъ названіемъ: „Смѣшанныя размышленія“.

Изъ всѣхъ сочиненій Шефтсбѣри только одно написано въ систематической формѣ, да и то—относительно, и, не смотря на свое названіе („Inquiry“), оно по своему изложенію далеко отъ того типа литературной работы, который теперь характеризуется наименованіемъ „изслѣдованіе“. Что же касается „Моралистовъ“, о которыхъ мы имѣемъ такой панегирической отзывъ еще отъ Лейбница ²⁾, то самъ

¹⁾ Ib., S. 61.

²⁾ „Я нашель тамъ сразу почти всю мою „Теодицею“ раньше, чѣмъ она увидѣла свѣтъ... Если бы я былъ знакомъ съ этимъ сочиненіемъ до опубликованія моей „Теодицеи“, то я воспользовался бы имъ какъ слѣдуетъ и

авторъ называетъ ихъ „философской рапсодіей“. Вообще, художественной натурѣ Шефтсбѣри была не сродна склонность къ систематическому изложенію своихъ мыслей, хотя на первый разъ довольно разбросанная манера писать со-всѣмъ не свидѣтельствуетъ объ отсутствіи единства въ самыхъ мысляхъ автора. Эта особенность въ творчествѣ Шефтсбѣри очень ярко подчеркнута выдающимся историкомъ англійской литературы. „Шефтсбѣри вполне понятенъ только тому,—говоритъ Геттнеръ,—кто понимаетъ чистую художественность, которая была сущностью его природы... Сухая систематика противна пластическому духу Шефтсбѣри. Всего больше ему нравится форма платоновскаго діалога, потому что она всего больше возводитъ дѣйствительную жизнь къ художественной красотѣ. Но онъ знаетъ, что наша нынѣшняя общественная жизнь, какъ онъ самъ замѣчаетъ много разъ, слишкомъ плоска и пуста для сократическихъ бесѣдъ, и что ни живописецъ, ни поэтъ и особенно философъ не можетъ брать другихъ красокъ, кромѣ тѣхъ, какія даютъ ему природа и дѣйствительность. Поэтому, за исключеніемъ своего болѣе строго выдержаннаго опыта о добродѣтели, онъ выбираетъ большею частью свободно выливающуюся форму письма или блуждающей рапсодіи и умѣетъ владѣть этой формой съ такой мастерской ясностью, или—что то же самое—съ такой истинно-художественной ироніей, что если Гердеръ говоритъ о „Моралистахъ“ Шефтсбѣри, что по формѣ своей они почти достойны греческой древности, но по содержанію стоятъ выше ея,—то эта высокая похвала на самомъ дѣлѣ подходитъ не только къ этому, самому законченному произведенію Шефтсбѣри, но и ко всѣмъ его произведеніямъ безъ различія. Шефтсбѣри похожъ на беззаботно гуляющаго человѣка, который идетъ то въ одну, то въ другую сторону, который по прихоти или въ надеждѣ на красивый видъ выбираетъ цѣлью своей

займствовалъ бы изъ него многое (Des Maizeaux. Recueil de diverses piéces par M. Leibnitz, Amsterdam, 1720, v. II, p. 282—283).

прогулки то одну, то другую мѣстность. Все имѣеть у него видъ случайности, и въ самыхъ разнородныхъ мѣстахъ являются самыя разнородныя мысли. Но въ этомъ, повидимому, произвольномъ блужданіи, такъ прелестно оживляющемъ изложеніе, заключено столько глубокаго и тѣсно сплоченнаго единства, что именно у Шефтсбѣри легче, чѣмъ у кого-нибудь, можно разобрать весь міръ понятій до самаго глубокаго зерна“ 1).

IV.

Это единство въ міросозерцаніи англійскаго философа, о которомъ упоминаеть историкъ, дѣйствительно существуетъ какъ несомнѣнный фактъ, несмотря на всю несистематичность изложенія мыслей Шефтсбѣри, и оно легко бросается въ глаза и при опредѣленіи сущности моральныхъ воззрѣній мыслителя. Идеаль философа въ этой области носить ярко эстетическій характеръ, и принципъ красоты, гармоніи и симметріи является для него рѣшающимъ и въ сферѣ чисто нравственныхъ отношеній. „Въ области вкуса,—говоритъ Шефтсбѣри,—конечно, нельзя обойтись безъ идеи симметріи и порядка. Мы не можемъ не признать, что пропорціональное и правильное отношеніе или положеніе и есть истинно счастливое или удачное для каждаго субъекта. Тѣ самыя черты, которыя обусловливаютъ безобразіе, создаютъ въ то же время неудачную и вообще болѣзненную конституцію. Наоборотъ, пропорціональность отношеній, отъ которой зависитъ красота, доставляютъ только удобства благодаря возможности приспособленія въ цѣляхъ полезной дѣятельности. Даже въ изобразительныхъ искусствахъ истина или красота фигуры или статуи измѣряется совершенствомъ природы, въ ея истинномъ приспособленіи каждаго члена, каждой части въ интересахъ активности, силы, энергіи и другихъ подобныхъ особенностей въ дѣятельности того или другого живого существа. То же самое

1) Hettner H, op. cit., S. 190—191.

можно сказать и относительно медицины. Естественное или природное здоровье заключается въ дѣйствительной пропорціональности, истинности и въ правильномъ теченіи процессовъ, обусловливающихъ физическую конституцію извѣстнаго человѣка. Это и есть внутренняя красота тѣла. Но не приложимо ли нѣчто подобное и въ отношеніи духа? Нѣтъ ли въ послѣднемъ чего-нибудь такого, въ чемъ выражалась бы тенденція къ беспорядочности и разрушенію? Наоборотъ, нельзя ли констатировать извѣстнаго порядка, планомѣрности въ теченіи нашихъ аффектовъ и чувствований? Нѣтъ ли также красоты или безобразія и въ этой моральной области“ ¹⁾. Шефтсбѣри находитъ возможнымъ отвѣтить утвердительно на два послѣдніе вопроса, и по его мнѣнію, вполне справедлива формула: „то, что прекрасно, гармонично и пропорціонально; что гармонично и пропорціонально, то истинно; а что прекрасно и истинно, то пріятно и хорошо или добро“ (good) ²⁾. Итакъ, „красота и добро,—говоритъ Шефтсбѣри въ другомъ мѣстѣ (устаами одного изъ дѣйствующихъ лицъ въ своей рапсодіи)—одно и то же“ ³⁾.

Но гдѣ же и какимъ образомъ можетъ быть найдена эта красота и гармонія? Какимъ образомъ можно открыть и прилагать эту симметрію? По мнѣнію Шефтсбѣри, это можетъ осуществить только одно и очень своеобразное искусство, именно философія или изученіе внутреннихъ чисель и отношеній, которыя только можно встрѣтить въ жизни ⁴⁾.

Но понятіе философіи, по мнѣнію Шефтсбѣри, употребляется въ очень различныхъ значеніяхъ, имъ часто злоупотребляютъ и отдѣльныя лица и цѣлыя школы, и потому важно дать ему болѣе точную квалификацію и указать существенные признаки настоящаго философствованія. По словамъ Шефтсбѣри, это удобнѣе сдѣлать черезъ сопоставленіе

¹⁾ Miscellaneous reflections. Characteristics, v. III, p. 180—181.

²⁾ *ib.*, p. 182—183.

³⁾ The moralists. Characteristics, v. II, p. 399.

⁴⁾ Characteristics, v. III, p. 184—185.

философской дѣятельности съ дѣятельностью „виртуоза“,— въ современномъ автору смыслѣ слова,—ибо черезъ такое сопоставленіе легче выступаютъ отрицательныя проявленія въ названныхъ дѣятельностяхъ, обнаруживая тѣмъ самымъ и истинныя задачи виртуоза и философа.

„Подъ „виртуозами“—говорить Шефтсбери—мы понимаемъ тонко и изящно образованныхъ людей, истинныхъ джентльменовъ, любителей искусства и генія. Эти люди видѣли свѣтъ, научились нравамъ и обычаямъ разныхъ европейскихъ націй, изслѣдовали ихъ древности и познакомились съ ихъ исторіей, политическимъ положеніемъ, законами и учрежденіями, наблюдали мѣстоположеніе, укрѣпленія ихъ городовъ, ихъ главныя искусства, науки и развлеченія ихъ архитектуру, скульптуру, живопись, музыку и ихъ вкусы въ области поэзіи, науки, языка и разговорной рѣчи“¹⁾. Здѣсь, по словамъ Шефтсбѣри, конечно, нѣтъ ничего смѣшного. Но если такіе люди, продолжаетъ философъ, вдадутся въ крайности, начнутъ увлекаться мелочами, станутъ не только изучать, но и собирать ничего незначащія рѣдкости, будутъ дѣлать это только ради самихъ этихъ по существу ничтожныхъ предметовъ, а не ради какихъ-нибудь болѣе высокыхъ цѣлей, то это уже можетъ вызвать насмѣшливое и вообще отрицательное отношеніе къ себѣ. Приблизительно то же самое можно сказать и о философахъ. Если мы возьмемъ человѣка, который, твердо рѣшившись сдѣлать изъ своего ума только полезное употребленіе, будетъ размышлять надъ тѣмъ, кто онъ и что онъ, откуда онъ пришелъ или гдѣ источникъ его существованія, какая цѣль его жизни и къ какому способу дѣятельности онъ предназначенъ въ силу своихъ природныхъ предрасположеній, — то такой человѣкъ, чтобы получить отвѣты на эти вопросы, долженъ заглянуть въ глубину своей души, изслѣдовать свои внутреннія силы и способности или долженъ подняться выше своего непосредственнаго общества, гор-

1) Characteristics, v. III, p. 156.

да или отечества, чтобы открыть и узнать свое высшее государство, свое высшее отечество (то общее для всѣхъ и универсальное, членомъ котораго онъ родился), и конечно, за все это никто не рѣшится подвергнуть его хотя бы самой легкой насмѣшкѣ или тѣмъ болѣе какому-либо презрѣнію. Напротивъ, „самый утонченный джентльменъ въ концѣ-концовъ долженъ почитаться идиотомъ, если онъ, много болтая о познаніи вселенной и человѣчества, никогда не приходилъ къ мысли объ изученіи и познаніи самого себя или не задавался вопросомъ о характерѣ и управленіи того государства — „вселенной“, откуда онъ и получил свое бытіе... Въ самомъ дѣлѣ, нужно удивляться тому, что человѣкъ, уже давно пришедшій въ міръ и принесшій съ собою умъ и чувство, однако никогда не ставилъ передъ собою вопроса: „кто и что я“, что напротивъ онъ изучалъ и изслѣдовалъ многое другое и только рѣшеніе подобныхъ вопросовъ считалъ неважнымъ и предоставлялъ заниматься этимъ другимъ, какъ будто послѣдніе должны понимать и думать за него“ ¹⁾. Философствовать, въ правильномъ употребленіи этого слова, по мнѣнію Шефтсбѣри, значить „доводить до болѣе высокой ступени ранѣе полученное доброе воспитаніе или благовоспитанность (to carry good-breeding a step higher), ибо завершеніе воспитанія заключается въ наученіи тому, что считается необходимымъ въ благовоспитанномъ обществѣ и прекраснымъ въ искусствѣ, и сумма философіи въ томъ, чтобы научиться тому, что является справедливымъ съ точки зрѣнія общественныхъ отношеній и обнаруживается какъ прекрасное въ природѣ и въ самомъ строѣ вселенной“ ²⁾. Не умъ только или остроуміе дѣлаетъ человѣка хорошо воспитаннымъ, а его темпераментъ, какъ совокупность его главнѣйшихъ психическихъ силъ. Равнымъ образомъ, не голова только, а сердце и настойчивая рѣшимость создаютъ истиннаго фи-

¹⁾ Characteristics, v. III, p. 158—159.

²⁾ Ib., p. 161.

лософа. Въ томъ и другомъ случаѣ цѣлью ставится исключительное или преимущественное (excellent) стремленіе къ истинному вкусу, когда передъ глазами имѣется образецъ того, что прекрасно и полно внутренней гармоніи. ¹⁾

V.

Этотъ принципъ гармоніи и симметріи кладется англійскимъ мыслителемъ и въ основаніе его моральныхъ взглядовъ. Эти послѣдніе покоятся у Шефтсбѣри на спеціальной теоріи аффектовъ, при чемъ послѣдній терминъ понимается у него въ томъ широкомъ смыслѣ, который уже раньше придавался ему важнѣйшими представителями новой философіи—Декартомъ, Спинозою, Гоббсомъ. Это не спеціально эмоціональныя переживанія, а вообще свойственныя человѣческой природѣ расположенія, полученныя отъ рожденія, и въ гарантіи этихъ природныхъ задатковъ и заключается основаніе для нравственной дѣятельности.

Каждое созданіе, говоритъ Шефтсбѣри, имѣетъ свое спеціальное благо и свои спеціальныя интересы, стремиться къ осуществленію которыхъ побуждаетъ его природа всѣми мѣрами, которыя только находятся въ его распоряженіи. Въ дѣйствительности у cadaго живого существа можетъ быть состояніе истинное или настоящее (right) и ложное или неблагопріятное для него (wrong), и достиженіе перваго облегчается и самою природою, составляя предметъ постоянныхъ стремленій самого живого существа. Поэтому въ каждомъ созданіи есть опредѣленный интересъ или благо, и поэтому же должна существовать опредѣленная цѣль, выполнять которую обязано это существо въ силу условій своей природы. Если что-нибудь въ его потребностяхъ, стремленіяхъ или расположеніяхъ мѣшаетъ выполненію этой цѣли и приводитъ къ противоположнымъ результатамъ, то мы неизбѣжно должны видѣть

¹⁾ Ib., p. 161.

въ этомъ зло для этого существа. Зло это, прежде всего, для него самого, а затѣмъ и для другихъ индивидуумовъ того же рода, поскольку уклоненіе въ дѣятельности выше-названныхъ функцій отзывается вредными послѣдствіями для этихъ индивидуумовъ. Далѣе, если въ силу спеціальнаго устройства какого-нибудь разумнаго существа, тѣ самыя уклоненія, которыя причиняютъ зло другимъ, доставляютъ подобное же зло и ему самому, и если правильность отправленій, благодаря которой опредѣленный индивидуумъ пользуется благосостояніемъ въ опредѣленномъ отношеніи, отражается благодѣтельными послѣдствіями и на другихъ, то это благо, черезъ которое это существо дѣлается полезнымъ и для другихъ, является дѣйствительнымъ благомъ или пользою и для него самого. Такимъ образомъ, добродѣтель и польза могутъ въ концѣ-концовъ совпадать ¹⁾. Уже здѣсь Шефтсбѣри указываетъ на тѣсную связь между жизнью индивидуума и жизнью общества, все равно какъ и дальше онъ не разъ подчеркиваетъ эту „экономію аффектовъ“ ²⁾, которая служитъ необходимымъ условіемъ индивидуальнаго и соціальнаго существованія.

Всю обширную область аффектовъ, принадлежащихъ живому міру, Шефтсбѣри дѣлитъ на 3 класса: 1) природные или естественные (*natural*) аффекты, которые содѣйствуютъ благу цѣлаго общества или вообще собранія индивидуумовъ; 2) эгоистическіе аффекты (*self-affections*), которые служатъ только благу отдѣльнаго индивидуума, и, наконецъ, 3) такъ называемые неестественные или противоестественные (*unnatural*) аффекты, т.-е. такіе, которые приносятъ вредъ одинаково какъ индивидууму, такъ и всему соціальному цѣлому ³⁾.

Смотря по тому, въ какомъ отношеніи между собою находятся эти аффекты, созданіе можетъ считаться добродѣтельнымъ или порочнымъ, добрымъ или злымъ. Послѣдній видъ аффектовъ („неестественныхъ“), очевидно, долженъ

¹⁾ Inquiry concerning virtue or merit. Characteristics, v. II, p. 15—16.

²⁾ *Ib.*, p. 19, 92.

³⁾ *Ib.*, p. 87.

быть отнесенъ къ разряду порочныхъ явленій. Аффекты двухъ предшествующихъ категорій могутъ быть порочными или добродѣтельными въ зависимости отъ того, въ какой степени они проявляются. Такъ нѣкоторые естественные или природные инстинкты достигаютъ крайней степени своего проявленія, такъ что ихъ можно разсматривать почти какъ неестественные. Напримѣръ, чувство любви къ своему потомству можетъ достигнуть такой степени напряженія, что отзывается разрушительными послѣдствіями не только на родителяхъ, но и на самомъ потомствѣ. Такимъ образомъ, названный аффектъ, не будучи злымъ самъ по себѣ, дѣлается таковымъ благодаря особенностямъ своего проявленія, ибо въ такомъ случаѣ наносится ущербъ какъ личному, такъ и общему благу. Нѣчто подобное можно наблюдать и въ области религіознаго чувства, которое, въ своихъ крайнихъ формахъ, можетъ проявляться какъ суевѣріе и фанатизмъ, при чемъ такія проявленія едва ли можно считать нормальными и положительными съ моральной точки зрѣнія, что-бы ни имѣть въ виду: пользу ли для отдѣльнаго индивидуума или благо для всего общества ¹⁾).

Что касается теперь инстинктовъ, связанныхъ съ благомъ индивидуума, то и они часто не только не стоятъ въ противорѣчій съ общественнымъ благомъ, но иногда даже содѣйствуютъ послѣднему. Болѣе того, слишкомъ слабое проявленіе этихъ аффектовъ иногда приноситъ вредъ цѣлому обществу или роду, какъ это, напримѣръ, можно сказать относительно инстинкта самосохраненія, пренебреженіе къ которому можетъ отразиться неблагоприятными послѣдствіями (и на благѣ цѣлаго рода ²⁾). Такимъ образомъ, стремленіе къ личному благу можетъ быть разсматриваемо и какъ полезный или добрый актъ и какъ вредное или злое проявленіе. Аффектъ индивидуальнаго типа, достигшій край-

¹⁾ *Ib.*, p. 88—89.

²⁾ *Ib.*, p. 89.

ней степени напряженія и подавляющей собою другіе аффекты, является порочнымъ; но въ то же время и недостаточно сильный аффектъ этого типа, если благодаря этому нарушается благо цѣлаго, не можетъ считаться положительнымъ. Поэтому эти аффекты являются необходимыми и существенными для блага, и хотя ни одно созданіе не можетъ быть квалифицировано какъ добродѣтельное или порочное только въ силу того, что обладаетъ этими аффектами, однако жъ невозможно, чтобы общее благо или благо рода могло быть осуществлено безъ этихъ инстинктовъ ¹⁾).

Итакъ, благополучное или добродѣтельное существованіе обусловливается специальнымъ отношеніемъ между собою аффектовъ, въ результатъ котораго получается особое состояніе въ жизни индивидуума или общества, которое Шефтсбѣри называетъ, какъ мы уже упоминали, „экономією аффектовъ“. Въ силу этой именно особенности мы можемъ наблюдать у однихъ животныхъ преимущественное развитіе чувства страха, у другихъ—противоположнаго качества храбрости, ибо для однихъ животныхъ—болѣе слабыхъ—добродѣтельно первое чувство, для другихъ—болѣе сильныхъ—второе ²⁾). Отсюда отношеніе между различными аффектами можно сравнить съ отношеніемъ струнъ въ музыкальномъ инструментѣ. Если струны натянуты, хотя бы и въ извѣстномъ правильномъ соотношеніи, до крайней степени—больше, чѣмъ можетъ выдержать инструментъ, послѣдній не можетъ выполнять своего назначенія. Съ другой стороны, если однѣ струны натянуты какъ слѣдуетъ, а другія слишкомъ слабо, инструментъ также не можетъ функционировать удовлетворительно. Подобнымъ образомъ и въ мірѣ живыхъ существъ одно существо не является совершенно сходнымъ съ другимъ, и однѣ и тѣ же струны не пригодны для обоихъ. Люди, одаренные сильнымъ чув-

¹⁾ Ib., p. 90.

²⁾ Ib., p. 94.

ствомъ и легко подвергающіеся воздѣйствіямъ страданія и удовольствія, нуждаются въ очень сильномъ вліяніи другихъ аффектовъ, какъ нѣжность, любовь, общительность, состраданіе. Наоборотъ, болѣе хладнокровные и менѣе чувствительные не испытываютъ потребности въ такого рода чувствахъ и по самой природѣ своей не способны переживать эти нѣжныя и тонкія эмоціи въ ихъ наиболѣе высокой степени ¹⁾. Эта гармонія аффектовъ и обуславливаетъ собою ту особенность природы живого существа или, въ частности, человѣка, которую Шефтсбѣри называетъ характеромъ или темпераментомъ (temper). Въ живомъ существѣ не можетъ явиться истиннаго добра до тѣхъ поръ, пока его характеръ не измѣнится настолько, чтобы оно могло побуждаться къ доброй дѣятельности прямо непосредственнымъ аффектомъ, а не поступать такъ только случайно, въ силу какого-нибудь исключительнаго положенія. Если, напр., какое-либо существо, по природѣ мягкое и кроткое, вопреки своимъ природнымъ качествамъ является передъ нами какъ свирѣпое и дикое, то мы сейчас же замѣчаемъ это несоотвѣтствіе въ темпераментѣ и считаемъ это существо несоотвѣтствующимъ его природѣ и даже испорченнымъ. Если же это существо, благодаря хорошему уходу и другимъ благоприятнымъ обстоятельствамъ, утрачиваетъ свою свирѣпость и дѣлается кроткимъ и послушнымъ, подобно другимъ индивидуумамъ того же рода, то тогда мы говоримъ, что созданіе, такъ измѣнившееся, является добрымъ и естественнымъ. Далѣе, если допустить, что созданіе кажется кроткимъ и мягкимъ, но что такія свойства объясняются только страхомъ передъ господиномъ и при ослабленіи этой узды сразу выступаютъ его отрицательныя свойства, то эта его мягкость не является его настоящимъ темпераментомъ, и его истинная природа или подлинный темпераментъ остается такимъ, какимъ былъ, и созданіе всегда остается дурнымъ или злымъ.

¹⁾ Ib., p. 95.

Поэтому, такъ какъ въ каждомъ созданіи нѣтъ никакого добра или зла, которое не вытекало бы изъ естественнаго или природнаго темперамента, то доброе созданіе является таковымъ въ силу того, что оно влечется къ добру и отстраняется отъ зла первично и непосредственно, а не вторично и случайно. Злымъ, наоборотъ, является такое созданіе, въ которомъ недостаточно настоящихъ или хорошихъ аффектовъ, недостаточно силы, чтобы влечь его непосредственно къ добру и отвращать отъ зла. Когда всѣ аффекты находятся въ такомъ взаимоотношеніи, что содѣйствуютъ общему благу или благу рода, то естественный темпераментъ или характеръ всецѣло добръ. Если же необходимый аффектъ совсѣмъ отсутствуетъ или если онъ слишкомъ силенъ или слишкомъ слабъ или если вообще находится въ несоотвѣтствіи съ общимъ назначеніемъ существа, то природный темпераментъ, а слѣдовательно и само существо въ нѣкоторой мѣрѣ испорчено и зло ¹⁾).

VI.

Итакъ, добродѣтельное поведеніе состоитъ въ установленіи гармоніи между тремя видами аффектовъ. Самые важные изъ этихъ аффектовъ, по мнѣнію Шефтсбѣри, естественные или природные (соціальные) аффекты, связанные съ благомъ цѣлаго, и онѣ-то и требуютъ особенно тщательной культуры. Аффекты болѣе эгоистическаго типа или связанные только съ благомъ индивидуума нуждаются только въ очень умѣренномъ развитіи, а аффекты послѣдняго вида или такъ называемые „неестественные“ требуютъ къ себѣ только отрицательнаго отношенія. Такъ какъ гармонія аффектовъ и состоитъ именно въ установленіи связи между благомъ индивидуума и рода, то дальнѣйшая задача Шефтсбѣри сводится къ тому, чтобы доказать слѣдующія положенія: 1) обладать природными благожелательными или великодушно-благородными аффектами это значить имѣть

¹⁾ Ib., p. 25—27.

важнѣйшія средства и силы для самонаслажденія или индивидуальнаго наслажденія, и недостатокъ въ нихъ является извѣстнымъ несчастіемъ и зломъ; 2) обладаніе эгоистическими или индивидуальными аффектами въ очень сильной степени или безъ подчиненія ихъ благожелательнымъ и естественнымъ является уже извѣстнымъ несчастіемъ; 3) обладаніе неестественными аффектами (т.-е. такими, которые не являются благомъ ни для рода, ни для индивидуума) составляетъ несчастіе въ высшей степени ¹⁾.

Въ слѣдующей части своей главной работы („Исслѣдованіе о добродѣтели и заслугѣ“) Шефтсбѣри и старается доказать только что изображенные тезисы. Такъ, что касается перваго положенія, то философъ стремится показать его истинность при помощи самыхъ разнообразныхъ доводовъ. Онъ начинаетъ съ замѣчанія, что высшими удовольствіями должны считаться не тѣлесныя, а духовныя наслажденія, а эти послѣднія являются не чѣмъ инымъ, какъ подлинно природными (соціальными) аффектами въ ихъ непосредственномъ дѣйствиіи или, по крайней мѣрѣ, всецѣло проистекають изъ тѣхъ аффектовъ, являясь ихъ слѣдствіями ²⁾. Такъ едва ли нужно доказывать, что природные (или соціальные) аффекты сами по себѣ являются высшими наслажденіями, ибо всякому извѣстны эти удовольствія любви, благодарности, великодушія, жалости и т. п. ³⁾. Къ этому же разряду удовольствій относятся и такія тонкія интеллектуальныя наслажденія, которыя получаютъ при научныхъ занятіяхъ, особенно въ такихъ отрасляхъ знанія, какъ математика, гдѣ все основано на „гармоніи, пропорціи и согласіи“, и во всякомъ случаѣ здѣсь не имѣется налицо элемента грубо-эгоистическаго удовольствія. Но еще выше этого спекулятивнаго удовольствія стоитъ „добродѣтельное движеніе“ или „упражненіе въ благожелательности и добротѣ“, гдѣ съ самымъ услади-

¹⁾ Ib., p. 98.

²⁾ Ib., p. 101.

³⁾ Ib., p. 101—102.

тельнымъ душевнымъ инстинктомъ соединяется пріятное согласіе и одобреніе духа въ отношеніи того, что совершается въ силу этого добраго расположенія и благородной склонности ¹⁾).

Если теперь высшія духовныя наслажденія разсматривать какъ слѣдствія „естественныхъ“ аффектовъ, то и здѣсь въ нашемъ распоряженіи много самыхъ общеизвѣстныхъ фактовъ. Такъ, слѣдствіемъ любви или нѣжной эмоціи является, по мнѣнію Шефтсбѣри, наслажденіе благомъ въ процессѣ общенія или осуществленіе блага путемъ размышленія или путемъ участія въ благѣ другихъ, пріятное сознаніе дѣйствительной любви, заслуженное уваженіе или одобреніе со стороны другихъ ²⁾. Далѣе авторъ подробно анализируетъ указанныя психическія состоянія, говоритъ и о другихъ проявленіяхъ эмоціональной жизни, въ особенности поскольку они связаны съ нашею моральною дѣятельностью, вскрываетъ ихъ соціальныи характеръ и подчеркиваетъ громадное значеніе всѣхъ этихъ эмоцій, какъ источниковъ самаго высшаго духовнаго наслажденія. Но мы не послѣдуемъ за Шефтсбѣри, въ его длинномъ анализѣ, и приведемъ только заключительныя замѣчанія къ этому отдѣлу. Этотъ анализъ, говоритъ философъ, показываетъ, „насколько наши естественныя (или соціальныя) влеченія являются преобладающими, какъ они внутренно связаны съ нами и насаждены въ нашей природѣ, какъ они переплетены съ нашими другими аффектами и насколько они существенны для того правильнаго движенія и теченія влеченій, отъ которыхъ такъ непосредственно зависятъ наше счастье и наше индивидуальное наслажденіе“ ³⁾.

VII.

Дальнѣйшая задача Шефтсбѣри состоитъ въ доказательствѣ второго тезиса, заключающагося въ томъ, что эгои-

¹⁾ *Ib.*, p. 105.

²⁾ *Ib.*, p. 107.

³⁾ *Ib.*, p. 138—139.

стическіе или индивидуальныя аффекты, достигая слишкомъ сильной или интенсивной степени, дѣлаютъ созданіе несчастнымъ. Къ такого рода аффектамъ Шефтсбѣри относитъ такія эмоціональныя и инстинктивныя проявленія, какъ любовь къ жизни, сознаніе полученнаго ущерба или обиды, удовольствія въ связи съ потребностью питанія и инстинктомъ сохраненія рода, стремленіе къ обезпеченію своего матеріальнаго благосостоянія, соревнованіе или любовь къ похвалѣ и почету, праздность или любовь къ легкой и безпечной жизни. Всѣ эти влеченія, если они проявляются въ умѣренной формѣ, безвредны для соціальной жизни и не составляютъ препятствія на пути къ добродѣтели, но, достигая крайней степени, они обращаются въ такіе отрицательныя аффекты, какъ трусость, мстительность, роскошь, скупость, тщеславіе и претенціозное честолюбіе, лѣность, которые, конечно, являются нежелательными съ точки зрѣнія соціальной жизни ¹⁾. Дальше Шефтсбѣри довольно подробно анализируетъ различныя формы этихъ эмоцій, въ ихъ крайнихъ проявленіяхъ, и показываетъ отрицательное значеніе этихъ психическихъ состояній какъ для жизни индивидуума, такъ и для соціальнаго существованія. Но мы попрежнему не будемъ излагать этихъ детальныя иллюстрацій британскаго мыслителя и только ограничимся воспроизведеніемъ заключительныхъ замѣчаній Шефтсбѣри. Эти влеченія,—говоритъ моралистъ,—въ своихъ крайнихъ формахъ становятся въ противорѣчіе съ нашими реальными интересами. Они толкаютъ насъ къ очень многимъ злополучіямъ и величайшимъ бѣдствіямъ, гдѣ нерѣдко обнаруживаются наши самыя антипатичныя черты. Чѣмъ настоятельнѣе и сильнѣе дѣлаются эти побужденія, тѣмъ ниже и достойнѣе презрѣнія становится само созданіе. Они одной природы съ тѣмъ, что мы называемъ эгоизмомъ (selfishness) и даютъ начало очень низменному настроенію. Повидимому, нѣтъ ничего болѣе жалкаго въ самомъ себѣ или болѣе

¹⁾ Ib., p. 139—140.

извращеннаго въ своихъ послѣдствіяхъ, какъ быть безсильнымъ въ своемъ образѣ дѣйствій, оказаться рабомъ страсти и находиться въ самомъ унижительномъ подчиненіи у міра. По мѣрѣ развитія въ насъ эгоизма естественно въ наше поведеніе вкрадываются элементы хитрости и притворства,— непосредственность и искренность нашей природы, естественная легкость и свобода нашего духа нарушаются, всякое довѣріе теряется, развиваются подозрительность, ревность и зависть. Въ насъ легче зарождаются всякія эгоистическія побужденія, а болѣе возвышенныя точки зрѣнія и болѣе благородныя мотивы оставляются въ сторонѣ. Каждый день такого настроенія все болѣе и болѣе отдаляетъ насъ отъ общества и нашихъ товарищей, мы начинаемъ думать худшее въ отношеніи тѣхъ узъ, которыя связываютъ насъ дружбою съ этими лицами, въ концѣ-концовъ мы стараемся только молчать и подавляемъ наши естественныя и добрыя влеченія: вѣдь они содѣйствуютъ общему благу, а это послѣднее мы, въ своемъ настоящемъ настроеніи, противопоставляемъ нашимъ частнымъ, личнымъ интересамъ ¹⁾.

Эти отрицательныя черты эгоистическихъ аффектовъ сближаютъ послѣдніе съ третьимъ типомъ человѣческихъ влеченій, характеристика которыхъ находится у Шефтсбѣри въ связи съ доказательствомъ его третьяго тезиса. Это такъ называемыя неестественныя или противоестественныя аффекты, къ которымъ относятся такія проявленія, какъ удовольствіе при видѣ пытокъ, радостное настроеніе при видѣ несчастій и бѣдствій нашихъ ближнихъ, при созерцаніи убійствъ, всякаго рода кровопролитій и т. п. Сюда же можно отнести вообще разрушительныя инстинкты, которыя, къ сожалѣнію, иногда поощряются у дѣтей. Далѣе, въ число этихъ „неестественныхъ“ влеченій, по мнѣнію Шефтсбѣри, входятъ такія склонности, какъ зложелательство, зависть, мизантропія, суевѣрія, различныя извраще-

¹⁾ Ы., р. 162.

нія на почвѣ органическихъ потребностей, злоба, коварство, неблагодарность ¹⁾.

Какія отрицательныя послѣдствія не только для соціальной жизни, но и для индивидуальнаго существованія чловѣка влекутъ за собою всѣ названныя чувства, объ этомъ едва ли стоитъ распространяться. Душа наша, если въ ней эти влеченія являются господствующими, обращается, по словамъ Шефтсбѣри, въ пустыню, гдѣ все разбросано на громадномъ пространствѣ, откуда удалено все прекрасное и доброе и гдѣ нѣтъ ничего рядомъ съ дикостью и безобразіемъ. Если изгнаніе изъ родной страны, удаленіе въ какое-либо чужое мѣсто, которое уподобляется пустынь, переносится очень тяжело, то что же должно чувствоваться при этомъ внутреннемъ изгнаніи, при этомъ реальномъ устраненіи изъ чловѣческаго общества, когда чловѣку приходится сознавать себя живущимъ среди самой страшной изъ пустынь, хотя на самомъ дѣлѣ онъ находится среди общества? Что за жизнь должна быть въ этомъ несогласіи относительно всего, въ этой непримиримости и оппозиціи къ порядку и строю вселенной? ²⁾ Поэтому, заключаетъ Шефтсбѣри, едва ли можно сомнѣваться, что „обладать этими ужасными, чудовищными и неестественными аффектами значитъ быть несчастнымъ въ высшей степени“ ³⁾.

VIII.

Указанные три вида аффектовъ, въ своихъ основныхъ типахъ, могутъ наблюдаться не только у чловѣка, но и у животныхъ. Правда, что касается аффектовъ послѣдняго рода, то они только какъ патологическіе могутъ имѣть мѣсто въ животномъ мірѣ, но тѣмъ не менѣе ихъ біологическая основа выступаетъ очень замѣтно. Но у чловѣка есть еще особый видъ аффектовъ, который составляетъ принадлеж-

¹⁾ *Ib.*, p. 164—168.

²⁾ *Ib.*, p. 171.

³⁾ *Ib.*, p. 171.

ность именно его природы и на почвѣ котораго возможна чисто человѣческая нравственная дѣятельность. Эти аффекты лежатъ и въ основаніи „нравственнаго чувства“ (moral sense), которое является главнымъ критеріемъ въ процессѣ этической дѣятельности. Это такъ называемые рефлексивные или рациональные аффекты. Шефтсбери слѣдующимъ образомъ описываетъ ихъ природу. У существа, которое обладаетъ способностью образовывать общія понятія о вещахъ, объектами аффектовъ являются не только внѣшніе предметы, подлежащіе чувствамъ, но и самыя дѣйствія, а слѣдовательно и аффекты состраданія, благожеланія благодарности и противоположные имъ, когда они при помощи рефлексіи привходятъ въ нашъ духъ. Такимъ образомъ, благодаря этому рефлексированному чувству у насъ является спеціальныи видъ аффектовъ въ отношеніи самихъ аффектовъ, которые мы уже переживали, и мы тогда становимся субъектомъ новаго чувства—положительнаго, когда намъ что-нибудь нравится, и отрицательнаго, если намъ что-нибудь не нравится. Это имѣетъ мѣсто не только въ отношеніи духовныхъ или моральныхъ предметовъ, но и въ отношеніи обыкновенныхъ тѣлъ или предметовъ, воспринимаемыхъ нашими чувствами. Если движенія, цвѣта, пропорціональныя отношенія этихъ предметовъ производятъ воздѣйствіе на наше зрѣніе, то неизбежно получается впечатлѣніе красоты или безобразія соотвѣтственно различной мѣрѣ, порядку и расположенію отдѣльныхъ частей. Точно такъ же въ отношеніи нашего поведенія и нашихъ дѣйствій, разъ они становятся объектомъ нашего ума, необходимо устанавливается извѣстное различіе, сообразно съ правильностью или неправильностью самихъ предметовъ. Духъ, который видитъ и слышитъ другія души или души другихъ людей, не можетъ не имѣть собственныхъ глазъ или собственныхъ ушей, для различенія пропорціональныхъ отношеній, для отчетливаго воспріятія звуковъ, какъ и для подмѣчанія мыслей и чувствъ, которыя возникаютъ въ насъ. Ничто не можетъ ускользнуть отъ его сужденія. Онъ чувствуетъ мягкое и жесткое, при-

ятное и непріятное—въ аффектахъ. Онъ здѣсь на самомъ дѣлѣ находитъ прекрасное и безобразное, гармонію и диссонансъ—точно такъ же, какъ въ музыкальныхъ тонахъ или во внѣшнихъ формахъ и отношеніяхъ предметовъ, воспринимаемыхъ нашими чувствами, и онъ не можетъ подавить своихъ чувствъ удивленія и восхищенія, отвращенія и презрѣнія одинаково въ отношеніи тѣхъ и другихъ явленій. Отрицаніе такого общаго и естественнаго воспріятія прекраснаго и возвышеннаго въ отношеніи вещей можетъ быть только проявленіемъ нѣкоторой аффектаціи ¹⁾.

Но Шефтсбѣри не ограничивается однимъ этимъ описаніемъ „моральнаго чувства“ и въ своихъ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ старается указать другія особенности этой своеобразной душевной функціи.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Н. Виноградовъ.

¹⁾ *Ib.*, p. 28—29.

Психологія злодѣя.

(Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ.)

Che dove l'argomento della mente
L'aggiunge al mal voler ed alla possa
Nessun riparo vi può far la gente.
Dante. Infern. XXXI.

Криминальная антропологія дала намъ немало свѣдѣній о психологіи преступнаго человѣка; ничуть не раздѣляя всѣхъ увлеченій этой школы, мы должны признать за ней немалую заслугу именно въ томъ, что она расширила и сгруппировала въ одно цѣлое наши свѣдѣнія о душевной жизни преступниковъ. Эта школа довольно убѣдительно указала на существенное различіе между преступниками и грубо безнравственными людьми—истинными злодѣями. Эта школа объяснила намъ, почему только часть вредныхъ для общества людей—а именно преступники, гибнутъ въ борьбѣ за существованіе, остальные спокойно пользуются благами общжитія, а нѣкоторые изъ нихъ даже достигаютъ высокаго общественнаго положенія.

Криминальная антропологія обрисовала довольно подробно, хотя и съ нѣкоторыми промахами, только преступныхъ людей; всѣ же попытки выяснить намъ психологію злодѣевъ, не совершившихъ уголовнаго преступленія, оказались совершенно неудачными; какъ велико было непониманіе вопроса, можно судить по тому, что нашлись ученые, увѣрявшіе, что Наполеонъ обладалъ преступной организаціей.

Не задаваясь цѣлью обрисовать психологію злодѣя, очертить этотъ типъ, объяснить его происхожденіе, я хочу сдѣлать первую попытку въ изученіи этой человѣческой разновидности. Для этой цѣли я хочу воспользоваться методомъ, давшимъ столь

блестящіе результаты въ медицинѣ; а именно, дать исторію болѣзни одного очень типическаго больного или, говоря иначе, дать психологическую характеристику одного типическаго злодѣя—графа А. А. Аракчеева. Я остановился на этомъ историческомъ лицѣ именно потому, что дѣятельность его намъ хорошо извѣстна; къ моему удивленію до сихъ поръ нѣтъ полной біографіи этого типическаго злодѣя не-преступника, и потому моя работа, до извѣстной степени, пополнитъ этотъ пробѣлъ въ нашей литературѣ. Аракчеевъ безспорно типическій злодѣй—непреступникъ; аракчеевыхъ въ жизни много и всякій внимательный наблюдатель встрѣчалъ ихъ немало.

«Исторія болѣзни» Аракчеева для психолога особенно завлекательна потому, что Аракчеевъ вслѣдствіе отчасти случайныхъ обстоятельствъ, отчасти особенностей исторической эпохи, достигъ исключительно высокаго служебнаго положенія и потому могъ проявить вполне всѣ свои душевныя силы, могъ совершить много зла, что дѣлало его историческимъ лицомъ. Его злодѣянія намъ извѣстны, если не всѣ, то очень многія; намъ извѣстна почти вся его дѣятельность; наконецъ, намъ извѣстна его интимная жизнь; біографія его фаворитки Минкиной достаточно подробна для пониманія основныхъ свойствъ Аракчеева. Было бы упущеніемъ не воспользоваться всѣмъ богатымъ матеріаломъ для методологической психологической характеристики Аракчеева. Задача психолога въ данномъ случаѣ является весьма простой: расположить весь матерьялъ такъ, какъ того требуетъ современная психологія; психологъ долженъ воспользоваться разбросаннымъ въ историческихъ трудахъ и журналахъ матеріаломъ для того, чтобы обрисовать всѣ главные признаки, всѣ главные особенности психической организаціи Аракчеева. Само собою разумѣется, что методологическое изображеніе историческаго дѣятеля преслѣдуетъ другія цѣли, чѣмъ характеристика историка-художника.

Имѣющійся въ литературѣ матеріалъ вполне достаточенъ, чтобы очертить весь складъ, весь психологическій образъ Аракчеева; намъ извѣстна его біографія, извѣстна его умственная дѣятельность, извѣстны его чувствованія, его основная страсть, извѣстна его привязанность, извѣстно, въ чемъ и какъ проявлялась его воля.

Уяснивъ психологію Аракчеева, намъ будетъ понятнѣе ду-

шевный обликъ многихъ, конечно не всѣхъ злодѣевъ, мы лучше поймемъ аракчеевыхъ, которые причиняютъ и, я думаю, всегда будутъ приносить много вреда обществу.

Крупная историческая роль, выпавшая на долю Аракчеева, свидѣтельствуемъ, какъ велико значеніе аракчеевыхъ, какого внимательнаго изученія заслуживаетъ этотъ типъ. Пониманіе хотя бы одной разновидности человѣка-злодѣя подвинетъ насъ въ изученіи вредныхъ для общежитія типовъ злодѣевъ-не-преступниковъ.

Психологическая характеристика Аракчеева имѣетъ значеніе для устраненія недоразумѣнія, вытекающаго изъ односторонняго пониманія Ницше. Восхваленіе жестокости этимъ философомъ даетъ основаніе, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ, думать, что жестокость является проявленіемъ или признакомъ силы. Дѣйствительно, Ницше требовалъ твердости и даже жестокости, но, конечно, не для достиженія личнаго благополучія. Психологическая характеристика Аракчеева весьма наглядно объясняетъ намъ, что «рабъ» жестокъ при достиженіи личнаго благополучія; жестокость «раба» не дѣлаетъ его сильнымъ, потому что трусливый и лживый «рабъ» не имѣетъ права быть жестокимъ, такъ какъ человѣконенавистничество, а не стремленіе къ высшимъ цѣлямъ, причина его жестокости. Аракчеева никто не можетъ считать сильнымъ, но по своей жестокости онъ выдѣлялся между современниками. Иванъ Грозный по своей жестокости, принимая во вниманіе, конечно, эпоху, не уступалъ въ жестокости Аракчееву и даже превосходилъ его, но безспорно, Грозный царь былъ сильный человѣкъ, а Аракчеевъ жалкій рабъ. Прямо къ Аракчееву относятся слова Ницше. «Въ умномъ, безсовѣстномъ негодяѣ и преступникѣ мы порицаемъ его эгоизмъ не какъ таковой... но за то, что онъ направленъ на низкія цѣли и ими ограничивается». Изученіе психическаго склада Аракчеева съ полной убѣдительностью доказываетъ намъ, что злобность и вытекающая изъ нея жестокость есть удѣлъ «раба», нравственнаго урода. Ницше училъ, что жестокими имѣютъ право быть только сильные люди, созданные для власти; жестокой «рабъ» это нравственный уродъ. Аракчеевъ былъ типичный жестокой «рабъ», а потому человѣкъ очень вредный, заслуживающій презрѣнія и за свою жестокость, и за свою рабскую душу; онъ заслуживаетъ презрѣнія моралиста, раздѣляющаго взгляды

Ницше; онъ возбуждалъ ненависть и презрѣніе своихъ современниковъ, потому что былъ весьма жестокъ, крайне тщеславенъ, лживъ и трусъ—однимъ словомъ, онъ былъ выдающимся злодѣемъ.

Благодаря Ницше, намъ понятно, насколько неправы были адепты криминальной антропологии, считавшіе Наполеона преступникомъ; намъ понятно, насколько были неправы многіе ученые, считавшіе Ивана Грознаго злодѣемъ; благодаря Ницше, мы можемъ правильно оцѣнить рабскую душу Аракчеева, установить существенное различіе между злодѣемъ и сильными, жестокими людьми; и Аракчеевъ, и Петръ Великій были жестоки, но этимъ сходство между ними и исчерпывается. Аракчеевы безусловно вредные люди, такъ же какъ и преступники; многіе жестокіе, сильные люди были самыми полезными, самыми лучшими слугами своего народа.

Вотъ основаніе, почему я почелъ полезнымъ съ достаточною подробностью изучить психологію Аракчеева и съ особеннымъ вниманіемъ остановиться на тѣхъ особенностяхъ его душевной организациі, которыя намъ объясняютъ сущность аракчеевскаго типа. Изученіе душевной организациі Аракчеева поучительно и для психолога, и для моралиста. Мнѣ казалось, что психологическая характеристика Аракчеева даетъ столь ясные выводы, что не представляется надобности въ объясненіяхъ; психологическая характеристика Аракчеева выясняетъ намъ типъ злодѣя не-преступника и типъ «раба», въ смыслѣ ученія Ницше.

I.

Отецъ Аракчеева служилъ въ Преображенскомъ полку; послѣ манифеста 1762 г. вышелъ въ отставку въ чинѣ поручика, занимался сельскимъ хозяйствомъ; точныхъ свѣдѣній о его характерѣ не имѣется, что даетъ основаніе предполагать, что онъ ничѣмъ не выдѣлялся изъ средняго уровня. Умеръ онъ въ 1796 г.

Мать Аракчеева была очень аккуратна, экономна, дѣятельна и тщеславна; она любила общество, любила почетъ. Когда ея сынъ былъ всемогущимъ вельможей, она просила его о покровительствѣ своимъ знакомымъ; жители г. Бѣжецка просили старуху защитить ихъ отъ постоя, и она писала сыну: «Пощади, батюшка, и умилосердись къ нимъ».

У Аракчеева было два брата Петръ и Андрей; послѣдній умеръ въ молодыхъ годахъ. Маевскій ¹⁾ такъ отзывается о Петрѣ Аракчеевѣ: «Г. Аракчеевъ былъ человѣкъ вѣчно пьяный и страдалъ сильною падучею болѣзною». Отто сообщаетъ, что Петръ Аракчеевъ имѣлъ пристрастіе къ духамъ и помадѣ и, бывая въ гостяхъ у брата въ Грузинѣ, безъ церемоніи опустошалъ запасъ розовой воды, находившейся въ тамошней госпитальной аптекѣ. Когда Петръ Аракчеевъ узналъ, что графъ не оставилъ ему наслѣдства, онъ былъ очень огорченъ. «Это обстоятельство,—говоритъ Отто, такъ сильно подѣйствовало на него, что, по рассказамъ, разстроило его разсудокъ. Петръ Андреевичъ провелъ послѣдніе годы жизни въ печальномъ положеніи». Такимъ образомъ сказанное Маевскимъ подтверждается свѣдѣніями, собранными Отто. Можно допустить, что Маевскій изъ ненависти къ графу Аракчееву отозвался ужъ очень рѣзко насчетъ пьянства Петра Аракчеева, но совершенно нельзя допустить, чтобы онъ такъ категорически говорилъ о падучей болѣзни, не имѣя точныхъ свѣдѣній.

Злобный, замкнутый характеръ графа Аракчева даетъ нѣкоторое право предполагать о чемъ-то патологическомъ въ его семьѣ; весьма правдоподобно, что одинъ братъ былъ эпилептикъ и алкоголикъ, а другой былъ надѣленъ злобностью и человѣко-ненавистничествомъ. Графиня Эдлингъ въ своихъ запискахъ сказала про Аракчеева. «Une extrême mechanceté est toujours accompagné d'un grain de folie» ²⁾. Она до извѣстной степени права; самъ Аракчеевъ былъ человѣкъ здоровый, но все же онъ происходилъ изъ семьи, въ которой былъ un grain de folie. Допускать скрытую эпилепсію у графа Аракчеева мы не имѣемъ права, но нельзя отрицать, что въ его характерѣ было много весьма характернаго для эпилептиковъ; какъ мы видимъ въ его семьѣ была эпилепсія.

Къ сожалѣнію мы не обладаемъ хорошими портретами Аракчеева на основаніи имѣющихся невозможно съ полною точностью сказать что-либо опредѣленное о физическихъ признакахъ вырожденія Аракчеева. На всѣхъ его портретахъ обращаютъ на себя вниманіе большія, оттопыренные уши съ приросшими мочками;

¹⁾ «Русская Старина» 1873 стр. 136.

²⁾ Memoires de la comtesse Edling p. 261.

надбровныя дуги сильно развиты, глазныя орбиты велики, подбородокъ узокъ; но все это не достаточно выражено, чтобы считать доказательствомъ вырожденія.

Можно считать аномаліей или признакомъ вырожденія безплодность Аракчеева; едва ли ее можно объяснять половой болѣзнію (urethritis или hues), перенесенной въ молодости; если бы такая болѣзнь оставила прочныя слѣды, ею бы страдала сожительница Аракчеева; Пукалова и Минкина, какъ то хорошо извѣстно, пользовались цвѣтушимъ здоровьемъ. Нельзя отрицать, что половая болѣзнь (urethritis), вызвавъ безплодность Аракчеева, исчезла и потому сожительницы Аракчеева сохранили свое здоровье. Наконецъ, необходимо обратить вниманіе, что Аракчеевъ умеръ на шестьдесятъ пятомъ году и не страдалъ вторичными явленіями urethritis'a. Поэтому съ большой вѣроятностью можно думать, что Аракчеевъ былъ безплоденъ, и эту его особенность считать физическимъ признакомъ вырожденія.

Такимъ образомъ психіатръ съ большой осторожностью можетъ присоединиться къ мнѣнію графини Эдлингъ; я бы сказалъ, что патологическое въ натурѣ Аракчеева болѣе чѣмъ вѣроятно, но точно не доказано. Братъ эпилептикъ, безплодность, большія уши съ приросшими мочками, это даетъ право допускать, но не утверждаетъ въ Аракчеевѣ un grain de folie.

Отто на основаніи документовъ доказалъ, что Аракчеевы были люди не бѣдные—у нихъ было до 400 душъ, слѣдовательно хорошее состояніе. Аракчеевъ всѣмъ рассказывалъ, что онъ изъ бѣдной семьи; цѣль этой лжи очень ясна; нужно сказать, что она ему удалась настолько, что этой лжи вѣритъ авторъ біографіи Аракчеева въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза-Ефрона (Т. II, стр. 7—10). Аракчеевъ любилъ рассказывать, что когда отецъ привезъ его въ Петербургъ для того, чтобы помѣстить въ корпусъ, они бѣдствовали такъ, что просили подаванія у митрополита и Гурьевой; если Аракчеевъ и не сочинилъ этого рассказа, то просьба о подаваніи еще не доказываетъ бѣдности; кто же не знаетъ попрошаекъ, обладающихъ порядочными средствами.

Аракчеева дома учили мало; въ корпусѣ онъ училъ четыре года; біографъ Аракчеева въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза-Ефрона говоритъ, что въ корпусѣ «быстрые успѣхи въ наукахъ и особенно въ математикѣ доставили ему вскорѣ званіе офицера», а біографъ Аракчеева въ военно-энциклопедическомъ

лексиконѣ говоритъ: «онъ особенно отличался успѣхами въ военно-математическихъ наукахъ, а къ наукамъ словеснымъ не имѣлъ особой склонности». Ратчъ ¹⁾ по поводу этого сообщенія говоритъ: «Не имѣя данныхъ къ повѣркѣ относительно занятій Аракчеева въ корпусѣ, вслѣдъ за ними скажемъ»... «Несмотря на недавность времени, напечатанныя жизнеописанія графа Аракчеева не отличаются вѣрностью даже и фактовъ; встрѣчаются въ нихъ вымыслы и прикрасы»; Ратчъ не совсѣмъ, значитъ, довѣряется быстрымъ успѣхамъ Аракчеева. Ратчъ основательно сомнѣвается въ быстрыхъ успѣхахъ и знаніяхъ Аракчеева и приводитъ доказательства (стр. 91) его полнаго невѣжества въ артиллеріи ²⁾.

Аракчеевъ въ корпусѣ не выучился даже писать грамотно; его безграмотность поистинѣ поразительна; кадетъ, даже не научившійся писать мало-мальски грамотно, не могъ оказывать быстрыхъ успѣховъ. Конечно, я знаю, что можно обладать громадными познаніями и писать безграмотно, но всякій школьникъ, если только онъ можетъ учиться, выучивается прежде всего грамотности. Поразительная безграмотность Аракчеева, невѣжество его въ артиллеріи доказываютъ, что онъ былъ не способенъ къ усвоенію знаній, учился мало и дурно. Поклонники его могли говорить, что онъ «отличался въ военно-математическихъ наукахъ», потому что, занимая высокое положеніе, онъ могъ скрывать свое полное невѣжество и въ военныхъ, и въ математическихъ наукахъ, безграмотность свою однако скрыть не могъ. Арифметику, конечно первыя ея правила, въ корпусѣ онъ выучилъ.

Въ теченіе всей своей жизни онъ обнаруживалъ свое невѣжество; онъ никогда не понималъ знанія, не прочелъ во всю жизнь ни одной дѣльной книги. Во всѣхъ его письмахъ, намъ извѣстныхъ, его безграмотность совершенно одинакова; какъ че-

1) Свѣдѣніе о графѣ Алексѣѣ Андреевичѣ Аракчеевѣ стр. 39.

2) Я останавливаюсь на невѣрныхъ указаніяхъ даже въ лексиконахъ, для того чтобы указать съ какою осторожностью вообще нужно относиться къ біографіямъ нашихъ дѣятелей. Даже такой солидный историкъ, какъ Шильдеръ впадаетъ въ грубую ошибку. Шильдеръ („Императоръ Павелъ Первый“, стр. 381 строка 3-я) называетъ Ратча «усердный панегиристъ» Аракчеева: также онъ его называетъ въ своемъ прекрасномъ трудѣ „Императоръ Александръ Первый“, т. I, стр. 180; 3-я строка снизу. Кто читалъ книжку Ратча, для того очевидно, что Шильдеръ или не читалъ этой книжки или позабылъ взглядъ автора на Аракчеева.

ловѣкъ умный и тщеславный, онъ, конечно, зналъ, что его безграмотность все же ставится ему въ упрекъ, онъ не могъ хотя сколько-нибудь уменьшить число ошибокъ въ своихъ письмахъ. Лицо, настолько неспособное учиться, конечно, не могло отличаться въ военныхъ и математическихъ наукахъ, но къ сожалѣнію всегда находятся люди, желающіе сказать что-либо похвальное про сильныхъ міра сего, даже и о покойникахъ.

Невѣжество Аракчеева «въ военно-математическихъ» наукахъ ясно сказалось въ его полномъ непониманіи службы офицеровъ генеральнаго штаба, и онъ никогда не научился понимать съемку мѣстности. Даже защитники Аракчеева, напр., артиллеристъ Эйлеръ, не могутъ указать хотя бы на одно дѣльное распоряженіе по технической части артиллеріи, и этой стороною дѣла Аракчеевъ за время завѣдыванія своего нашей артиллеріей рѣшительно не занимался, что, конечно, свидѣтельствуетъ объ его умѣ. Онъ все свое вниманіе сосредочилъ на табеляхъ, вѣдомостяхъ, отчетностяхъ.

Конечно, несовершенство корпуса въ которомъ учился Аракчеевъ, не повинно въ его невѣжествѣ; изъ того же корпуса, руководимаго генераломъ Мелессино, вышли наши лучшіе артиллеристы, хорошо примѣнявшіе приобретенныя знанія.

Очень рано проявились основныя свойства характера Аракчеева—исполнительность, неутомимость и жестокость. Когда онъ былъ въ старшихъ классахъ корпуса, ему поручили наблюденіе надъ товарищами, что онъ исполнялъ съ нестерпимымъ звѣрствомъ; наставники были довольны такимъ дѣятельнымъ исполнителемъ, чѣмъ, по всей вѣроятности, и объясняются «отличные успѣхи» Аракчеева. Извѣстно, какъ кадеты неохотно наблюдаютъ за товарищами, какъ въ кадетскихъ корпусахъ силенъ духъ товарищества; поэтому для начальства корпуса Аракчеевъ былъ просто кладъ.

Также рано Аракчеевъ доказалъ свое трудолюбіе и настойчивость; чтобы заработать деньги, а можетъ быть, чтобы заручиться протекціей, онъ искалъ частныхъ уроковъ; директоръ корпуса Мелессино рекомендовалъ Аракчеева графу Н. И. Салтыкову. Мертваго ¹⁾, хорошо знавшій Аракчеева, говоритъ про него, «что имѣетъ онъ умъ нравиться тому, кому служить». Дѣйствительно,

¹⁾ Русскій Архивъ 1867 г. Записки Мертваго стр. 234.

Аракчеевъ даже въ годы юности умѣлъ нравиться сильнымъ міра сего, зналъ людей; онъ понравился графу Салтыкову настолько, что, по его просьбѣ, Мелессино сдѣлалъ 22-лѣтняго грубаго, невѣжественнаго Аракчеева своимъ адъютантомъ. Мелессино держалъ Аракчеева въ черномъ тѣлѣ, но молодой офицеръ, такъ блистательно начавшій свою карьеру, предусмотрительно подготавливалъ себѣ блестящую будущность. Аракчеевъ уже тогда понималъ, что будущее принадлежитъ гатчинцамъ, что его способности могутъ найти должную оцѣнку только въ Гатчинѣ. Въ Гатчинѣ была пушка; въ ней сдѣлалась раковина; для починки этой раковины начальникъ артиллеріи Мелессино прислалъ мастера съ адъютантомъ своимъ—Аракчеевымъ. Котлубицкій, рассказы котораго дышатъ правдивостью и искренностью говоритъ такъ: «въ разговорѣ ¹⁾ съ наслѣдникомъ Аракчееву удалось намекнуть: не угодно ли ему въ Гатчинѣ завести артиллерійскую батарею. Павлу это понравилось; онъ попросилъ у Екатерины двухъ артиллерійскихъ офицеровъ». Такъ какъ охотниковъ служить въ Гатчинѣ было мало, то Аракчеевъ легко добился того, чего желалъ; въ 1792 г. онъ былъ назначенъ въ Гатчину ²⁾. Здѣсь онъ оказался на своемъ мѣстѣ и скоро заслужилъ полное благоволеніе наслѣдника. Аракчеевъ даже среди гатчинцевъ выдѣлялся исполнительностью и жестокостью; его неутомимость и дѣятельность сдѣлали его любимцемъ наслѣдника. Аракчеевъ цѣлыми днями училъ солдатъ, провѣрялъ караулы, ночи проводилъ въ креслѣ, одѣтый по формѣ, чтобы явиться немедленно по первому зову. За четыре года службы онъ приобрѣлъ такое довѣріе Павла Петровича, что въ день восшествія на престолъ тотъ призвалъ великаго князя Александра Павловича и послѣ лестнаго отзыва объ Аракчеевѣ, сложивъ ихъ руки, сказалъ: «Будьте друзьями и помогайте мнѣ». Аракчеевъ приобрѣлъ за время своей службы въ Гатчинѣ полную любовь и абсолютное довѣріе Александра Павловича.

Императоръ по воцареніи тотчасъ же назначилъ Аракчеева комендантомъ Петербурга и въ Преображенскій полкъ; ему же было поручено завѣдываніе квартирмейстерской частью; квартира была

¹⁾ Русскій Архивъ 1866 г., стр. 1304.

²⁾ Никто изъ порядочныхъ дворянъ не хотѣлъ служить у него (Павла Петровича). Фонвизинъ. Обзорніе проявленій политической жизни въ Россіи. Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка. Стр. 130.

ему отведена въ зимнемъ дворцѣ. 12 декабря 1796 пожалована Аракчееву Грузинская вотчина въ 2000 душъ, въ слѣдующемъ году Александровская звѣзда и баронское достоинство; въ 1799 Аракчеевъ пожалованъ графомъ Россійской имперіи. За время царствованія Павла перваго Аракчеевъ подвергался два раза опалѣ: первый разъ 18 марта 1798 былъ уволенъ безъ прошенія въ чистую отставку. Весьма вѣроятно, что государь былъ недоволенъ жестокостью Аракчеева въ Преображенскомъ полку и квартирмейстерской части. 11-го августа Аракчеевъ былъ «принятъ паки въ службу съ отданіемъ старшинства и опредѣленіемъ въ свиту его величества». Онъ былъ назначенъ командиромъ гвардіи артиллерійскаго батальона и инспекторомъ всей артиллеріи; это сравнительно скромное назначеніе свидѣтельствуесть, что Аракчеевъ уже не пользовался полнымъ довѣріемъ государя. 10 октября 1799 Аракчеевъ подвергся вторично опалѣ. Незадолго до своей кончины императоръ Павелъ послалъ за графомъ Аракчеевымъ и генераломъ Линденеромъ. Вечеромъ 11-го марта Аракчеевъ подѣхалъ къ Петербургской заставѣ, но былъ задержанъ при вѣздѣ въ столицу по приказанію Палена.

Это обстоятельство дало право Аракчееву написать на памятникѣ императору Павлу, воздвигнутомъ графомъ въ Грузинѣ: «Сердце чисто и духъ правъ передъ тобою», а императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ писать: «Кто чистъ душою и помышленіемъ моему единственному отцу и благодѣтелю, также вѣчно будетъ преданъ и всеавгустѣйшему его семейству».

Очевидно, что до воцаренія императора Александра Павловича Аракчеевъ приобрѣлъ рѣзко опредѣленную репутацію. Императоръ Павелъ, хотя и не любилъ Аракчеева, вызвалъ его въ минуту опасности; двукратная опала Аракчеева, устраненіе его даже въ періоды его близости къ императору отъ государственной дѣятельности, даетъ право думать, что грубый, злой Аракчеевъ не былъ симпатиченъ государю, нелишенному благородныхъ порывовъ. Аракчеева считали и, конечно, съ полнымъ на то правомъ, настолько опаснымъ, что Паленъ не позабылъ задержать его на заставѣ Петербурга.

Такимъ образомъ сама судьба подготовила ему весьма опредѣленную роль въ слѣдующемъ царствованіи, сдѣлала его необходимымъ. Конечно, можно придавать значеніе случаю; вѣдь

Аракчеевъ могъ появиться въ Петербургѣ 10 марта и тогда, по всей вѣроятности, вмѣсто однихъ событій, произошли бы другія. Но именно судьба Аракчеева указываетъ, какую небольшую роль играетъ случай въ исторіи: Аракчеевъ надѣлалъ бы много зла, если бы онъ пріѣхалъ въ Петербургъ ранѣе 11-го марта, но онъ вѣдь причинилъ много зла и опоздавъ въ Петербургъ; трудно опредѣлить, при какихъ обстоятельствахъ онъ надѣлалъ бы зла больше.

Репутація Аракчеева была такъ ужасна, ненависть къ нему такъ велика, что «въ дни Александровы прекрасное начало» онъ долженъ былъ оставаться въ Грузинѣ; хотя его необходимость была очевидна, но его сотрудничество настолько бы компрометировало, что вызвать его изъ Грузина казалось рискованнымъ. Онъ былъ вызванъ въ Петербургъ только 27 апрѣля 1803 г., когда положеніе новаго правительства вполне упрочилось; однако и тогда еще не рѣшились дать ему выдающееся положеніе. Онъ былъ назначенъ инспекторомъ артиллеріи. слѣдовательно, официально занималъ второстепенную должность, оставался какъ бы въ тѣни. Но уже тогда онъ былъ самымъ приближеннымъ къ государю лицомъ: онъ входилъ безъ доклада въ кабинетъ государя.

Полное довѣріе и любовь молодого государя къ Аракчееву всѣмъ стали очевидны въ 1806 г., а именно вѣнчаніе Аракчеева съ Хомутовой происходило въ присутствіи государя; молодой графинѣ былъ пожалованъ орденъ св. Екатерины. 13 января 1808 г. Аракчеевъ былъ сдѣланъ военнымъ министромъ; 1 января 1810-го г. былъ назначенъ предсѣдателемъ департамента государственнаго совѣта. 17-го іюня 1812 г. государь поручилъ Аракчееву «управленіе военныхъ дѣлъ»; по словамъ Аракчеева «вся Французская война шла черезъ мои руки, всѣ тайныя донесенія и собственныя повелѣнія государя императора». По окончаніи отечественной войны, управленіе всѣми дѣлами государства переходитъ мало-по-малу въ руки Аракчеева; онъ становится временщикомъ; сколько извѣстно, онъ не вмѣшивался во внѣшнюю политику. Доклады по всѣмъ дѣламъ внутренняго управленія дѣлалъ Аракчеевъ и потому всѣ и все оказались въ его рукахъ.

Аракчеевъ всегда говорилъ, что мысль о военныхъ поселеніяхъ принадлежала государю; Аракчеевъ, по его словамъ, не хотѣлъ

брать на себя это трудное порученіе, но долженъ былъ уступить настойчивымъ просьбамъ государя. Этому можно повѣрить, такъ какъ Аракчеевъ боялся бунтовъ и былъ уменъ, а потому понималъ, что бунты въ военныхъ поселеніяхъ неизбежны.

До сихъ поръ не выяснено, почему собственно государь такъ настойчиво желалъ завести военныя поселенія, почему никто не рѣшился объяснить государю всю чудовищность этой затѣи, но ясно, что когда возникло желаніе завести Гатчино en grand, только Аракчееву можно было поручить это дѣло. Тутъ Аракчеевъ могъ приложить къ дѣлу всѣ свои способности и потому за военныя поселенія отвѣтственность падаетъ всецѣло на этого изверга.

Независть къ Аракчееву была такъ велика, что по воцареніи Николая Павловича графъ былъ оставленъ не у дѣлъ; его лживость и трусость возмущали этого государя, а потому, хотя онъ и сохранилъ званіе члена государственнаго совѣта, числился по арміи, но вполнѣ удалился отъ дѣлъ и жилъ въ Грузинѣ, занимаясь исключительно своимъ имѣніемъ.

Онъ умеръ 21 апрѣля 1834 г.; его бумаги были опечатаны присланнымъ на его похороны Клейнмихелемъ.

Намъ неизвѣста болѣзнь, сведшая Аракчеева въ могилу; онъ умеръ на шестьдесятъ пятомъ году жизни и, насколько можно судить по имѣющимся описаніямъ ¹⁾, прохворалъ всего нѣскольکو дней, что даетъ право допускать острое заболѣваніе. Самъ Аракчеевъ жаловался на свое слабое здоровье, и въ 1826 г. даже ѣздилъ лѣчиться за границу, но эта его поѣздка, по всей вѣроятности, была лишь предлогомъ, чтобы скрыть истинную причину удаленія отъ дѣлъ. Его напряженная дѣятельность даетъ право думать, что онъ обладалъ хорошимъ здоровьемъ, и его жалобы на слабое здоровье, на разные болѣзненные припадки, по всей вѣроятности, служили лишь предлогомъ, чтобы объяснить оставленіе службы. Послѣдніе годы ему жилось тяжело въ своемъ вынужденномъ уединеніи, и онъ хандрилъ, но физически былъ бодръ.

Относительно послѣднихъ дней Аракчеева наибольшаго до-

¹⁾ Русскій Архивъ 1868. Разказы Романовича. 283—289; опроверженіе этого разказа Бровцынымъ стр. 951—958.

вѣрія заслуживаетъ разсказъ врача Миллера, сообщенный ф. Бракке. Аракчеевъ, «цѣпляясь за жизнь съ безграничной тоскою не хотѣлъ думать о послѣднемъ часѣ и отталкивалъ отъ себя всякое о немъ напоминаніе; а равно и не рѣшался, подъ вліяніемъ овладѣвшаго имъ ужаса, дополнить свое завѣщаніе, хотя и намѣревался это сдѣлать въ здоровомъ состояніи». О малодушіи Аракчеева въ послѣдніе дни жизни говоритъ и Романовичъ; хотя разсказъ его и не вполне достовѣренъ, но онъ могъ имѣть вѣрныя свѣдѣнія о томъ какъ умиралъ Аракчеевъ, такъ какъ пріѣхалъ въ Грузино или въ день его смерти или тотчасъ же послѣ кончины. Такіе люди какъ Аракчеевъ страшно боятся смерти, не могутъ умереть мужественно, а потому не заслуживаетъ ни малѣйшаго довѣрія занесенное въ біографію Аракчеева (Энциклопедическій словарь Бракгауза-Ефрона) свѣдѣніе, что графъ «скончался не спуская глазъ съ портрета Александра». Даже Бровцынъ не говоритъ о такой покорности судьбѣ умирающаго Аракчеева; по словамъ Бровцына графъ умеръ въ комнатѣ, гдѣ стоялъ бюстъ Александра I, потому что въ это время передѣлывался его кабинетъ. Совершенно невѣроятно, чтобы умирающій Аракчеевъ обнаружилъ такую преданность, такую покорность судьбѣ. Аракчеевъ умиралъ такъ же, какъ и жилъ, а мы знаемъ какъ умираютъ злые трусы. Издатель «Русскаго Архива» въ примѣчаніи къ разсказу ф. Бракке о смерти Аракчеева сообщаетъ слышанный имъ отъ В. А. Кокорева разсказъ садовника. «Лейбъ-медикъ Виллье... однажды утромъ засталъ своего паціента съ желѣзнымъ аршиномъ въ рукѣ; въ комнатѣ находился мальчикъ-садовникъ съ окровавленнымъ носомъ. Оказалось, что умиравшій Аракчеевъ наказывалъ провинившагося мальчика, производя равномѣрные удары аршиномъ по носу». Это, конечно, самый достовѣрный разсказъ, потому что послѣдняя жертва Аракчеева хорошо запомнила эту возмутительную экзекуцію. Какъ жестокой трусъ, Аракчеевъ не могъ умереть мужественно; можно лишь удивляться тѣмъ, кто вѣритъ неправдоподобному разсказу о стоической преданности «благодѣтелю» умирающаго Аракчеева.

Пушкинъ, узнавъ о смерти Аракчеева, записалъ «умеръ Аракчеевъ, и смерть этого самодержца не произвела никакого впечат-

1) „Русскій Архивъ“ 1875, стр. 50.

лѣнія» ¹⁾; конечно, это замѣчаніе вѣрно относительно Петербурга; въ Грузинѣ смерть Аракчеева произвела общую радость. По словамъ Романовича: «Когда нужно было класть тѣло покойнаго въ гробъ, то К. (Клейнмихель) обратился къ намъ, офицерамъ, съ вопросомъ, не желаетъ ли кто переложить тѣло покойнаго, но никто не изъявилъ желанія, и тѣло должны были положить священникъ и племянникъ Аракчеева».

Этого разсказа не опровергаетъ Бровцынъ, а потому мы можемъ ему повѣрить; даже офицеры полка, шефомъ котораго былъ Аракчеевъ, ненавидѣли настолько графа, что не пожелали переложить въ гробъ тѣло своего шефа. Жаль арміи, въ которой люди, подобные Аракчееву, могутъ достигать высшихъ степеней; ненависть и презрѣніе офицеровъ къ шефу полка—Аракчееву доказываютъ, что окончательно развратить армію Аракчееву не удалось. Распоряжаться похоронами пришлось Клейнмихелю, котораго всѣ порядочные люди презирали такъ же какъ и самого Аракчеева.

II.

Среди лицъ, хорошо знавшихъ Аракчеева, безспорно самымъ глубокимъ умомъ обладалъ Штейнъ; этотъ великій и благородный государственный человѣкъ въ письмѣ къ Мюнстеру ²⁾ отъ 25 сентября 1812 г. такъ выразился объ Аракчеевѣ: «Аракчеевъ... отличается крайней узостью ума». Сужденіе Штейна безусловно вѣрно, и теперь, когда намъ хорошо извѣстна вся дѣятельность Аракчеева и къ ней мы можемъ относиться *sine ira et studio*, мы должны всецѣло присоединиться къ мнѣнію проницательнаго государственнаго человѣка. Извѣстно, что даже лица, порицавшія нравственный характеръ Аракчеева и всю его дѣятельность, считали его очень умнымъ человѣкомъ, ссылаясь на его заслуги въ дѣлѣ устройства нашей артиллеріи, на его ловкость въ государственномъ управленіи.

Для того, чтобы доказать справедливость сужденія Штейна, необходимо подробнѣе анализировать умственную дѣятельность Аракчеева, указать на ея особенности, прослѣдить, что создала эта дѣятельность.

¹⁾ „Русскій Архивъ“ 1880, стр. 495.

²⁾ „Русскій Архивъ“, 1880 г., стр. 459.

Аракчеевъ не былъ надѣленъ богатыми умственными способностями; это ясно проявляется въ его отвращеніи къ серьезному умственному труду. Въ моемъ трудѣ «Объ измѣреніи умственныхъ способностей»¹⁾, я говорилъ, что лучшимъ указателемъ силы умственныхъ способностей является стремленіе къ умственной дѣятельности. «Чѣмъ лучше, совершеннѣе органъ, тѣмъ болѣе онъ нуждается въ функціи; хорошо развитой головной мозгъ также нуждается въ интенсивной работѣ, какъ и крѣпкія мышцы.

Аракчеевъ никогда не имѣлъ чисто умственныхъ интересовъ, никогда не любилъ умственной дѣятельности, какъ таковой и поэтому никогда не стремился расширить свой кругозоръ серьезной умственной работой. Конечно, можно упрекать въ этомъ скудное образованіе имъ полученное, но если бы у него была любовь къ умственному труду, любовь къ знанію, онъ могъ бы потомъ дополнить свое образованіе. Къ чести Аракчеева слѣдуетъ сказать, что онъ самъ понималъ свое умственное убожество. Одинъ бывший грузинскій казачокъ рассказываетъ... что Аракчеевъ разъ при гостяхъ приложилъ этакъ руку ко лбу, да и сказалъ громко: «кабы у меня такой умъ былъ, какъ у Виктора Павловича Кочубея». Неспособность къ серьезной умственной работѣ, значитъ, была такъ велика, что даже при сознаніи ея необходимости, Аракчеевъ не могъ заняться самъ образованіемъ. Извѣстно, что Аракчеевъ какъ бы гордился своимъ невѣжествомъ и называлъ себя «новгородскимъ неученымъ дворяниномъ», но въ душѣ онъ понималъ, что было бы лучше, если бы онъ зналъ побольше.

Ограниченность умственныхъ способностей Аракчеева доказывается и тѣмъ, что онъ не развивался въ умственномъ отношеніи; несомнѣнно, что хорошо сформированный органъ способенъ къ развитію; Аракчеевъ жилъ въ такихъ условіяхъ, что могъ бы развивать свой умъ, если бы былъ къ тому способенъ. Самые умные, самые образованные люди того времени соприкасались съ Аракчеевымъ, но онъ упорно ихъ избѣгалъ и ничему отъ нихъ не научился. Онъ неоднократно бывалъ за границей, могъ многое видѣть, многое наблюдать; онъ принималъ участіе въ великихъ событіяхъ; кругомъ его кипѣла борьба и великихъ идей, и крупныхъ дѣятелей. Онъ ничему не научился и умеръ та-

¹⁾ „Сѣверный Вѣстникъ“, 1895 г.

кимъ же невѣжественнымъ кадетомъ, какимъ былъ въ корпусѣ. Въ своемъ печальномъ одиночествѣ въ Грузинѣ онъ нашель въ селѣ Оскуѣ какую-то сказочницу Матрену, которая безконечными разсказами старалась развлечь барина. Разъ вздумалъ онъ было для своего удовольствія и забавы заняться театральными представленіями и приказалъ крѣпостнымъ мальчикамъ сыграть Филатку и Мирошку ¹⁾. Въ послѣдніе годы онъ еще бралъ въ руки «Сѣверную Пчелу», «Инвалидъ», «Московскія Вѣдомости», а прочихъ журналовъ не читалъ, хотя и выписывалъ.

Интересно, что, посылая книгопродавцу реестры требуемыхъ изданій, Аракчеевъ писалъ: *Ведомости Московскія, Русской Инвалидъ*; дѣйствительно, нужно отличать «крайней узостью ума», чтобы не научиться правильно писать названія постоянно читаемыхъ журналовъ; вѣдь видѣлъ же Аракчеевъ много-много разъ, какъ печатается названіе военнаго журнала, и не такъ ужъ трудно запомнить это названіе, и все же онъ не могъ до смерти правильно его написать. Отсутствие любознательности поистинѣ замѣчательное.

Во всей перепискѣ Аракчеева нѣтъ и намека на какой-либо интересъ къ событіямъ, къ идеямъ, общимъ вопросамъ; ничего кромѣ службы, личныхъ дѣлъ, хозяйства, собственнаго здоровья; все, что кругомъ его происходило, интересовало его лишь съ точки зрѣнія *его* службы, *его* дѣлъ. Сами по себѣ всѣ событія для него значенія не имѣли и его не интересовали и потому, когда онъ былъ устраненъ отъ дѣлъ, то ничѣмъ кромѣ своего имѣнія не занимался; онъ не давалъ себѣ труда обсуждать государственныя мѣропріятія, хотя и гордился своею административною опытностью.

Казалось бы, что человекъ, всю жизнь имѣвшій постоянно дѣло со всевозможными вѣдомостями и инвалидами и не научившійся правильно писать эти немудренныя слова, обладалъ крайне недостаточной воспримчивостью, а потому былъ совершенно лишенъ наблюдательности. Но Аракчеевъ вовсе не былъ глупъ, онъ лишь отличался крайней узостью ума, то-есть, могъ отлично воспринимать и недурно наблюдать лишь то, что за-

¹⁾ Отто. „Черты изъ жизни графа Аракчеева. Древняя и новая Россія“. Томъ III; стр. 179.

²⁾ Тамъ же, стр. 179.

трогиваетъ его личные интересы, и, не обладая любовью къ истинѣ и справедливости, совершенно не воспринималъ того, что не затрогивало непосредственно его *я*. Въ этомъ отношеніи онъ походилъ на умнаго дикаря, не имѣющаго какихъ-либо теоретическихкихъ, отвлеченныхъ интересовъ, но прекрасно изучившаго охоту, рыболовство и т. п.

Для Аракчеева, такъ же какъ и для дикаря, мозгъ котораго не развился до того совершенства, какое присуще мозгу цивилизованнаго человѣка, истина, справедливость совершенно не существовали,—но въ сферѣ практической жизни его мозгъ работалъ весьма удовлетворительно.

Понятно, что умъ Аракчеева, работавшій въ весьма узкой сферѣ, не тратился по пустому; всѣ силы ума были сосредоточены на одной области; напрасныхъ затратъ не было; работа всегда была только полезная для достиженія данной цѣли, и потому даже въ сущности весьма небольшія силы производили много полезной работы. Въ самомъ дѣлѣ, сколько напрасной, ненужной для ихъ благополучія работы затрачиваютъ люди болѣе даровитые, чѣмъ Аракчеевъ, и понятно, что въ дѣлѣ устройства собственного благополучія, аракчеевы обгоняютъ своихъ болѣе даровитыхъ соперниковъ, непродуктивно затрачивающихъ много работы.

Аракчеевъ, даже по свойствамъ своего ума, былъ самый идеальный эгоистъ; вся его умственная дѣятельность была исключительно направлена для его собственной пользы. «Когда Шишковъ и Балашовъ представляли гр. Аракчееву, что необходимо государю ѣхать въ Москву и что это единственное средство спасти отечество, гр. Аракчеевъ возразилъ: «Что мнѣ до отечества! Скажите мнѣ не въ опасности ли государь, оставаясь долѣе при арміи?» Они ему отвѣчали: «Конечно, ибо если Наполеонъ атакуетъ нашу армію и разобьетъ ее, что тогда будетъ съ государемъ? А если онъ побѣдитъ Барклая, то бѣда еще не велика». Это заставило Аракчеева идти къ государю и упросить его величество на отъѣздъ изъ арміи» ¹⁾. Если принять во вниманіе, что такъ рассуждалъ этотъ государственный человѣкъ въ минуты величайшей опасности, мы должны признать, что Аракчеевъ былъ совершеннѣйшій эгоистъ, всегда и все разсматривавшій съ точки зрѣнія своей выгоды.

¹⁾ Изъ записокъ графа Камаровскаго. „Русскій Архивъ“, 1867 г., стр. 774.
Вопросы философіи, кн. 82.

Судьба отечества, даже въ 1812 г., не интересовала Аракчеева, но онъ отлично зналъ, что его благополучіе вполнѣ зависитъ отъ государя: при новомъ государѣ онъ можетъ лишиться своего положенія. Такимъ идеальнымъ эгоистамъ, какъ Аракчеевъ, живетъ легко даже потому, что ихъ ограниченныя умственныя силы всецѣло работаютъ для ихъ благополучія; ни одного усилія для спасенія отечества. Аракчеевъ не желалъ подумать о томъ, выгодно ли для отечества или нѣтъ предложеніе Шишкова, который напрягалъ всѣ свои умственныя силы, чтобы послужить на благо Россіи, страдалъ и волновался мыслями объ опасномъ ея положеніи. Понятно, что тотъ же Шишковъ не могъ столько же затратить умственной работы для устроенія своего благополучія, сколько затратилъ Аракчеевъ, хотя первый былъ одаренъ болѣе богато.

Жившій исключительно только для себя, Аракчеевъ отлично, на много лучше, чѣмъ болѣе его даровитые сослуживцы, наблюдалъ то, что ему было нужно. Онъ обладалъ прекрасной наблюдательностью, какъ строевой офицеръ. Павелъ Петровичъ въ Гатчинѣ завелъ совершенно другіе порядки, по сравненію съ принятыми въ русской арміи, былъ крайне требователенъ, почему офицеры, поступавшіе въ гатчинскія войска, долго не могли приладиться къ совершенно чуждому для нихъ режиму. Аракчеевъ на первый разводъ явился какъ бы вѣкъ служившій въ Гатчинѣ и соблюдалъ до изысканности установленную форму. Въ царствованіе Павла Петровича Аракчеевъ считался лучшимъ знатокомъ фронта; онъ до мельчайшихъ подробностей изучилъ всѣ требованія государя, и ни одно самое ничтожное уклоненіе въ строевомъ ученіи не ускользало отъ его наблюдательности. Если Аракчеевъ на смотру не замѣчалъ неправильностей, то уже никто не могъ подмѣтить чего-либо достойнаго порицанія. Конечно и въ то время было не мало карьеристовъ, желавшихъ превзойти Аракчеева въ капральствѣ и придирчивости, но слава его, какъ самага лучшаго знатока гатчинскаго военнаго устава, стояла непоколебимо. Очевидно, что Аракчеевъ былъ надѣленъ выдающейся наблюдательностью, прекрасной памятью; онъ замѣчалъ самую мелкую ошибку и самъ не дѣлалъ ошибокъ.

Однако необходимо замѣтить, что для того, чтобы тщательно наблюдать за строевымъ ученіемъ, слѣдить за малѣйшими отклоненіями отъ требованій гатчинскаго устава, необходима крайняя

ограниченность кругозора, и потому человѣку умному такое дѣло такъ надоѣдаетъ, что онъ не въ силахъ конкурировать съ арацкеевыми; человѣкъ съ интенсивно развитой духовной жизнью не выноситъ такой одуряющей работы; только Арацкеевъ, Ладенеръ, Канибахъ и имъ подобные могутъ выдержать эту умственную пытку. Понятно, что истинно умный человѣкъ долго не можетъ заниматься пустяками, а умственно ограниченныя арацкеевы занимаютъ даже съ любовью притупляющими умъ пустяками.

Вслѣдствіе крайней ограниченности интересовъ, вниманіе Арацкеева всецѣло было сосредоточено на дѣлѣ, ему порученномъ: все остальное для него не существовало. Нужно отдать справедливость Арацкееву въ томъ, что онъ былъ хорошеі служака, всецѣло отдававшійся службѣ. Мы, конечно, не имѣемъ мѣрила вниманія—этой великой силы въ борьбѣ за существованіе, но несомнѣнно, что при равной силѣ вниманія, чѣмъ уже область, на которую оно направлена, тѣмъ плодотворнѣе будетъ его работа. А именно все вниманіе Арацкеева было сосредоточено на служебныхъ дѣлахъ, и то только на формальной, внѣшней ихъ сторонѣ. Арацкеевъ прекрасно усвоилъ порядки службы какъ фронтовой, такъ и канцелярской. Всѣ бумаги были заготовляемы во время, съ внѣшней стороны были составлены по установленной формѣ; всѣ вѣдомости, таблицы и т. п. были составлены аккуратно, всякое упущеніе строго преслѣдовалось. Съ такимъ же вниманіемъ Арацкеевъ слѣдилъ за точнымъ исполненіемъ приказаній, не допускалъ малѣйшаго упущенія въ исполненіи ихъ; всѣ дѣла шли по порядку, и канцеляріи, управляемыя Арацкеевымъ, съ внѣшней стороны были такъ же исправны, какъ воинскія части, которыми онъ завѣдовалъ. Даже враги Арацкеева отдавали ему справедливость въ его административной аккуратности; онъ и его подчиненные работали, какъ машина. Арацкеевъ создалъ школу администраторовъ, аккуратно, до мельчайшихъ подробностей, осуществлявшихъ приказанія свыше, не разсуждавшихъ о цѣлесообразности этихъ приказаній. Его лучший ученикъ Клейнмихель, усвоившій духъ арацкеевщины, желая лично убѣдиться, правильно ли сдѣлано священническое облаченіе, приказалъ директору департамента надѣтъ на себя это облаченіе, нашелъ упущенія, на что сурово и указалъ виноватому.

Отъ вниманія всецѣло сосредоточеннаго на внѣшности, на формѣ, естественно ускользала сущность дѣла, да она и не интересовала Аракчеева, такъ какъ онъ даже не скрывалъ, «что мнѣ до отечества». Когда Аракчееву былъ порученъ генеральный штабъ, онъ, зная, что государь желалъ, чтобы офицеры были всецѣло заняты службой, засадилъ своихъ несчастныхъ подчиненныхъ за перечерчиваніе «прежнихъ плановъ, большею частью бесполезныхъ. Кромѣ этой убивающей всякія способности работы не было и помина о какихъ-либо болѣе цѣлесообразныхъ занятіяхъ... Аракчеевъ жилъ надъ заломъ, въ которой производилось черченіе, и раза по два и по три въ день являлся среди офицеровъ. При малѣйшемъ поводѣ, подъ самыми ничтожными предлогами, онъ ругался позорнѣйшими словами и разъ одному колонновожатому, фонъ Фитингофу, далъ пощечину» ¹⁾.

Аракчеевъ не потрудился узнать, въ чемъ должна состоять служба офицеровъ генеральнаго штаба; по своему невѣжеству онъ даже не догадывался, чѣмъ слѣдуетъ занять этихъ офицеровъ; его пониманію была доступна только внѣшность работы, и онъ засадилъ лучшихъ офицеровъ нашей арміи за притупляющую умъ работу.

Тѣ же свойства своего ума Аракчеевъ проявилъ и при устроеніи военныхъ поселеній; все было аккуратно разсчитано, все было съ внѣшней стороны въ наилучшемъ порядкѣ; приказанія отдавались во-время; бумаги, штаты, вѣдомости не оставляли желать лучшаго. Но оставляя даже въ сторонѣ, что военные поселяне лишены были свободы болѣе арестантовъ, самое хозяйство поселеній ясно доказываетъ крайнюю узость ума Аракчеева. «Все, что составляетъ наружность—плѣняетъ глазъ до восхищенія; все, что составляетъ внутренность — говоритъ о безпорядкѣ... Но представьте огромный домъ съ мезониномъ, въ которомъ мерзнутъ люди и пища... представьте, что корова содержится, какъ ружье, а кормъ въ полѣ получается за 12-ть верстъ, что капитальные лѣса сожжены, а на строеніе покупаются новые изъ Порхова, съ тягостнѣйшей доставкой... При томъ, отъ худого расчета, или оттого, что корова въ два оборота дѣлаетъ въ день по 48 верстъ для пастбища,—опредѣлительно, всякій годъ падало отъ 1000 до 2000 коровъ въ полку... Читая одни приказы графа,

¹⁾ Ратчъ. Свѣдѣнія о графѣ А. А. Аракчеевѣ, стр. 153—154.

чувствуешь уже невольный ужасъ... У меня отъ приказовъ его всегда поднимались волосы ¹⁾»).

Несомнѣнно, что Аракчеевъ не сдумѣлъ устроить военныхъ поселеній, даже въ хозяйственномъ отношеніи; въ чисто утилитарномъ смыслѣ они были невыгодны и не достигали цѣли; я уже не говорю о тѣхъ совершенно безцѣльныхъ мученіяхъ, которыя переносили жертвы ограниченности Аракчеева и которыхъ легко было бы избѣжать, если бы во главѣ поселеній стоялъ человѣкъ разумный. Очевидно мало знанія внѣшней, формальной стороны дѣла даже для того, чтобы, обладая неограниченной властью, организовать живое дѣло и имъ руководить. Отзывы подчиненныхъ Аракчеева о военныхъ поселеніяхъ единогласны, за исключеніемъ Эйлера; мрачную картину рисуетъ Гриббе ²⁾).

Аракчеевъ обладалъ хорошей наблюдательностью и вполне удовлетворительной памятью, дѣятельнымъ, напряженнымъ вниманіемъ въ сферѣ личныхъ своихъ интересовъ, но ассоціативная дѣятельность ума отличалась крайней бѣдностью. Сочетаніе представленій у него было ограничено, всѣ мысли его отличались краткостью, отрывочностью, были однообразны. Но за то сочетанія представленій выигрывали въ прочности. Это именно и составляетъ главную особенность узкихъ умовъ. У глупыхъ людей сочетанія представленій и ограничены и непрочны; у людей съ широкимъ умомъ ассоціаціи очень богаты и разнообразны; они обладаютъ поэтому многочисленными комбинаціями представленій. Аракчеевъ обладалъ умомъ, но узкимъ, слѣдовательно у него было немного ассоціацій, но крайне прочныхъ. Въ той ограниченной области, въ которой работалъ его умъ, онъ обладалъ твердо усвоенными знаніями; всѣ представленія о табеляхъ, вѣдомостяхъ, формахъ и т. п. были соединены между собою крайне прочно, и Аракчеевъ былъ знатокъ своего дѣла. Представленіе всегда вызывало прежде съ нимъ сочетанное и потому всякое отступленіе отъ усвоеннаго порядка службы и порядка въ сочетанныхъ представленіяхъ тотчасъ же замѣчалось.

1) Мой вѣкъ или исторія генерала Маевского. „Русская Старина“, 1873 стр. 353—4.

2) Новгородскія военныя поселенія. „Русская Старина“, 1885 г. Январь.

Эта прочность въ сочетаніи небольшого числа представленій, составляющая особенность узкихъ умовъ, непременно выражается крайней аккуратностью и педантизмомъ. До сихъ поръ психологи не обратили должнаго вниманія на психологическій анализъ аккуратности и педантизма, не объяснили значеніе и составъ этого психологическаго явленія. Аракчеевъ наслѣдовалъ свою аккуратность отъ матери; насколько намъ извѣстно, въ этомъ отношеніи графъ намного превозшелъ свою мать. Аккуратность, безспорно врожденное свойство, наслѣдуемое отъ предковъ; воспитаніе не можетъ ни привить аккуратности, ни отучить отъ нея. Я наблюдалъ мальчика, воспитаннаго вдовою-матерью, женщиною крайне безалаберною; мальчикъ унаслѣдовалъ отъ отца, умершаго, когда сыну было два года, крайнюю аккуратность; мальчику часто доставалось отъ матери за его аккуратность, которая съ годами только росла. Также я наблюдалъ аккуратность, унаслѣдованную отъ матери, умершей отъ родовъ; мальчикъ, воспитанный въ чужой семьѣ, очень рано отличается отъ дѣтей пріютившей его семьи крайней аккуратностью; съ годами эта аккуратность достигла крайней степени и прямо тяготила всю семью; ни уговоры, ни насмѣшки не дѣйствовали.

Крайняя аккуратность, тягостная для окружающихъ, всегда бываетъ врожденная и свидѣтельствуетъ о крайней прочности ассоціацій; такъ какъ людей, надѣленныхъ прочными и богатыми ассоціаціями очень мало, то обычно крайняя аккуратность наблюдается у людей, отличающихся «узостью ума». Какъ извѣстно, Кантъ былъ крайне, до педантизма аккуратенъ, но это былъ величайшій мыслитель, жившій почти исключительно умственной жизнью.

Крайняя аккуратность, педантизмъ имѣетъ въ своей основѣ бѣдность, но прочность ассоціацій; представленія сочетаны между собою такъ прочно, такъ неизмѣнно, что всякое новое сочетаніе тягостно и потому непріятно для педанта. Онъ можетъ легко думать и дѣлать лишь по заранѣ усвоенному порядку, всякое отклоненіе отъ этого порядка вызываетъ столь тягостную умственную работу, что педантъ безсознательно избѣгаетъ всего новаго, стремится жить по установленному плану. Эта стойкость сочетаній проявляется во всѣхъ мелочахъ жизни — въ одеждѣ, въ распредѣленіи занятій, въ убранствѣ комнатъ, въ отношеніи къ порученному дѣлу, въ выборѣ занятій. Педантъ страдаетъ,

когда видитъ безпорядокъ въ своихъ комнатахъ, когда наталкивается на новыя, непонятныя для него вопросы. Конечно, не трудно соблюдать установленный порядокъ въ одеждѣ, въ образѣ жизни, но почти невозможно избѣгать новыхъ вопросовъ, особенно неясныхъ, новаго освѣщенія предмета. Поэтому педанты не любятъ ничего новаго, особенно неяснаго: ихъ консерватизмъ чисто органическій; по мѣрѣ возможности они избѣгаютъ всего неяснаго, новаго, требующаго новыхъ для нихъ сочетаній представленій, теряются и дѣлаютъ грубыя ошибки, когда жизнь наталкиваетъ ихъ на разрѣшеніе такихъ вопросовъ. Вслѣдствіе крайней прочности въ сочетаніи ихъ представленій, педанты прекрасно, крайне аккуратно дѣлаютъ работу имъ привычную; всякое отступленіе отъ усвоеннаго порядка, а слѣдовательно всякую неточность, неясность и, конечно, ошибку, они замѣчаютъ легко, потому что все это имъ прямо непріятно. Поэтому педанты нерѣдко очень полезныя работники; они отлично могутъ исполнять работы, не требующія новыхъ сочетаній, собственнаго творчества. Особенно полезны педанты въ счетоводствѣ и въ простой канцелярской работѣ; тутъ ихъ очень цѣнятъ. Когда педантамъ поручаютъ сложное, большое дѣло, они теряются въ мелочахъ, форму предпочитаютъ сущности; они хотя и плохо, могутъ вести дѣло по заведенному уже порядку и даже могутъ усилить порядокъ, но идти впередъ это свыше ихъ силъ. Конечно, полезнѣе всего люди обладающіе и прочностью и богатствомъ ассоціаціи, напр., Кантъ, но такія лица рѣдко.

Аракчеевъ, какъ человекъ надѣленный «крайней узостью ума», отличался крайней аккуратностью. На службѣ въ Гатчинѣ онъ обратилъ на себя вниманіе аккуратностью въ одеждѣ. Его домъ въ Грузинѣ поражалъ чистотою и педантизмомъ; все было на своемъ разъ назначенномъ мѣстѣ и ни малѣйшихъ отступленій отъ заведеннаго порядка не допускалось. Ф.-Брадке запомнилъ, что ему подали къ чаю такъ мало бѣлаго хлѣба, что онъ былъ голоденъ; онъ попросилъ лакея подать еще хлѣба, но лакей объяснилъ, что порціи установлены самимъ графомъ, и безъ его приказанія порція хлѣба не можетъ быть увеличена ¹⁾. Трудно сказать, что тутъ было сильнѣе—скупость или аккуратность.

¹⁾ „Русскій Архивъ“. 1875, стр. 36.

Чистота въ Грузинѣ была доведена до крайности; Аракчеевъ часто чистымъ платкомъ вытиралъ полъ подъ мебелью и, если платокъ пачкался, прислуга подвергалась строгимъ наказаніямъ. Всѣ начальники въ Грузинѣ были обязаны доносить по установленнымъ формамъ о ходѣ хозяйства и даже о самыхъ ничтожныхъ дѣлахъ; напр., старшему офиціанту 11-мъ пунктомъ инструкціи было приказано: «еженедѣльно присылать ко мнѣ рапорты, прописывая въ оныхъ все, что случится по твоему вѣдомству».

Ту же крайнюю аккуратность Аракчеевъ проявлялъ и въ своей служебной дѣятельности, какъ о томъ единогласно свидѣлствуютъ его подчиненные—Мертваго, Маевскій, ф.-Брадке, Эйлеръ. Всякое порученное ему дѣло Аракчеевъ исполнялъ аккуратно, педантично; онъ работалъ основательно; ошибокъ, недосмотровъ, а тѣмъ болѣе запозданія никогда не было. Онъ приобрѣлъ репутацію большого дѣльца и даже великаго государственнаго дѣятеля; его поклонники ставятъ ему въ заслугу хорошее состояніе нашей артиллеріи, настойчивость, проявленную имъ въ шведскую войну, и даже считаютъ его хорошимъ военнымъ министромъ. Нельзя отрицать, что Аракчеевъ высказывалъ иногда весьма дѣльные взгляды въ качествѣ члена комитета министровъ, и нѣкоторыя его замѣчанія какъ въ журналахъ этого учрежденія, такъ и государственнаго совѣта весьма основательны.

Психологъ не компетентенъ въ административныхъ вопросахъ и потому не можетъ съ полною точностью оцѣнить служебныя заслуги Аракчеева; да это едва ли и возможно, такъ какъ рѣшительно нельзя опредѣлить, что собственно было сдѣлано Аракчеевымъ и что его сотрудниками; кто же не знаетъ начальниковъ, приписывающихъ себѣ все хорошее, сдѣланное подчиненными и сваливающихъ всѣ свои ошибки на тѣхъ же подчиненныхъ. Поэтому если бы даже было съ полною очевидностью доказано, что за время управленія нашей артиллеріей Аракчеевымъ, она достигла блестящаго состоянія, это нисколько бы не доказывало, что этимъ она обязана Аракчееву: у него могъ быть скромный, талантливый помощникъ; во время войнъ могли выдвинуться талантливые артиллеристы. Наконецъ, блестящее состояніе нашей артиллеріи едва ли можетъ быть доказано. Въ бородинской битвѣ у насъ было 640 орудій, а у французовъ

только 587 (Энциклопедическій словарь Брокгауза-Ефрона, т. IV, стр. 439), но мы не сумѣли воспользоваться своимъ превосходствомъ въ числѣ орудіѣй.

Для психолога имѣеть большое значеніе свидѣтельство Эйлера: «Въ это время артиллеристы интриговали, чтобы удержать отъ принятія на службу графа Аракчеева; но всѣ хлопоты и усилія оказались тщетными: въ концѣ мая 1803 года графъ Аракчеевъ назначенъ инспекторомъ всей артиллеріи и командиромъ гвардейскаго артиллерійскаго батальона» ¹⁾. Для психолога несомнѣнно, что нелюбимый своими подчиненными начальникъ не можетъ организовать живого дѣла, вдохнуть жизнь въ учрежденіе. Справедливость этой аксіомы Аракчеевъ доказалъ своею дѣятельностью въ военныхъ поселеніяхъ; его громадная власть, рѣдкое трудолюбіе, опытность, дѣловитость—все это не могло создать жизнеспособнаго учрежденія.

Ставятъ въ заслугу Аракчееву его участіе въ шведской войнѣ; однако и его поклонники говорятъ, что онъ лишь передалъ полководцамъ приказаніе государя энергично продолжать войну; значить главная заслуга принадлежитъ самому государю, а Аракчеевъ лишь точно передалъ приказаніе императора. Мертваго пишетъ, что было крайне трудно, и даже казалось невозможнымъ снабжать армію продовольствіемъ, и это затрудненіе устранилъ не Аракчеевъ, а онъ Мертваго ²⁾. Такъ какъ Аракчеевъ былъ неспособенъ дѣйствовать иначе, какъ по установленнымъ формамъ, то можно повѣрить, что Мертваго предложилъ ему новыя способы доставки продовольствія.

Несомнѣнно, что Аракчеевъ не только самъ много и съ педантичной точностью работалъ, но заставлялъ и подчиненныхъ работать много и крайне аккуратно. Я думаю, что правильнѣе всѣхъ оцѣниваетъ служебную дѣятельность Аракчеева ф.-Брадке. «Поистинѣ рѣдкая и строго направленная дѣятельность, необыкновенная правильность въ распредѣленіи времени и воздержаніе отъ безмѣрнаго пользованія плотскими наслажденіями давали ему очевидную возможность совершать болѣе того, что могло быть сдѣлано обыкновеннымъ путемъ, и служили въ его беззастѣнчивой рукѣ бичемъ для всѣхъ его подчиненныхъ» ³⁾. Арак-

1) „Русскій Архивъ“, 1880, стр. 342.

2) „Записки Мертваго“. „Русскій Архивъ“, 1867, стр. 49.

3) „Русскій Архивъ“. 1875.

чеевъ безспорно работалъ въ своей жизни очень много, сдѣлалъ гораздо больше, чѣмъ всѣ его современники, но все это не доказываетъ, что онъ обладалъ глубокимъ и широкимъ умомъ. Это былъ педантъ, крайне трудолюбивый, отчаянный формалистъ и консерваторъ по натурѣ.

Весьма дѣльные сужденія Аракчеева въ комитетѣ министровъ, въ государственномъ совѣтѣ даютъ право допускать у него крупныя умственныя способности ¹⁾, но вѣдь нужно доказать, что эти дѣльныя сужденія принадлежали самому Аракчееву, а не были выработаны кѣмъ-либо изъ его подчиненныхъ. Вся дѣятельность Аракчеева заставляетъ меня думать, что въ высшемъ государственномъ управленіи за него работалъ кто-либо другой, что самъ онъ не могъ вслѣдствіе «крайней узости ума» быть дѣльнымъ государственнымъ человѣкомъ. Шенигъ ²⁾ рассказываетъ, что Аракчеевъ поручалъ разсмотрѣніе важнѣйшихъ дѣлъ тайному совѣтнику Ф. П. Львову; это, по словамъ Шенига, «былъ человѣкъ ума и способностей необыкновенныхъ». «Ф. П., возвратясь домой, въ кругу семьи, въ которой и я былъ принятъ какъ родной, смѣялся надъ глупой необразованностью Аракчеева». Трудно не вѣрить столь категорическому свидѣтельству почтеннаго и образованнаго Шенига.

Какъ извѣстно, Аракчеевъ въ 1812 г. совѣтовалъ заключить миръ, такъ какъ не вѣрилъ въ побѣду Россіи; къ счастью на этотъ разъ государь не послушался совѣта «вѣрнаго друга». Аракчеевъ рѣшительно не понималъ общаго положенія дѣлъ въ эпоху отечественной войны, что едва ли свидѣтельствуется въ пользу его государственнаго ума. Впрочемъ, убѣжденіе Аракчеева въ непобѣдимости Наполеона отчасти могло зависѣть отъ его колоссальной трусости.

Къ сожалѣнію всегда довольно ограниченныхъ людей и не

¹⁾ Середонинъ („Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ“, т. I, стр. 20—40) отзывается благопріятно о дѣятельности Аракчеева, какъ члена комитета министровъ. Въ 1815 г. государь назначилъ Аракчеева „для доклада и надзора по дѣламъ комитета“.

²⁾ „Русскій Архивъ“. 1880, 314—315. То же свидѣтельствуется весьма свѣдущій въ этихъ дѣлахъ Фокъ въ официальномъ письмѣ къ Бенкендорфу; онъ утверждаетъ, что за Аракчеева работали Пукаловъ и Марченко; „они готовляли работы, которыя онъ выдавалъ за свои“; это „фактически доказано“. „Русская Старина“. 1881 г., IX, стр. 182.

мало холоповъ, преклоняющихся передъ успѣхомъ; сильные міра сего всегда окружены почитателями ихъ необыкновенныхъ способностей. Многіе, очень многіе, совершенно безкорыстно преклоняются передъ лицами, имѣющими успѣхъ въ жизни. Принято, что для успѣха нужны выдающіяся способности; слѣдовательно, человѣкъ, добравшійся на верхнія ступени, обладаетъ выдающимися способностями. Такъ разсуждаютъ очень многіе и потому вполнѣ естественно, что и Аракчеева считали очень умнымъ, великимъ государственнымъ человѣкомъ. Только великій Штейнъ правильно оцѣнилъ Аракчеева, но, какъ то и должно было быть, этотъ государственный человѣкъ очень скоро оказался не у дѣль. И въ Пруссіи и въ Россіи дѣйствительно умные люди пользовались меньшимъ успѣхомъ, чѣмъ аракчеевы. Только Наполеонъ оцѣнилъ по достоинству Штейна и потому считалъ его для себя опаснымъ; для лицъ, не надѣленныхъ проницательностью Наполеона, Аракчеевъ казался государственнымъ человѣкомъ. Нужно замѣтить, что аракчеевы всегда находятъ поклонниковъ и покровителей, потому что они полезны своимъ начальникамъ; естественно, что начальники награждаютъ точныхъ исполнителей, а толпа поклоняется успѣху.

Психологическій анализъ умственныхъ способностей Аракчеева устанавливаетъ дѣйствительныя свойства ума этого дѣятеля, объясняетъ намъ, почему Аракчеевъ казался государственнымъ человѣкомъ, почему всюду его дѣятельность приносила больше вреда, чѣмъ пользы.

Въ заключеніе слѣдуетъ отмѣтить, что Аракчеевъ обладалъ выдающейся работоспособностью, рѣдкой неутомимостью, что, конечно, свидѣтельствуетъ о хорошемъ питаніи головного мозга; нужно думать, что въ этомъ отношеніи Аракчеевъ былъ вполнѣ здоровый человѣкъ. Даже принимая во вниманіе, что Аракчеевъ правильно распредѣлялъ свое время, не тратилъ своихъ силъ понапрасну, все же мы можемъ лишь удивляться его неутомимости, его работоспособности. Понятно, что большое количество работы, произведенной Аракчеевымъ, импонировало современникамъ, давало имъ основаніе считать его выдающимся дѣятелемъ. Человѣкъ умный, но легко утомляющійся, можетъ оказаться не столь продуктивнымъ, какъ человѣкъ ограниченный, много работающій.

Наконецъ, Аракчеевъ много работалъ, потому что вслѣдствіе

особенности своей организаціи ничѣмъ не отвлекался отъ работы; это давало ему громадное преимущество передъ его конкурентами.

Несмотря на всѣ эти благопріятныя условія, ничего полезнаго, ничего прочнаго Аракчеевъ создать не могъ; тамъ, гдѣ онъ работалъ самостоятельно, т.-е. въ военныхъ поселеніяхъ, все свидѣтельствовало, что Аракчеевъ отличается крайней узостью ума.

Только по недоразумѣнію Аракчеева можно считать государственнымъ дѣятелемъ; къ этой дѣятельности онъ былъ и неподготовленъ и совершенно неспособенъ. Нужно отдать ему справедливость въ томъ, что онъ и не претендовалъ на роль государственнаго мужа; онъ просто исполнялъ приказанія и потому несетъ отвѣтственность лишь какъ исполнитель. Аракчеевъ исполнялъ аккуратно и съ большимъ трудолюбіемъ всѣ порученія, на него возлагавшіяся: муштровалъ солдатъ, командовалъ артиллеріей, управлялъ министерствомъ, запарывалъ до смерти «взбунтовавшихся» военныхъ поселенъ, устраивалъ военныя поселенія, «надзиралъ» надъ кабинетомъ министровъ. Аракчеевъ понималъ, что онъ не можетъ работать самъ въ этомъ учрежденіи и, пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ, заставлялъ за себя работать Львова, Марченко, Муравьева и Пукалова. Никакой системы, никакой программы у него, конечно, не было, и онъ ограничивался тѣмъ, что исполнялъ волю своего господина, конечно не забывая своихъ грубыхъ интересовъ. Государь поручилъ ему примирить А. Н. Голицына съ митрополитомъ Серафимомъ; Аракчеевъ не былъ настолько глупъ, чтобы не понять, что ссора А. Н. Голицына съ митрополитомъ на руку ему самому, и не онъ виноватъ, что примиреніе не состоялось, и А. Н. Голицынъ потерялъ портфель. Виноватъ тотъ, кто далъ такое порученіе сопернику А. Н. Голицына. Такъ какъ Аракчеевъ былъ типомъ настоящаго раба, то довѣріе къ нему господина было полное, и несетъ отвѣтственность творецъ системы, а не исполнявшій приказанія господина рабъ. Аракчеевъ можетъ быть обвиненъ лишь въ томъ, что онъ не указывалъ на весь вредъ отъ исполненія полученныхъ имъ приказаній, но рабы не могутъ говорить правды, да Аракчеевъ по узости своего ума и не могъ оцѣнить системы, исполнителемъ которой онъ былъ. Изученіе дѣятельности Аракчеева выясняетъ, какъ вредны рабы, облечен-

ные властью, какъ они вредятъ своему господину, но пока въ рабахъ существуетъ потребность, арачсевыхъ будетъ много.

III.

Арачсевъ былъ надѣленъ крайне «узкимъ умомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ его чувствованія, если можно такъ выразиться, отличались «крайней узостью». Такимъ лицамъ вообще живется легко на свѣтѣ, и можно довѣрять искренности Арачсева, когда онъ увѣрялъ Маевского, что онъ вполне доволенъ своей судьбой. «А вотъ тебѣ Богъ свидѣтель, что я своимъ совершенно доволенъ и ничего больше не желаю» ¹⁾.

Его религіозныя чувствованія были очень слабо развиты, и религія не играла большой роли въ его жизни; онъ относился къ браку, какъ человѣкъ нерелигіозный; съ своей женой онъ разошелся безъ всякихъ колебаній и сомнѣній. Насколько Арачсеевъ не понималъ религіи и даже не уважалъ ея основныхъ требованій, можно судить по сдѣланной имъ надписи на могилѣ Минкиной: *здесь похоронено тѣло мученицы Анастасіи, убиенной дворовыми людьми села Грузина, за безпредѣльную и христіанскую любовь ея къ графу* ²⁾. Онъ похоронилъ Минкину въ Грузинской церкви возлѣ приготовленной для себя могилы. Я думаю, что это грубо циническая надпись убѣдительно доказываетъ крайнюю нерелигіозность Арачсева.

Онъ построилъ въ Грузинѣ прекрасный храмъ, слѣдилъ за соблюденіемъ религіозныхъ обрядовъ со стороны своихъ крѣпостныхъ, посѣщалъ богослуженія, но очевидно, что онъ понималъ лишь обрядовую сторону религіи, пользовался ею какъ дисциплинирующею силой. Свѣзевъ рассказываетъ, какой порядокъ Арачсеевъ завелъ въ Грузинской церкви. «Все готово было къ службѣ, входная дверь отворена. Вотъ графъ вышелъ изъ дворца, дьяконъ вошелъ на амвонъ и провозгласилъ «благослови владыко», лишь только графъ вступилъ въ церковь». По своему изумительному тщеславію Арачсеевъ, чтобы поднять значеніе своего Грузина, утверждалъ, что будто бы Андрей Первозванный именно приплылъ въ Грузино; въ церкви Арачсеевъ поставилъ статую апо-

¹⁾ Op. cit., стр. 439.

²⁾ Шенигъ (Русскій Архивъ. 1880, стр. 323) «самъ читалъ и списалъ» эту надпись въ 1826 г.

стола; на фризѣ были написаны слова, будто бы имъ произнесенныя: «Да будетъ благословенна страна сія отнынѣ и до вѣка»¹⁾. Такимъ образомъ Аракчеевъ пользовался даже религіей для того, чтобы себя возвеличить.

Эстетическія чувствованія у Аракчеева совершенно отсутствовали; онъ не понималъ и не любилъ красоты. Всѣ произведенныя имъ постройки отличаются полнымъ безвкусіемъ и едва ли не самыя безобразныя зданія въ Россіи—это казармы, построенныя графомъ. Грузино, которымъ онъ такъ гордился, долго было памятникомъ казарменной, въ худшемъ смыслѣ этого слова, архитектуры. Также онъ совершенно не любилъ поэзіи и ничего не понималъ въ живописи и музыкѣ; садъ въ Грузинѣ былъ красивъ, и Аракчеевъ не жалѣлъ на него денегъ, но не изъ любви къ красотѣ, а изъ тщеславія. Грубому вкусу сладостраснаго Аракчеева были доступны только скабреныя картинки; онъ устроилъ въ паркѣ павильонъ, стѣны котораго были украшены зеркалами; съ помощью секретныхъ ключей зеркала открывались и Аракчеевъ любовался циничными картинками. Это же удовольствіе онъ доставлялъ избраннымъ посѣтителемъ Грузина.

Подъ старость, тяготясь бездѣятельностью, Аракчеевъ даже покровительствовалъ искусству, но его непониманіе искусства ясно выразилось въ томъ, что онъ щедро платилъ лицамъ, лишеннымъ таланта, напр., художнику Афанасьеву, поэту Олину и т. д. Располагая большими средствами и крайне тщеславный, Аракчеевъ покупалъ дорогія вещи, но всѣ онѣ были такъ безвкусны, что при аукционѣ его имущества въ Петербургѣ, по словамъ Шенига, онѣ продавались дешево.

Аракчеевъ былъ совершенно лишенъ альтруизма; онъ не сочувствовалъ страданіямъ людей; слабость или недоразвитіе его нравственныхъ чувствованій можно даже считать явленіемъ патологическимъ; конечно, нужно принимать во вниманіе время, въ которое жилъ Аракчеевъ, но вѣдь и современники удивлялись его нравственной тупости. Особенно важно, что нравственная нечувствительность проявилась очень рано, а именно въ отроческомъ возрастѣ, а можетъ быть и въ дѣтствѣ, чѣмъ и объясняется нелюбовь къ нему его бабушки. Весьма возможно, что *нравственное слабоуміе* (Moral Insanity) Аракчеева было проявленіемъ

¹⁾ „Русская Старина“, 1871 г., стр. 552.

вырожденія; у одного брата было нравственное слабоуміе, у другого—падучая болѣзнь и алкоголизмъ. Masson говоритъ, что Аракчеевъ уже въ корпусѣ выдѣлялся «une brutalité revoltante», а Benhardi его считалъ bis zur Bestialität rohen ¹⁾).

Недоразвитіе альтруизма у Аракчеева поражало его современниковъ, возмущало ихъ; въ царствованіе Павла Петровича Аракчеева презирали всѣ порядочные люди такъ же, какъ и въ царствованіе Александра Павловича; паденіе Аракчеева въ слѣдующее царствованіе вызвало всеобщую радость. Очевидно, что Аракчеевъ рѣзко выдѣлялся изъ своихъ современниковъ, и потому его жестокость никоимъ образомъ нельзя объяснять вліяніемъ воспитанія и окружающей среды. Нравственное слабоуміе Аракчеева даже вредило его служебной карьерѣ; Павелъ Петровичъ два раза увольнялъ Аракчеева; Александръ Павловичъ, несмотря на свою горячую дружбу къ Аракчееву, долго не рѣшался вполнѣ передать ему всѣ дѣла, такъ какъ зналъ, что жестокость его друга вызоветъ всеобщее негодованіе. Только достигнувъ полного могущества и высшей славы, Александръ Павловичъ рѣшился не обращать вниманія на всеобщую ненависть къ своему лучшему другу.

Нравственное слабоуміе Аракчеева несомнѣнно для насъ и потому, что жестокость его не оправдалась даже высшими соображеніями. Филиппъ II, Петръ Великій совершили много самыхъ жестокихъ казней, причинили много страданій, и Аракчеевъ сравнительно съ ними можетъ считаться кроткимъ и благодушнымъ чиновникомъ, но его нельзя сравнивать съ этими политическими дѣятелями. Они преслѣдовали идеальныя цѣли, боролись съ врагами и жестоко расправлялись съ тѣми, кто, по ихъ убѣжденію, заслуживалъ жестокаго наказанія. Казни, пытки, наказанія были средства, оправдываемыя высокою цѣлью; Аракчеевъ никакой цѣли не преслѣдовалъ, жестокость его была не только вполнѣ излишня, но даже вредила ему самому. Онъ подвергалъ жестокимъ наказаніямъ крѣпостныхъ за пьянство только потому, что не любилъ пьянства и считалъ его вреднымъ для своего хозяйства; онъ не понималъ военнаго дѣла и потому муштровалъ солдатъ только для того, чтобы составить собственную карьеру; онъ продолжалъ мучить солдатъ и тогда,

¹⁾ Geschichte Russlands. 1875; f. II, Abt. 2, 391.

когда достигъ высокаго положенія. Ему не доставляли не только страданія, но даже неудовольствія чужія страданія и потому онъ причинялъ страданія по самому ничтожному поводу и даже безъ всякаго повода.

Наконецъ, необходимо обратить вниманіе, что Аракчеевъ никогда не испытывалъ угрызеній совѣсти, всегда былъ вполне доволенъ собою, никогда сомнѣнія его не беспокоили. Врачъ Аракчеева рассказывалъ ф. Брадке, что пьяный Шумскій укорялъ Аракчеева въ его злодѣяніяхъ; Аракчеевъ прогналъ Шумскаго. Вся дѣятельность Аракчеева свидѣтельствуетъ, что онъ никогда не сомнѣвался въ своей правотѣ, что никогда его не мучили угрызенія совѣсти, что онъ былъ совершенно нечувствителенъ къ страданіямъ ближнихъ. Въ теченіе всей своей жизни онъ всегда и вездѣ, насколько то было въ его власти, причинялъ страданія своимъ ближнимъ; въ началѣ его дѣятельности отъ него страдали кадеты, въ концѣ только крѣпостные; единственная цѣль, для которой причинялись эти страданія—это благополучіе Аракчеева. Онъ совершенно не сознавалъ своей жестокости, что доказывается его крупнымъ пожертвованіемъ на премію за лучшее описаніе царствованія Александра Павловича. Очевидно, Аракчеевъ былъ увѣренъ, что безпристрастный историкъ воздастъ хвалу славнымъ дѣяніямъ лучшаго друга императора.

Аракчеевъ ничуть не старался обуздать, смягчить свою жестокость; въ продолженіе всей своей жизни онъ всегда одинаково былъ жестокъ поскольку то позволялось существующимъ порядкомъ. Онъ никогда не обнаруживалъ снисходительности, состраданія, но никогда и не переходилъ за границы дозволеннаго. Состраданіе ему было такъ же чуждо, какъ и любовь къ людямъ. Для него все человѣчество было лишь орудіемъ для достиженія собственнаго благополучія; въ этомъ была его сила достаточно могущественная, чтобы при всемъ его ничтожествѣ, причинить много зла всей Россіи.

Ничтожный Аракчеевъ безспорно самый вредный человѣкъ XIX вѣка; какъ нравственно слабоумный, ничего полезнаго и хорошаго онъ сдѣлать не могъ.

Аракчеевъ былъ расчетливъ и безжалостно эксплуатировалъ трудъ крѣпостныхъ и вообще лицъ, отъ него зависящихъ; какъ человѣкъ крайне тщеславный, онъ не останавливался даже передъ

большими затратами, чтобы пустить пыль въ глаза, но онъ не допускалъ ни малѣйшаго бесполезнаго расхода. Онъ купилъ великолѣпныя облаченія для причта Грузинской церкви, но строго приказалъ въ случаѣ дурной погоды, крестный ходъ совершать въ старыхъ ризахъ. На случай прїѣзда гостей, прислугѣ сдѣлана была богатая ливрея, но когда гости уѣзжали, самъ Аракчеевъ слѣдилъ, чтобы ливрея была аккуратно уложена и т. п. До чего доходила скарденность Аракчеева, можно судить по слѣдующему: для пожалованной ему яхты онъ держалъ въ Грузинѣ казенныхъ матросовъ. Они держали караулъ при перевозѣ, при господскомъ домѣ, производили экзекуции, возили навозъ, сгребали снѣгъ, кололи дрова и т. п. Продовольствіе имъ шло отъ адмиралтейства, Аракчеевъ снабжалъ ихъ только сѣрыми шапками и полушубками, которые отбирались въ случаѣ смерти матросовъ. *Похороны ихъ производились на артельный счетъ* ¹⁾.

Нужно принять во вниманіе, что доходы Аракчеева на много превышали его расходы; потребности его были очень ограничены; онъ самъ не любилъ роскоши и только изъ тщеславія содержалъ домъ на барскую ногу и то напоказъ. Кромѣ дохода съ Грузина, онъ пользовался большимъ жалованьемъ и потому вовсе не имѣлъ надобности учитывать каждый грошъ; онъ и самъ не зналъ, для чего копилъ деньги, соблюдалъ во всемъ крайнюю экономію, эксплуатировалъ своихъ крѣпостныхъ.

Въ 1826 г., собираясь ѣхать за границу лечиться, Аракчеевъ просилъ государя о пособіи, ссылаясь на ограниченность своихъ средствъ, просилъ своего врага А. Н. Голицына о томъ, чтобы нѣкоторыя пожалованныя ему вещи и сервизъ были куплены въ кабинетъ по «христіанской» цѣнѣ. Государь пожаловалъ Аракчееву 50.000 руб.; эти деньги графъ пожертвовалъ на содержаніе пенсіонеракъ имени императора Александра Павловича въ институтѣ ²⁾. Даже трудно понять, зачѣмъ Аракчеевъ въ этомъ случаѣ ставилъ себя въ неловкое положеніе своими просьбами; выпрашивать пособіе для того, чтобы хваснуть своею щедростью, можетъ не всякій, тѣмъ болѣе, что Аракчеевъ располагалъ свободными деньгами и могъ пожертвовать 50.000 руб., не испрашивая пособія и не продавая пожалованныхъ вещей.

1) Отто. Ор. сіт. Т. II, 171.

2) Шильдеръ, т. I.

Авторъ біографіи Аракчеева въ словарѣ Брокгауза-Ефрона говоритъ о «безкорыстіи» графа (т. II, стр. 9); дѣйствительно, по сравненію съ другими случайными людьми, Аракчеевъ не пользовался своимъ положеніемъ, чтобы накопить колоссальное богатство. Нельзя отрицать, что въ своемъ безкорыстіи онъ руководился расчетомъ; не выпрашивая награды, онъ имѣлъ право на уваженіе государя, справедливо цѣнившаго честность своего друга; злоупотреблять своею властью Аракчеевъ, имѣя много враговъ, не могъ: о его злоупотребленіяхъ извѣстили бы государя.

Но однако Аракчеевъ не былъ вполне безкорыстенъ, и хотя меньше другихъ, но все же пользовался своимъ положеніемъ. Такъ онъ, конечно, зналъ, что его любовница Пукалова брала взятки и даже громадныя; онъ былъ настолько уменъ, что зналъ о торговлѣ Пукаловой орденами. Котлубицкій рассказываетъ, что Аракчееву построили домъ въ Грузинѣ артиллерійскіе солдаты; императоръ Павелъ Петровичъ узналъ объ этомъ злоупотребленіи, но благодушный Котлубицкій спасъ Аракчеева отъ отвѣтственности ¹⁾. Можетъ быть, этотъ урокъ послужилъ на пользу Аракчееву, и онъ впредь уже не рисковалъ своей карьерой.

Отто сообщаетъ, что Аракчеевъ заставилъ своихъ крестьянъ сдѣлать шоссе; затѣмъ онъ самъ высчиталъ стоимость этой работы въ 89.589 руб. Счетъ этихъ издержекъ онъ представилъ въ комитетъ министровъ, выразивъ желаніе получить изъ казны затраченную сумму; повятно, желаніе Аракчеева было исполнено. Въ 1817 г. онъ получилъ эту сумму и внесъ ее въ государственную комиссію погашенія долговъ съ тѣмъ, чтобы проценты со всей суммы обращались на уплату государственныхъ податей съ грузинскихъ крестьянъ ²⁾. Чтобы оцѣнить благодѣяніе, сдѣланное крестьянамъ Аракчеевымъ, нужно замѣтить, что шоссе для сохраненія въ безукоризненной исправности запиралось большими чугунными воротами, ключи отъ которыхъ хранились въ графскомъ домѣ. Даже крестьяне, соорудившіе шоссе, не смѣли по немъ ѣздить и должны были пользоваться другою дорогою, которая шла въ сторонѣ отъ шоссе. Такая скупость могла придти въ голову только Аракчееву; ему было жаль даже шоссе.

¹⁾ „Русскій Архивъ“ 1866; стр. 1327—28.

²⁾ Op. cit. Т. I, стр. 381.

Аракчеевъ былъ воздержанъ въ пищѣ, а спиртные напитки употреблялъ рѣдко и въ небольшомъ количествѣ. Скупость, педантизмъ и тщеславіе графа проявлялись даже за обѣдомъ; ф.-Брадке пишетъ: «Обѣденный столъ графа былъ весьма хорошъ, но порціи не должны были превышать извѣстной мѣры; такъ, напримѣръ, куски жаренаго или котлеты были опредѣлены по числу гостей, и горе тому, кто возьметъ двѣ котлеты: онъ могъ рассчитывать на долгое преслѣдованіе со стороны графа. Малѣйшая пылинка на стѣнѣ, едва примѣтная для микроскопическаго наблюденія, имѣла послѣдствіемъ для слуги палочные удары и арестъ для чиновника ¹⁾»).

Аракчеевъ пилъ лишь виноградныя вина и въ весьма умѣренномъ количествѣ; вино не доставляло ему удовольствія, и онъ не понималъ толка въ винахъ: онъ покупалъ недорогія вина. Лица, желавшія быть пріятными Аракчееву, а такихъ къ стыду нашему было очень много, знали, что гастрономическій обѣдъ и тонкія вина не доставляли удовольствія Аракчееву.

Графъ не нюхалъ табакъ, потому что государь не любилъ «табашниковъ»; по словамъ Аракчеева ему не было трудно отказать отъ этого тогда столь распространеннаго удовольствія ²⁾).

Вообще, «плотскія наслажденія» не играли значительной роли въ жизни Аракчеева; онъ даже мало цѣнилъ комфортъ и жилъ весьма скромно въ Петербургѣ въ казенномъ домѣ; конечно, если бы роскошь и комфортъ доставляли ему значительное удовольствіе, онъ обставилъ бы себя роскошно на казенный счетъ.

Также равнодушенъ онъ былъ ко всѣмъ видамъ спорта; охотой онъ не занимался, не ловилъ рыбы, не катался верхомъ; онъ держалъ хорошихъ лошадей, но лишь изъ тщеславія.

Аракчеевъ былъ сладострастенъ, но онъ искалъ лишь плотскихъ наслажденій и не любилъ женскаго общества, не ухаживалъ за женщинами, не кутилъ съ ними, а потому женщины не отвлекали его отъ дѣла.

Онъ не любилъ общества, не любилъ общественной жизни; онъ посѣщалъ балы и собранія лишь по необходимости; въ свободное отъ службы время онъ игралъ въ бостонъ съ близкими знакомыми; но карточной игрой никогда не увлекался и не игралъ

¹⁾ „Русскій Архивъ“ 1875, стр. 37.

²⁾ „Русская Старина“ 1873, стр. 779.

на крупные куши. Это было единственное удовольствіе, которое онъ себѣ позволялъ; оно отнимало у него мало времени и почти ничего не стоило.

Всѣ остальные наслажденія для Аракчеева какъ бы не существовали, и потому онъ не растрчивалъ понапрасну своихъ силъ, какъ то дѣлали его сослуживцы; ему жилось хорошо уже потому, что онъ отъ жизни не требовалъ того, чего добиваются почти всѣ.

Казалось бы, что человѣку съ такой «узостью» чувствованій рѣшительно не было надобности работать и служить такъ напряженно, какъ трудился Аракчеевъ. Грузино удовлетворяло всѣмъ потребностямъ Аракчеева: у него были Минкина и крѣпостныя наложницы, также не могло быть недостатка въ партнерахъ на партію бостона. Аракчеевъ всю свою жизнь не только упорно трудился, но хлопоталъ, старался, добивался высокаго служебнаго положенія, сильно страдалъ, когда потерялъ свое исключительное служебное положеніе. Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ въ добровольномъ уединеніи, былъ крайне угнетенъ; жизнь потеряла для него всю прелесть только потому, что онъ не былъ временщикомъ, но пользовался неограниченнымъ довѣріемъ государя.

Очевидно, что Аракчеевъ никогда не стремился принести пользу своему отечеству. «Что мнѣ до отечества», не постыдился сказать этотъ «государственный человѣкъ». Поэтому, конечно Аракчеевъ страдалъ не потому, что лишился возможности быть полезнымъ, даже не потому, что лишился привычной дѣятельности: онъ могъ бы оставаться на службѣ, если бы того самъ желалъ.

Основнымъ мотивомъ всей дѣятельности Аракчеева было страшно развитое тщеславіе. Онъ былъ до невѣроятія тщеславенъ, и это чувствованіе было развито на счетъ всѣхъ остальныхъ. Насколько слабо были развиты всѣ остальные чувствованія, настолько сильно было у Аракчеева тщеславіе.

Самое глубокое объясненіе тщеславія принадлежитъ Nietzsche; тщеславіе, училъ этотъ философъ, есть признакъ слабыхъ, свойство рабовъ. Der Eitle freut sich über jede gute Meinung, die er über sich hört (ganz abseits von allen Gesichtspunkten ihrer Nützlichkeit, und ebenso abgesehen von wahr und falsch) ebenso wie er an jeder schlechten Meinung leidet; denn er unterwirft sich beiden,

er *fühlt* sich ihnen unterworfen, aus jenem ältesten Instinkte der Unterwerfung, der an ihm ausbricht¹⁾).

Аракчеевъ, удалившись отъ дѣла, сильно страдалъ отъ того, что льстецы его оставили, и онъ мало слышалъ столь необходимыхъ для него похвалъ. Насколько Аракчеевъ въ эпоху своей силы нуждался въ похвалахъ и даже въ грубой лести, свидѣтельствуешь Маевскій. Этотъ неглупый генераль, избранный самимъ государемъ въ помощники Аракчееву, по званію командующаго военными поселеніями, понялъ, что для того, чтобы ужиться съ Аракчеевымъ, нужно ему безцеремонно льстить. Конечно, можно относиться съ порицаніемъ къ Маевскому, но онъ былъ только нелучше своихъ современниковъ. Чтобы уживаться съ Аракчеевымъ нужно было ему льстить и нужно думать, что Маевскій уступалъ въ этомъ искусствѣ нѣкоторымъ своимъ сослуживцамъ, такъ какъ Аракчеевъ относился къ нему неблагосклонно. Можно пожалѣть, что только Маевскій былъ вполне откровененъ въ своихъ воспоминаніяхъ, но и ихъ достаточно, чтобы оцѣнить размѣры тщеславія сіятельнаго «раба». Маевскій приводитъ нѣсколько своихъ разговоровъ съ Аракчеевымъ, свидѣтельствующихъ о его тщеславіи; можно здѣсь ограничиться двумя.

Графъ: Что обо мнѣ говорятъ у васъ въ арміи?

— Удивляются всеобщему вашему генію и неимовѣрнымъ вашимъ трудамъ, которые вы посвятили отечеству; а несчастные благословляютъ ваше правосудіе и милости..

Ваше сіятельство можете быть причислены къ феноменамъ нашего вѣка. Вашъ геній ставитъ васъ выше всѣхъ смертныхъ. И если можно кого поставить въ параллель къ вамъ, то это не больше, какъ Меттерниха, Велингтона и Наполеона.

Графъ (съ довольной улыбкою): Гдѣ мнѣ до нихъ! Это народъ ученый, образованный, а я учился на мѣдныя деньги. У нихъ цѣлыя королевства, а у меня одно Грузино—и тѣмъ я, Богъ свидѣтель, доволенъ.

— Ваше Грузино, конечно, лучше всѣхъ резиденцій германскихъ князей и многихъ королей.

Графъ (очень довольный).—А кто его сдѣлалъ такимъ? Я!.. Я для управленія его сотворилъ особую методу. И если бы я былъ частный человѣкъ, то выдалъ бы ее въ свѣтъ. Конечно бы короли учились по ней управлять народомъ...

¹⁾ Jenseits von Gut und Böse., § 261.

Ужасное и даже нелѣпное тщеславіе Аракчеева было извѣстно всѣмъ, кому приходилось имѣть съ нимъ дѣло, и даже игуменья монастыря, въ который Аракчеевъ отдалъ на воспитаніе племянницу Минкиной, писала ему: «присовѣтуйте что-нибудь, мой почтенный Сюзли: ваша *опытность* все сіе можетъ постигнуть» ¹⁾).

Общеизвѣстно, что Сперанскій долженъ былъ расточать похвалы дѣятельности Аракчеева; безъ этой взятки онъ не могъ устроиться въ Петербургѣ. Конечно, Сперанскій не могъ льстить такъ грубо, какъ Маевскій, но несомнѣнно, что многіе превосходили даже Маевского.

Похвалы были необходимы Аракчееву, и когда онъ увидѣлъ, что его хвалить перестали и даже ожидалъ, что начнутъ порицать, онъ не могъ оставаться на службѣ; онъ понялъ ясно положеніе. Онъ пожелалъ сопровождать траурную колесницу съ прахомъ Александра Павловича до Царскаго села. Аракчеевъ хотѣлъ стать на колесницу; но флигель-адъютанты сначала его не допустили, а когда онъ испросилъ на то позволеніе гр. Орлова-Давыдова, то они все-таки настояли, чтобы удержать правую сторону, и всегда два дежурные стояли во время дороги на правой сторонѣ, а Аракчеевъ одинъ на лѣвой.

Защитники Аракчеева ставятъ ему въ заслугу, что онъ отклонялъ отъ себя всѣ награды; онъ отказался отъ Андреевской ленты, отъ ордена Чернаго Орла, отъ чина фельдмаршала; когда государь пожаловалъ ему свой портретъ, украшенный алмазами, Аракчеевъ возвратилъ алмазы и носилъ портретъ безъ нихъ. Въ этомъ отношеніи Аракчеевъ среди нашихъ сановниковъ составляетъ исключеніе, да и всюду сановники принимаютъ почетныя награды. Конечно, такое отношеніе къ наградамъ ничуть не доказываетъ скромности Аракчеева; отказъ его отъ наградъ могъ быть обусловленъ расчетомъ: онъ хотѣлъ доказать государю свое безкорыстіе и свою независимость; отказываясь отъ совершенно ему ненужныхъ наградъ, онъ выигрывалъ во мнѣніи государя. Аракчееву Андреевская лента и т. п. были совершенно ненужны, такъ какъ всѣ знали, что его власть гораздо больше, чѣмъ всѣхъ андреевскихъ кавалеровъ вмѣстѣ взятыхъ. Не принимая наградъ,

¹⁾ „Старая и новая Россія“ 1875, т. III, стр. 173.

²⁾ „Русская Старина“ 1873, стр. 438—9.

³⁾ Воспоминанія Н. И. Шенига. „Русск. Архивъ“, 1880, стр. 291.

Аракчеевъ выдѣлялся среди своихъ сослуживцевъ, и нужно отдать ему справедливость, что его тщеславіе подсказало ему прекрасный способъ выдѣлиться среди украшенныхъ высшими наградами, но лишенныхъ власти, сановниковъ. Аракчеевъ, разыгрывая скромнаго и независимаго слугу государя, добился того, что въ чинѣ генерала-отъ-артиллеріи и кавалера ордена св. Александра, помыкалъ андреевскими кавалерами. Едва ли онъ понималъ, что своимъ отношеніемъ къ наградамъ онъ подрывалъ значеніе почетныхъ наградъ, оказывалъ неуваженіе къ власти, жалующей орденами и чинами. Конечно, между нашими сановниками было немало людей тщеславныхъ, но никто не рѣшался отказываться отъ наградъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда предложенная награда казалась награждаемому недостаточной; только Аракчеевъ обладалъ настолько громаднымъ тщеславіемъ, что рѣшился выдѣлиться изъ сослуживцевъ неимѣніемъ наградъ, на которыя имѣлъ право. Люди тщеславные всегда стремятся выдѣлиться, отличиться отъ другихъ; Аракчеевъ намного превзошелъ всѣхъ тщеславныхъ сановниковъ.

Насколько былъ тщеславенъ Аракчеевъ и насколько мелочно было его тщеславіе, можно судить по тому, какъ онъ искалъ похвалъ въ послѣдній періодъ своей жизни.

Валерьянъ Олинъ сочинилъ похвальные стихи въ честь Аракчеева; графъ послалъ ему 500 руб. Аракчеевъ распространялъ изданную имъ книгу «Описаніе Грузина»; также онъ издалъ литографированные Грузинскіе виды на 37 листахъ, къ нимъ было приложено 6 листовъ плановъ съ объясненіями.

Тщеславіе Аракчеева выливалось въ самую нелѣпую и грубую форму; напр. въ церкви Юрьевскаго монастыря на мѣдной рѣшеткѣ была вырѣзана, конечно по желанію или, по крайней мѣрѣ, съ согласія графа, слѣдующая надпись: «на семь мѣстѣ боляринъ Ал. Адр. Аракчеевъ, въ дни скорби своей, возсылалъ теплыя свои молитвы къ Богу»²⁾). На особой доскѣ въ Грузинскомъ соборѣ были перечислены всѣ походы, въ которыхъ участвовалъ Аракчеевъ. Графъ заказалъ въ послѣдніе годы своей жизни дорогой памятникъ Александру Павловичу; онъ пожелалъ, чтобы русскій воинъ у подножія памятника имѣлъ

1) Отто, op. ст., т. II, стр. 181.

2) Воспоминанія Шенига, „Русскій Архивъ“, 1880, стр. 323.

въ лицѣ сходство съ нимъ, Аракчеевымъ. Но мысль эта почему-то не осуществилась. Только на щитѣ война изображенъ былъ гербъ графа съ его девизомъ: *безъ лести преданъ*.

Крайнее тщеславіе окончательно испортило положеніе графа въ царствованіе Николая Павловича. Какъ извѣстно, Аракчеевъ напечаталъ рескрипты и письма къ нему императора Александра Павловича. Маевскій рассказываетъ, что Аракчеевъ ему говорилъ въ январѣ 1826 г. ... У васъ, конечно, теперь толки: графъ упалъ по милости царя. ... Вотъ расскажи это всѣмъ и внуши, что графъ не упалъ и что ему должно попрежнему повиноваться... моя благодарность вотъ эти письма (подаетъ мнѣ цѣлую связку собственноручныхъ писемъ императора Александра). ...Цари не имѣютъ такихъ писемъ. Я ихъ напечатаю и покажу цѣлому свѣту.

Тутъ невольно припоминается сказанное Nietzsche о тщеславіи (loc. cit.). Es ist «der Sklave» im Blute des Eitlen, ein Rest von der Verschmitztheit des Sklaven und wie viel «Sklave» ist zum Beispiel jetzt noch im Weibe rückständig!,—welcher zu guten Meinung über sich zu verführen sucht; es ist ebenfalls der Sklave, der vor diesen Meinungen nachher sofort selbst niederfällt, wie als ob er sic nicht hervorgerufen.

Какъ настоящій «рабъ», Аракчеевъ былъ тщеславенъ и трусливъ и потому, по первому требованію, возвратилъ экземпляры напечатанной имъ книги; конечно, онъ никого не обманулъ и всѣ узнали, что его положеніе пошатнулось. Тщеславіе и трусость, какъ объяснилъ Nietzsche, неразрывны.

Тщеславіе Аракчеева поражаетъ своею мелочностью; онъ сердился, когда его тщеславію наносили булавочные уколы. Эйлеръ, человекъ въполнѣ преданный Аракчееву, не замѣтивъ Аракчеева въ числѣ молящихся въ храмѣ Юрьевскаго монастыря, подошелъ къ кресту непосредственно за гр. Орловой. «Аракчеевъ незамѣтно вышелъ изъ придѣла и самъ сталъ за мною, а между тѣмъ показывалъ неудовольствіе, зачѣмъ я приложился къ кресту прежде его. Послѣ службы мы всѣ пошли въ келью Фотія, гдѣ я тотчасъ извинился передъ графомъ въ невольной своей ошибкѣ; но графъ отъ перенесенныхъ въ это время огорченій сдѣлался раздражителенъ и недовѣрчивъ и, несмотря на убѣжденія графини и Фотія, взявшихъ мою сторону, остался на всю жизнь свою въ увѣренности, что я сдѣлалъ это съ намѣреніемъ...»¹⁾. Для

¹⁾ „Русскій Архивъ“ 1880, стр. 389.

характеристики эпохи слѣдуетъ прибавить, что эта поразительная мелочность Аракчеева не помѣшала Эйлеру считать графа однимъ изъ лучшихъ гражданъ Россіи.

Понятно, что Аракчеевъ былъ вполне счастливъ, когда его всѣ хвалили, т.-е. когда онъ занималъ высокое служебное положеніе, и былъ вполне несчастенъ, когда потерялъ это положеніе; онъ искалъ уединенія въ Грузинѣ, гдѣ не рисковалъ услышать порицанія, гдѣ его посѣщали лишь его прихлебатели и гдѣ передъ нимъ трепетали его крѣпостные.

Относительно честности Аракчеева мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній, такъ какъ намъ неизвѣстно съ достаточной подробностью, насколько правдивъ былъ графъ съ государемъ. Мы не знаемъ, лгалъ-ли онъ государю или говорилъ только правду, насколько часто онъ обманывалъ государя, а безспорно именно въ этихъ отношеніяхъ могла наиболѣе проявляться честность Аракчеева, такъ какъ онъ избѣгалъ сношеній съ равными и не церемонился съ подчиненными.

Ф.-Брадке, который могъ только по слухамъ знать о томъ, насколько честенъ былъ Аракчеевъ по отношенію къ государю, такъ характеризуетъ эти отношенія. «Его отношенія къ императору Александру отличались ловкостью и тонкимъ расчетомъ, но ихъ нельзя было назвать честными. Подъ личиной строгой любви къ правдѣ и попеченія о государственномъ благосостояніи, онъ часто весьма грубо и непочтительно возражалъ ему; но какъ только онъ замѣчалъ, что государь не желаетъ отступить отъ задуманнаго имъ намѣренія, то онъ тотчасъ убѣждался его доводами и покорялся его верховнымъ соображеніямъ... За рѣшительнымъ отклоненіемъ всякой награды и всякаго officialнаго повышенія скрывалось, подъ видомъ смиренія, неограниченное высокомеріе... 1).

Безчестность Аракчеева по отношенію къ подчиненнымъ не подлежитъ сомнѣнію; ф.-Брадке, Мертваго и Маевскій совершенно единодушны по этому вопросу. Ф.-Брадке говоритъ: «Съ этою неумолимою безчувственностью къ благу и вреду своихъ подчиненныхъ соединялъ онъ въ себѣ самое низкое лукавство. Такъ, на примѣръ, держался онъ того правила, что слѣдуетъ каждому обѣщать настолько, чтобы побудить его къ самой силь-

1) «Русскій Архивъ», 1875, стр. 48.

ной дѣятельности; но не слѣдуетъ спѣшить выполненіемъ этого обѣщанія, чтобы рвеніе не охладилось, и привлекательная цѣль всегда оставалась бы передъ глазами» ¹⁾. То же самое пишетъ Маевскій ²⁾. «Ежели ему хочется кого связать съ собою (это выраженіе можно отнести къ одному ему, ибо безъ сильной цѣли не было человѣка, который бы могъ ужиться съ нимъ), то онъ вначалѣ его ласкаетъ, обнадеживаетъ и даетъ чины и кресты на словахъ. Но когда утвердить его на мѣстѣ, то обращается съ нимъ, какъ съ невольникомъ и позволяетъ себѣ всѣ дерзости. Но чуть кто покажетъ видъ гнѣва или захочетъ оставить его, того гонить съ злодѣйскою жестокостью».

Аракчеевъ даже грубо обманывалъ лицъ отъ него зависящихъ, какъ то доказываетъ дѣло Свѣзева. Графъ сдѣлалъ объявленіе въ газетахъ, что онъ ищетъ архитектора для военныхъ поселеній на жалованіе въ 4000 р. Свѣзевъ, повѣривъ объявленію, пріѣхалъ съ Урала и вступилъ въ должность; его работы понравились Аракчееву, но графъ ему назначилъ жалованья 2400. Когда Свѣзевъ сослался на объявленіе въ газетахъ, Аракчеевъ цинично ему отвѣтилъ: «Ну что намъ до газетъ»—и говорилъ ему «ты послужи у насъ, и вотъ тебѣ сегодня чинъ, завтра крестъ и выведемъ тебя въ люди». Свѣзевъ на это не согласился, и Аракчеевъ ему предложилъ «2400 явно, а 1600 инкогнито». Свѣзевъ не довѣрялъ Аракчееву, отказался отъ службы; его спасло паденіе Аракчеева, такъ какъ въ царствованіе Александра Павловича было въ силѣ распоряженіе — оставившихъ службу въ военныхъ поселеніяхъ никуда на службу не принимать. Свою службу въ военныхъ поселеніяхъ Свѣзевъ называетъ «страшнымъ наяву».

Маевскій настойчиво утверждаетъ, что Аракчеевъ безсовѣстно выдавалъ работу своихъ подчиненныхъ за свою собственную, безцеремонно пользовался чужой работой. По словамъ Шенинга, то же говорилъ Львовъ. Мертваго также обвиняетъ въ этомъ Аракчеева.

Въ этомъ отношеніи Аракчеевъ былъ только не честнѣе другихъ, такъ какъ всегда были и будутъ начальники, выдающіе труды подчиненныхъ за свои собственные, но такъ грубо обма-

¹⁾ Op. cit. Стр. 49.

²⁾ «Русская Старина», 1873, стр. 447—8.

нывать подчиненныхъ, какъ это дѣлалъ Аракчеевъ, могутъ лишь крайне лживые и злые люди.

Особенно ярко выступить лживость Аракчеева, если мы примемъ во вниманіе его высокое и прочное положеніе; чтобы лгать въ такомъ положеніи, нужна особая любовь ко лжи, крайняя безчестность. Такое безчестное отношеніе къ подчиненнымъ даетъ основаніе довѣрять показанію ф.-Брадке о томъ, что Аракчеевъ грубо обманывалъ государя... «Поддѣлываясь подъ чувствительное настроеніе монарха, онъ часто предавался нѣжностямъ и высказывалъ подъ часъ какъ бы невольно, сантиментальную преданность къ государю въ видѣ неудержимаго порыва, чѣмъ успѣвалъ дѣйствительно внушать довѣрчивому монарху дружеское къ себѣ расположеніе, которое иначе могло бы казаться непонятнымъ».

IV.

Аракчеевъ злобно относился какъ къ высшимъ, такъ къ равнымъ себѣ и низшимъ, но проявлялъ свою злобу лишь постольку это не вредило его личному благополучію. Понятно поэтому, что проявлять свою злобу къ высшимъ онъ могъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ; съ равными все же нужно было сдерживаться въ извѣстныхъ границахъ; низшихъ, подчиненныхъ ему лицъ онъ могъ истязать сколько ему было угодно, но и въ этихъ истязаніяхъ онъ не переходилъ границъ абсолютно запрещеннаго.

Шильдеръ ¹⁾ не высказываетъ сомнѣнія «къ любопытному разсказу, сохранившемуся въ запискахъ Михайловскаго-Данилевскаго. Императоръ Павелъ неоднократно поручалъ Аракчееву инспектированіе различныхъ частей войскъ по Россіи; при смотрѣ Екатеринославскому гренадерскому полку Аракчеевъ назвалъ знамена этого полка, прославившагося въ прошлыхъ войнахъ своею храбростью, *Екатерининскими юбками*». Аракчеевъ позволилъ эту единственную въ исторіи арміи выходку, потому что онъ считывалъ на ея безнаказанность, вслѣдствіе враждебнаго отношенія государя къ матери. Но сколько злобы и ненависти долженъ имѣть офицеръ-монархистъ, чтобы выразаться такимъ образомъ; какъ извѣстно, императрица Екатерина Вторая не слѣ-

1) Императоръ Александръ Первый. Томъ I-й, стр. 142.

лала ничего непріятнаго Аракчееву и потому ненависть этого ничтожества къ великой императрицѣ является ничѣмъ не мотивированной; это именно проявленіе врожденной злобности, ищущей выхода. Органически злой человѣкъ такъ же какъ и злое животное, набрасывается безъ всякаго повода на безоружнаго; злоба Аракчеева къ чести и славѣ арміи, къ Екатеринославскому полку, также ничѣмъ не была вызвана. Злая собака бросается на всякаго и кусаетъ того, кто не можетъ защититься. Аракчеевъ не набрасывался на высшихъ, потому что зналъ, что это очень невыгодно, но оскорбить покойную императрицу, армію и полкъ онъ могъ, и онъ не упустилъ случая совершить это преступленіе, по случайнымъ внѣшнимъ обстоятельствамъ въ то время наказуемое.

Съ такимъ же злорадствомъ онъ дѣлалъ шиканы великому Суворову; какъ офицеръ, онъ долженъ бы относиться почтительно къ фельдмаршалу, графу и кавалеру высшихъ орденовъ; заслугъ Суворова, по своему невѣжеству, онъ могъ и не понимать. Пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ любимца, онъ надѣлалъ много зла Суворову; онъ «колко и настойчиво докладывалъ государю о присылкѣ Суворовымъ офицеровъ въ Петербургъ». Аракчеевъ соп амоге изслѣдовалъ и доложилъ государю, что адъютантъ Суворова Уткинъ присланъ съ однимъ партикулярнымъ письмомъ. Зная, что государь разсердился на этотъ поступокъ Суворова и написалъ ему 2 января 1797 г. выговоръ, Аракчеевъ доложилъ государю, что Суворовъ, вопреки новому уставу, уволилъ въ отпускъ въ Петербургъ подполковника Батурина, за что 14 января 1797 года Суворову, былъ сдѣланъ второй выговоръ. Злобность поведенія Аракчеева явствуетъ изъ того, что ему, конечно, хорошо было извѣстно, что за дальностью разстоянія Тульчина отъ Петербурга, Суворовъ не могъ своевременно узнать новыхъ распоряженій. Суворовъ получалъ выговоры, настойчиво просилъ объ отставкѣ, и Аракчеевъ получилъ собственноручно записку государя для составленія высочайшихъ приказовъ. «Объ отставкѣ Суворова, по отзыву, что теперь войны нѣтъ»; приказъ былъ отданъ 6 февраля 1797 г. Растопчинъ со свойственной ему рѣзкостью, прекрасно изобразилъ этотъ подвигъ Аракчеева. «Стопобѣдный Суворовъ попался въ когти гатчинскаго капрала, который, въ числѣ прочихъ, взялся смирать высокомѣріе екатерининскихъ героевъ».

Преображенскіе офицеры «громко говорили, что Аракчеевъ былъ главный виновникъ неудовольствія государя» ¹⁾ на Суворова. Опять таки злоба Аракчеева на Суворова ничѣмъ не была вызвана; къ сожалѣнію есть люди, которымъ доставляетъ удовольствіе сдѣлать кому-либо зло. Едва ли Аракчеевъ не понималъ, что увольненіе Суворова не послужитъ на пользу государю.

Съ лицами равными по положенію въ обществѣ Аракчеевъ не сходилъ вообще; онъ не скрывалъ къ нимъ непріязненнаго отношенія; ему доставляло удовольствіе унижить, оскорбить важнаго сановника. «Въ извѣстный день недѣли проводилъ онъ вечеръ, кажется, у генерала Апрѣлева. Тутъ за партіей бостона непремѣннымъ партнеромъ его была сановитая, престарѣлая личность, а именно, если не ошибаемся, свѣтлѣшій князь Лопухинъ. На одномъ такомъ вечерѣ хозяинъ предложилъ графу начать партію. «А гдѣ же князь Петръ Васильевичъ?» — спрашиваетъ Аракчеевъ. «Онъ прислалъ извиниться, что за болѣзнію быть сегодня не можетъ». «Какой вздоръ! Вѣрно старикъ полѣнился. Послать за нимъ!» И вотъ несчастный является. Садятся за ломберный столъ, разумѣется, съ княземъ. Аракчеевъ, едва взявъ карты въ руки, подзываетъ кого-то изъ присутствующихъ, отдастъ ему игру свою и вставая говоритъ: «Играй за меня, а мнѣ сегодня что-то играть не хочется», и тутъ же уѣзжаетъ. Вотъ картина и драматическая сцена! Можно представить себѣ, какъ вытянулись лица хозяина и бѣднаго князя. Князю Вяземскому, сообщающему эту злобную выходку Аракчеева, «какъ-то нравятся эти проказы его» ²⁾, хотя онъ и называетъ эту выходку жестокой.

Но Аракчеевъ, пользуясь благопріятнымъ случаемъ, позволялъ себѣ проявлять злобу еще болѣе жестокими проказами, которыя не могутъ нравиться даже и кн. Вяземскому.

Графиня Головина рассказываетъ, что когда она зарыдала у гроба императрицы Екатерины «Аракчеевъ, приближенное лицо, взятое императоромъ изъ ничтожества и сдѣлавшееся выразителемъ его мелочной требовательности, сильно толкнулъ меня, сказавъ, чтобы я замолчала... Ея высочество (Елизавета Алексѣевна)

1) Ратчъ, op. cit., стр. 142.

2) По поводу записокъ графа Зенфта. «Русскій Архивъ», 1876, стр. 278.

тихо подошла ко мнѣ, за спиной протянула мнѣ руку и пожала мою» ¹⁾).

Конечно, нельзя обвинять Аракчеева за то, что онъ зло мстилъ своимъ соперникамъ и вообще лицамъ, оказывавшимъ ему противодѣйствіе, или не обнаруживавшихъ почтительности; властью злоупотребляютъ даже добрые люди, но Аракчеевъ съ грубымъ злорадствомъ оскорблялъ даже унижавшихся передъ нимъ савонниковъ. Князь Вяземскій рассказываетъ, что на Аракчеева «находилъ веселый часъ, а этотъ веселый часъ падалъ особенно на самыя именитыя лица; на станціи Чудовѣ ожидала ихъ повѣстка, въ которой означалось, что туалетная форма измѣнена, такъ что приходилось имъ или возвращаться въ городъ безъ допущенія къ лицезрѣнію, или просидѣть нѣсколько часовъ на станціи въ ожиданіи посланнаго, который былъ отправляемъ курьеромъ, чтобы привести требуемыя принадлежности одѣванія».

Подчиненные страшно страдали отъ злобности Аракчеева, который по отношенію къ нимъ позволялъ себѣ самыя жестокия выходки, но всегда въ границахъ дозволеннаго въ данное время ²⁾).

Пока Аракчеевъ служилъ въ Гатчинѣ, онъ не смѣлъ проявлять свою злобу по отношенію къ гвардіи, но лишь воцарился его «благодѣтель», «новый капралъ» уже не сдерживалъ себя. Когда во второй день царствованія Павла Петровича А. М. Тургеневъ, въ качествѣ ординарца, явился во дворецъ, Аракчеевъ къ нему обратился со словами «ступай за мной, ракалія, являться къ государю» ³⁾. Тургеневъ ни въ чемъ не провинился, и потому болѣе рѣзкой ругани ему выслушать не пришлось. Аракчеевъ ругалъ офицеровъ самыми площадными словами въ этотъ періодъ своей службы. Но тогда въ арміи еще были живы другія традиціи, и такія «проказы» Аракчеева кончились для него дурно. Онъ обругалъ самыми площадными словами подполковника Лена, георгиевскаго кавалера, лично извѣстнаго государю. Этотъ храбрый и благородный офицеръ въ тотъ же день, написавъ письмо обезчестившему его начальнику, застрѣлился. Смерть Лена на-

¹⁾ Записки графини В. Н. Головиной, 1900, стр. 95—6.

²⁾ Есть свѣдѣнія, что лица, возбуждшія гнѣвъ Аракчеева, запирались въ казематы. («Русская Старина», 1881 г., IX, стр. 201—209.

³⁾ Записки А. М. Тургенева. «Русская Старина», 1885, стр. 384.

дѣлала много шума въ городѣ; императоръ потребовалъ письмо Лена «при той холодности, которую за событія въ Преображенскомъ полку онъ началъ оказывать; вѣроятно, многое было еще передано. Радостное событіе рожденія великаго князя Михаила Павловича (28 января 1898 года) не обесоружило гнѣва государя; 29 января подполковникъ Ленъ былъ исключенъ изъ списковъ умершимъ; 1 февраля Аракчеевъ уволенъ въ отпускъ до излѣченія» ¹⁾.

Аракчеевъ послѣ этого происшествія уже сдерживаетъ проявленія своей злобы по отношенію къ офицерамъ; онъ убѣдился, что оскорблять офицеровъ невыгодно для собственной карьеры. Пришлось на время ограничиться истязаніемъ солдатъ и крѣпостныхъ; хотя, конечно, Аракчеевъ и не помышлялъ о томъ, что ругать офицеровъ безнравственно и нецѣлесообразно. Онъ подчинился необходимости и ждалъ лучшаго времени.

Въ 1804 г. Аракчеевъ, и вполне правильно, находилъ для себя полезнымъ обнаруживать участіе къ подчиненнымъ, ходатайствовать передъ Государемъ о пособіяхъ. Такъ въ 1804 г. Аракчеевъ пишетъ государю, что офицеру Путвинскому, переломившему себѣ при паденіи два ребра, онъ «осмѣлился изъ находящихся у меня вашихъ дорожныхъ денегъ оставить ему именемъ вашего величества». При осмотрѣ Шостенскаго порохового завода онъ пожалѣлъ бѣдныхъ рабочихъ и писалъ государю: «Осмѣлился бы просить у вашего императорскаго величества симъ бѣднымъ по рублю, ежели бы не боялся онымъ наскучить. Число же ихъ 520 человѣкъ».

Аракчеевъ могъ сдерживать свою злобу, но не могъ измѣнить основного свойства своей организаціи, а потому когда во второй половинѣ царствованія Александра Павловича достигнулъ полной власти, онъ сталъ обращаться съ офицерами такъ же, какъ и въ первый періодъ своей службы.

Къ сожалѣнію съ того времени многое въ арміи измѣнилось къ худшему; завелись не только офицеры, терпѣливо переносившіе оскорбленія, но дослужившіяся уже до генеральскихъ чиновъ лица, которыхъ можно было ругать, не опасаясь, что они отнесутся къ этому такъ, какъ въ 1798 г. подполковникъ Ленъ. Наконецъ, въ арміи были генералы, одобрявшіе «проказы» Арак-

¹⁾ Ратчъ. Ор. cit., стр. 155.

чеева; изъ нихъ генераль Эйлеръ даже оставилъ записки, въ которыхъ, ничтоже сумняся, пишетъ: «словомъ, графъ Аракчеевъ былъ истинно великій государственный человѣкъ»; называетъ Аракчеева «однимъ изъ лучшихъ ея (Россіи) гражданъ...» «Повторяю, графъ имѣлъ только одно дурное качество чрезвычайной строгости и даже жестокости; но окружающіе всегда могли оную умѣрять до доброты, въ доказательство чего приведу, что графъ Аракчеевъ изъ моихъ подчиненныхъ никого не сдѣлалъ несчастнымъ, а многимъ оказалъ большія милости».

Навѣрное не одинъ Эйлеръ (внукъ великаго Эйлера) находилъ Аракчеева «лучшимъ гражданиномъ» ¹⁾ Россіи, а потому можно судить, до какой степени измѣнилась нравственно наша армія за четверть вѣка. Съ такими генералами, объ офицерахъ и говорить нечего, Аракчееву не было надобности сдерживаться; поддерживаемый сверху, окруженный раболѣпіемъ подчиненныхъ, Аракчеевъ въ военныхъ поселеніяхъ могъ вполне проявлять свой характеръ; онъ былъ, по мѣткому выраженію Маевского, «ядовитъ, какъ тарантулъ». Въ военныхъ поселеніяхъ офицерамъ жилось очень тяжело; «они не смѣли ни ходить, ни сидѣть, дабы не обтереть и не замарать того, что дано для ихъ употребленія». Аракчеевъ оскорблялъ офицеровъ безъ всякаго повода; такъ онъ представляющимъ ему офицерамъ, т.-е. лицамъ, которыхъ онъ не зналъ и которые ни въ чемъ не провинились, говорилъ «я знаю армейскую вашу привычку: вы всѣ любите воровать и брать взятки; ты не возьмешь, такъ возьметъ твоя жена и т. д.». Представляя генерала Маевского, лично извѣстнаго государю, его будущимъ подчиненнымъ, Аракчеевъ сказалъ: «Не думайте, чтобы онъ (Маевскій), что-нибудь значилъ. Я его тотчасъ сожму въ рогъ: онъ не смѣетъ ничего у васъ брать. А если бы потребовалъ, пишите обо всемъ ко мнѣ: вы посмотрите, что я съ нимъ сдѣлаю». «Въ другой разъ графъ бранилъ генерала Чеодаева до того, что у него отъ слезъ сдѣлались сильнѣйшія судороги. Поступокъ этотъ былъ въ присутствіи цѣлой бригады. Я (Маевскій) подошелъ къ нему и говорю.

«Ваше сіятельство, генераль Чеодаевъ, полагая, что вы на него прогнѣваны, плачетъ, какъ ребенокъ. Утѣшьте его хоть немного».

¹⁾ Записки Эйлера. «Русскій Архивъ». 1880, стр. 386.

Графъ. «Это ваше дѣло. Вѣдь я его учу не къ злу, а къ добру. Вы бы ему растолковали, что графъ милостивый и справедливый начальникъ и желаетъ вамъ же добра, а потому и учу... За это надобно не сердиться, но благодарить меня».

Аракчеевъ, хотя и мало, но все же зналъ военное дѣло, а потому могъ понять, что онъ такими выходками разрушаетъ дисциплину; но надругательство надъ генераломъ было такъ пріятно злему временщику, что онъ не могъ отказать себѣ въ этомъ удовольствіи. Злой человѣкъ не можетъ не дѣлать страданій для окружающихъ; чѣмъ страданіе больше, тѣмъ пріятнѣе злему человѣку. Аракчеевъ зналъ, что его оскорбленія причиняютъ страданія, что они не отзовутся дурно на его благополучіи, и потому часто доставлялъ себѣ это удовольствіе. Такъ какъ публичное оскорбленіе причиняетъ больше страданія, то онъ и не стѣснялся даже требованіями дисциплины.

Мы должны вполнѣ довѣрять заявленію Маевского: «Графъ-имѣлъ даръ стѣснять каждое состояніе и посѣлять такую ненависть, которая доходила до иступленія. Одинъ ужасъ связывалъ языкъ, но чувство отражалось на фізіономіи». Заявленіе Маевского подтверждается тѣмъ, что понадобилось особое, явно незаконное распоряженіе не принимать ни на какую службу лицъ, оставившихъ службу въ военныхъ поселеніяхъ; это распоряженіе относилось даже къ гражданскимъ чиновникамъ, напр., архитекторамъ ¹⁾. Подчиненнымъ Аракчеева жило такъ плохо, что ихъ пришлось удерживать на службѣ незаконной мѣрой. Такъ какъ большинство этихъ несчастныхъ жило службой, то имъ оставалось на выборъ: или переносить злобный деспотизмъ Аракчеева или умирать съ голоду.

Слѣдовательно, военныя поселенія и качественно и количественно превзошли Гатчину; чтобы оцѣнить всю отвѣтственность Аракчеева за эти злодѣянія, нужно помнить, что самъ начальникъ этой каторги былъ противъ военныхъ поселеній. Очевидно, что и самъ Аракчеевъ не находилъ ни малѣйшаго оправданія для всѣхъ злодѣяній имъ совершенныхъ; единственной причиной и цѣлью военныхъ поселеній было желаніе и воля государя, то-есть Аракчеевъ начальствовалъ надъ военными поселеніями только потому, что это было угодно государю, и слѣдовательно способствовало

¹⁾ Связевъ. Воспоминанія объ Аракчеевѣ. „Русская Старина“. 1871 г.
Вопросы философіи, кн. 82.

благополучію самого Аракчеева. Онъ съ усердіемъ исполнялъ эту обязанность, она была ему пріятна, пока онъ могъ проявлять, не стѣняясь, свою злобу, дѣлать все, что ему хотѣлось. Когда вступилъ на престолъ Николай Павловичъ, Аракчеевъ тотчасъ же сдалъ эту должность: онъ зналъ, что теперь уже нужно руководствоваться законами; очевидно, что не самое дѣло его интересовало, а онъ служилъ лишь изъ личныхъ, грубо эгоистическихъ расчетовъ. Поистинѣ ужасно, сколько зла можетъ сдѣлать одинъ злой человѣкъ только для удовлетворенія своей злобы, только для своей карьеры. Устраивая вмѣсто военныхъ поселеній земной адъ, Аракчеевъ дѣйствовалъ въ силу основного элемента своей личности—злобы; онъ былъ достаточно уменъ, и потому понималъ, что мученія всѣхъ служащихъ въ военныхъ поселеніяхъ не обезпечатъ процвѣтанія этого учрежденія; онъ могъ понимать, что страданія, а потому и озлобленность его подчиненныхъ даже вредны для дѣла, но человѣконенавистничество Аракчеева по силѣ достигало страсти и ослѣпляло его узкій умъ.

Аракчеевъ даже между гатчинцами выдѣлялся жестокостью къ солдатамъ, а о гатчинцахъ не можетъ быть двухъ мнѣній; Вигель ¹⁾ говоритъ: «Это были, по большей части, люди грубые, совсѣмъ необразованные, соръ нашей арміи... Между сими подлыми людьми были и чрезвычайно злые. Изъ гатчинскихъ болотъ своихъ они смотрѣли съ завистью на счастливецъ, кои смѣло и гордо шли по дорогѣ почестей. Когда, наконецъ, счастье имъ также улыбнулось, они закипѣли местию». Еще рѣзче о нихъ выразился Ростопчинъ—«Цезаревичъ окруженъ былъ людьми, изъ которыхъ наиболѣе честный заслуживалъ быть колесованнымъ безъ суда» ²⁾. Нужно было обладать рѣдко встрѣчающейся злобностью, чтобы выдѣлиться между такими людьми, но Аракчеевъ, злодѣй по своей натурѣ, настолько отличался жестокостью, что лѣтомъ 1796 г. получилъ порученіе «пріѣхать сюда на нѣкоторое время вывести сей духъ» (изъ батальоновъ Недобраго и Федорова) ³⁾. Общеизвѣстно, какимъ жестокосердіемъ нужно обладать, чтобы выводить «духъ»; нѣтъ ничего

¹⁾ Записки Ф. Ф. Вигеля. Часть I, стр. 90.

²⁾ „Русскій Архивъ“. 1876, стр. 117.

³⁾ Гатчъ. Ор. cit., стр. 99.

труднѣе, какъ «вывести сей духъ», и даже гатчинцы были по сравненію съ Аракчеевымъ такъ благодушны, что въ ихъ командахъ заводился «духъ», для изгнанія котораго Цесаревичъ находилъ наиболѣе подходящимъ Аракчеева.

Когда императоръ Павелъ Петровичъ поручилъ Аракчееву управленіе гвардіи, онъ нещадно колотилъ солдатъ тростью, вырывалъ у солдатъ усы; Вигель утверждаетъ, что Аракчеевъ укусилъ у одного гренадера носъ и вообще съ нижними чинами обращался какъ бѣшенный бульдогъ.

Нѣтъ основанія не довѣрять Masson¹⁾, категорически утверждающему: «Его бѣшенныя выходки (*Les fureurs*) и удары палки стоили жизни не одному несчастному солдату, даже на глазахъ самого Павла». Жестокость Аракчеева по отношенію къ нижнимъ чинамъ даже въ то ужасное время считалась излишней, вызывала негодованіе, и государь охладѣлъ къ Аракчееву. Растопчинъ, какъ прежній однополчанинъ, принялъ участіе въ судьбѣ несчастныхъ преображенцевъ.

Потомъ, потому ли, что Аракчеевъ понималъ, что не въ мѣру истязать солдатъ можетъ не понравиться государю, или потому, что эту тяжелую обязанность ревностно исполняли преданные ему командиры, онъ былъ сдержаннѣе. Пользуясь своимъ высокимъ положеніемъ, онъ лишь распоряжался или руководилъ истязаніемъ солдатъ. Такъ онъ рекомендовалъ государю извѣстнаго Шварца въ командиры Семеновскаго полка, чтобы «подтянуть» полкъ; Шварцъ, повидимому, человѣкъ недалекій, добросовѣстно слѣдовалъ указаніямъ Аракчеева; плачевная исторія полка и самого Шварца общеизвѣстны²⁾.

Аракчеевъ, въ молодости обнаружившій свои способности выводить «духъ», въ 1819 г. посланъ былъ справляться съ взбунтовавшимися военными поселянами въ Чугуевѣ; очевидно, что какъ въ 1819 г., такъ и двадцать пять лѣтъ тому назадъ не было въ Россіи палача, болѣе жестокаго, чѣмъ Аракчеевъ. Конечно, можно радоваться, что за четверть вѣка никто въ этомъ позорномъ ремеслѣ не превзошелъ Аракчеева. Въ 1819 г. онъ такъ же блистательно, какъ и въ 1796 г. выполнилъ порученіе.

1) *Memoires secrets de la Russie*, vol. 1; p. 236.

2) М. И. Муравьевъ-Апостоль, бывшій семеновецъ, утверждаетъ, что Шварцъ былъ назначенъ командиромъ Семеновскаго полка именно по желанію Аракчеева. („Русскій Архивъ“. 1873; стр. 109).

Аракчеевъ грубо нарушилъ законъ; приговореннымъ къ смертной казни бунтовщикамъ (?) онъ замѣнилъ смертную казнь наказаніемъ шпигъ-рутенами «каждаго черезъ тысячу человѣкъ по двѣнадцати разъ»; но и этого показалось мало Аракчееву; узнавъ, что пѣхотные солдаты не долюбивали поселенцевъ, онъ приказалъ производить экзекуцію именно этимъ солдатамъ. «Впрочемъ, при семъ наказаніи присутствовали медицинскіе чиновники, кои прекращали оное по силѣ и сложенію cadaго преступника», доносилъ Аракчеевъ государю.

Въ томъ же донесеніи Аракчеевъ пишетъ государю, что наказаніе «было строго и примѣрно». Мы должны въ этомъ вполнѣ повѣрить Аракчееву, потому что онъ желалъ истязаніемъ добиться у своихъ жертвъ раскаянія и просьбы о помилованіи. Отчаяніе этихъ несчастныхъ было такъ велико, что въ первый день изъ 40 истязуемыхъ только трое раскаялись и просили помилованія. О своихъ подвигахъ, необычныхъ даже въ то время, Аракчеевъ нашелъ необходимымъ написать государю письмо «уже не государю, а къ Александру Павловичу». Въ этомъ частномъ письмѣ онъ пишетъ: «я не скрываю отъ васъ, что нѣсколько преступниковъ, самыхъ злыхъ, послѣ наказанія, законами опредѣленнаго, умерли».

Насколько извѣстно, не было изслѣдовано, сколько человѣкъ было жертвою злобы Аракчеева; *нѣсколько*—вотъ и все, что угодно было сообщить Аракчееву. Увы, теперь жестокость этого палача никакихъ непріятныхъ послѣдствій для него не имѣла—четверть вѣка послѣ смерти Екатерины прошло не безслѣдно. Послѣ 1819 г. вліяніе Аракчеева сдѣлалось еще сильнѣе—онъ отдалилъ отъ государя Закревскаго, Волконскаго, А. Н. Голицына ¹⁾.

Едва ли за все время существованія у насъ крѣпостного права были крѣпостные болѣе несчастные, чѣмъ крестьяне села Грузина. Злоба Аракчеева по отношенію къ его крѣпостнымъ выражалась въ систематической жестокости и неслыханномъ деспотизмѣ. Правда, по жестокости Аракчеевъ не превосходилъ дру-

¹⁾ Аракчеевъ тогда хорошо зналъ, что его жестокость не возмутитъ государя; въ 1797 г. онъ заporолъ до смерти трехъ солдатъ Преображенскаго полка; Дятловъ привелъ наслѣдника въ госпиталь, гдѣ умирали эти мученики, надѣясь, что наслѣдникъ пожалуется государю, но ученикъ Лагарпа че помогъ горю. Brückner. Kaiser Pauls' Ende, p. 43.

гихъ злыхъ помѣщиковъ уже потому, что это было невозможно; онъ даже уступалъ въ жестокости извѣстной Салтычихѣ и Л. Д. Измаилову. Но нужно принять въ соображеніе, что Салтычиха была безусловно душевнобольная; она страдала *folie du doute*, а Измаиловъ былъ, по меньшей мѣрѣ, человѣкъ ненормальный и алкоголикъ.

Жестокость Аракчеева была ужасна именно тѣмъ, что она была возведена въ систему. Аракчеевъ создалъ для своихъ крѣпостныхъ уголовный кодексъ и не допускалъ ни малѣйшихъ отступленій. Лѣстница наказаній отличалась простотой: розги, всегда готовыя и лежавшія въ бочкѣ, наполненной разсоломъ, палки, ужасная тюрьма, названная имъ Эдекулъ и рогатка. «Рогатка,—по описанію Отто 1),—была крѣпкій деревянный ошейникъ съ четырьмя концами или рогами, изъ которыхъ каждый былъ длиною болѣе полуаршина, что не давало человѣку, наказанному такимъ образомъ, спать». Необычайная жестокость Аракчеева состояла именно въ томъ, что его требованія къ крѣпостнымъ были такъ велики и неисполнимы, что при всемъ желаніи избѣжать наказанія это было совершенно невозможно. Аракчеевъ завелъ журналъ для записи, кто именно, когда и за что былъ наказанъ; у cadaго изъ дворовыхъ была въ карманѣ *винная* книжка, въ которую вносилось всякое малое упущеніе 2). Самое ничтожное упущеніе ни въ какомъ случаѣ не прощалось; даже и неважные проступки наказывались страшно жестоко. Такъ, получивъ жалобу отъ садовника, что Антонъ и Палашка «вмѣстѣ пьютъ», Аракчеевъ поручаетъ старостѣ это дѣло «разобрать и ежели они въ томъ окажутся виноваты, то ихъ обоихъ, Антона и Палашку, высѣки и надѣнь на Антона рогатку, которую пусть носитъ до моего приказанія, т.-е. когда я снятъ прикажу» 3).

Несомнѣнно, что высшей степенью злобы слѣдуетъ считать желаніе отнять у человѣка ту небольшую свободу, которой онъ пользуется безъ нарушенія нашихъ интересовъ; и въ этомъ отношеніи Аракчеевъ превзошелъ всѣхъ помѣщиковъ. Вполнѣ понятно, что злые помѣщики истязали за неисполненіе ихъ при-

1) Op. cit. 1875, т. I, стр. 389.

2) Id. Т. II, стр. 176.

3) Id. Т. I, стр. 389.

казаній, заставляли крѣпостныхъ работать свыше силъ, чтобы увеличить собственный доходъ, но никто не отнималъ свободу у своихъ крѣпостныхъ въ такой степени, какъ Аракчеевъ. Его человѣконенавистничество было такъ велико, что онъ лишилъ своихъ рабовъ даже той свободы, на которую никто до него не покушался. Онъ заставилъ своихъ крѣпостныхъ жить въ домахъ, построенныхъ по его плану, при чемъ онъ, понятно, не сообразовался ни съ привычками, ни съ потребностями крестьянъ; деревни были построены какъ казармы; требовались чистота и порядокъ, почти невозможные въ крестьянскомъ обиходѣ. По страсти къ чистотѣ и любви къ порядку Аракчеевъ запрещалъ крестьянамъ держать свиней, потому что эти животныя роютъ землю и, слѣдовательно, производятъ безпорядокъ. По этому поводу состоялось нѣсколько графскихъ приказовъ ¹⁾).

Крестьянки не разъ слышали отъ Аракчеева слова: «у меня всякая баба должна каждый годъ рожать и лучше сына, чѣмъ дочь. Если у кого родится дочь, я буду взыскивать штрафъ. Если родится мертвый ребенокъ или выкинетъ баба, тоже штрафъ. А въ какой годъ не родить, то представь 10 аршинъ точила (холста)» ²⁾. Жизнь несчастныхъ крѣпостныхъ Аракчеева была урегулирована правилами; Аракчеевъ сочинилъ краткія правила для матерей крестьянокъ Грузинской вотчины. Эти правила должны быть читаемы, по крайней мѣрѣ, разъ въ мѣсяцъ и должны были храниться «у образной кіоты». Что это были за правила, можно судить, напр., по 24 и 25 параграфамъ. 24—Каждая мать, и при занятіи своемъ сельскими работами, должна младенца своего кормить, по крайней мѣрѣ, три раза въ день... 25—Когда мать разсердится, то отнюдь не должна давать сосать груди младенцу ³⁾. Нарушеніе всѣхъ этихъ правилъ строго наказывалось.

Аракчеевъ до такой степени ненавидѣлъ людей, что ему были неприяты чужія веселье и радость; онъ строго запретилъ своимъ людямъ собираться на посѣдки. Пѣніе веселыхъ пѣсенъ было запрещено и позволено было пѣть только что-нибудь духовное, священное ³⁾. Сладострастный развратникъ жестоко преслѣдовалъ въ своемъ имѣніи нарушеніе седьмой заповѣди.

¹⁾ Op. cit. Т. I, стр. 379.

²⁾ Id. Стр. 383, 384.

³⁾ Id. Стр. 386.

Въ отличіе отъ помѣщиковъ-самодуровъ, Аракчеевъ заботился о матеріальномъ благополучіи своихъ крѣпостныхъ, преслѣдуя чисто утилитарныя цѣли; онъ учредилъ банкъ и больницу, но даже и въ такое хорошее дѣло онъ внесъ свое человѣконенавистничество. Въ больницѣ не только лѣчили, но и сѣкли; такъ 18 ноября 1828 г. рапортовано было Аракчееву: «вашего сіятельства дворовая женщина Прасковья Григорьева сего числа выздоровѣла и, по наказаніи ея розгами, отправлена къ г. штабъ-лѣкарю Бѣлоцвѣтову»¹⁾. Особымъ приказомъ (28 янв. 1818 г. за № 104) Аракчеевъ повелѣлъ, «чтобы всѣ выздоровѣвшіе отъ болѣзней въ госпиталѣ крестьяне не иначе были изъ онаго отпускаемы въ свои дома, какъ возблагодаривъ въ соборѣ за исцѣленіе отъ болѣзни, всѣхъ благъ подателя, Бога, и по немъ святого апостола Андрея Первозваннаго и приложась къ его святой иконѣ». Итакъ, сперва лѣченіе, потомъ порка и затѣмъ строго предписанная молитва; много нужно человѣконенавистничества, чтобы придумать такое надругательство надъ тѣломъ и душою человѣка, измученнаго перенесенной болѣзнію.

Отто описываетъ, съ какою радостью крѣпостные Аракчеева узнали о смерти ихъ мучителя; крестьяне были на работѣ, когда имъ сказали: «графъ померъ»; они были такъ взволнованы, что побросали всѣ дрова опять въ воду. «Народъ не зналъ и не понималъ, что онъ дѣлаетъ. Эти сотни людей походили на несчастныхъ невольниковъ, которыхъ неожиданно освободили изъ ужасной тюрьмы или страшныхъ застѣнковъ».

Необходимо замѣтить, что и по отношенію къ крѣпостнымъ Аракчеевъ не переходилъ границъ дозволеннаго; онъ дѣлалъ возможное, по законамъ того времени, зло своимъ крестьянамъ, но ни разу не позволилъ себѣ нарушить законъ; несмотря на всю свою злобность, онъ не впадалъ въ аффекты настолько, чтобы окончательно терять власть надъ собою.

Аракчеевъ былъ достаточно уменъ для того, чтобы понимать, что одной жестокостью нельзя добиться наилучшихъ результатовъ; онъ понималъ, что одни наказанія не достигаютъ цѣли и потому, когда то нужно было для его собственного благополучія, умѣлъ быть любезнымъ. Такъ Лубяновскій²⁾ описываетъ въ

1) Id. Стр. 385.

2) Воспоминанія Ф. П. Лубяновскаго. „Русскій Архивъ“. 1872, стр. 162.

своихъ воспоминаніяхъ весьма разумное обученіе Аракчеевымъ полка. Въ 1897 г. государь поручалъ Аракчееву выучить новому строю полкъ, стоявшій въ Ковнѣ. Такъ какъ Аракчееву было выгодно какъ можно скорѣе выучить полкъ, чтобы поскорѣе вернуться ко двору, то онъ не только муштровалъ офицеровъ и солдатъ, но дома былъ привѣтливъ и ласковъ. По вечерамъ офицеры приглашались на чай къ Аракчееву; на этихъ собраніяхъ генераль благосклонно и вразумительно изъяснялъ равеніе строя, плутонги, эшелоны, пуанъ-де-вью, пуанъ-д'аппюи, и прочія мистеріи воинскаго устава; позволялъ даже, и не безъ удовольствія, вопросы себѣ, отвѣчалъ терпѣливо и съ знаніемъ дѣла; самъ вопросами удостовѣрялся, хорошо ли понято, о чемъ вчера говорено. Дѣлаеть честь Аракчееву то вниманіе, съ которымъ онъ отнесся къ гр. Ф. П. Толстому и ланкастерскимъ школамъ; по отношенію къ Ф. П. Толстому онъ даже проявилъ удивительную снисходительность и любезность ¹⁾).

Аракчеевъ предпочиталъ пользоваться услугами вольнонаемнаго камердинера; когда служившій у Аракчеева рижанинъ покинулъ Грузино, Аракчеевъ просилъ его найти ему другого камердинера въ Ригѣ. Также онъ искалъ вольнонаемныхъ экономокъ, въ замѣну Минкиной; онъ держалъ вольнонаемнаго садовника. Можно думать, что Аракчеевъ понималъ, что истязанія не достигаютъ цѣли, что знанія и свобода лучше готовятъ людей къ дѣлу, чѣмъ наказанія и рабство. Насколько того требовали его личные интересы, Аракчеевъ умѣлъ сдерживать свою злобу. Онъ дѣлалъ зло, не потому что находилъ истязанія и оскорбленія безусловно необходимыми, а главнымъ образомъ потому, что былъ золъ и ненавидѣлъ людей.

Такое объясненіе жестокости Аракчеева подтверждается тонкимъ наблюденіемъ, сдѣланнымъ прислугою графа. Отто ²⁾ сообщаетъ слѣдующее: Дворовые рассказывали, что они съ нетерпѣніемъ ждали только, когда въ *ранжеряхъ* поспѣютъ вишни, потому что въ ту пору становится графъ какъ-то тише и поспокойнѣе. «Больной такой онъ былъ (онъ дѣйствительно страдалъ сильнымъ гемороемъ), и въ болѣзни съ нимъ бѣда и сущее божье наказаніе было: ничѣмъ не угодишь и лучше на глаза ему

¹⁾ Рассказы гр. Ф. П. Толстого. „Русская Старина“. 1878, февраль.

²⁾ Op. cit. Т. III, стр. 172.

нѣ попадаться; а какъ вишень поѣсть, такъ, какъ будто, добрѣе и ласковѣе становился. Ну и вотъ, когда замѣтимъ бывало, что Ракчеевъ вишни кушаетъ, такъ съ радости перекрестимся и Бога благодаримъ, потому что къ добру, значитъ». Какъ врачъ, я вполне довѣряю этому наблюденію прислуги Аракчеева; несомнѣнно, что злобность зависитъ отъ чисто органическихъ причинъ, къ сожалѣнію намъ неизвѣстныхъ. Слабительное дѣйствіе вишень могло, конечно, хотя нѣсколько, вліять на злобность Аракчеева; при запорахъ злобность его увеличивалась.

Какъ ни велика была злобность Аракчеева, но до степени настоящихъ аффектовъ она не достигала; графъ былъ человѣкъ вполне собою владѣвшій и ни разу въ жизни не потерялъ власти надъ собою. Онъ ни разу въ жизни, въ порывѣ злобы, не совершилъ преступленія, не превысилъ своей власти, а этимъ, конечно, могутъ похвалиться немногіе; онъ всегда дѣлалъ зло лишь постольку, поскольку это можно было совершать безнаказанно. Правда, онъ разъ въ жизни повредилъ себѣ своею злобностью, но это была только ошибка; какъ настоящій «рабъ», онъ не воображалъ, что Ленъ изъ-за такихъ пустяковъ, какъ ругань—брань на вороту не виснетъ—покончить съ жизнью, пошлетъ письмо къ государю и письмо это дойдетъ.

Аракчеевъ обнаруживалъ удивительную сдержанность, когда встрѣчалъ должный отпоръ. Такъ ф.-Брадке рассказываетъ, а не вѣрить этому благородному дѣятелю мы не имѣемъ права, слѣдующій случай. Въ послѣдніе годы царствованія Александра Павловича, т.-е. во время наибольшаго могущества Аракчеева «случилось однажды, что послѣ долгаго подавленія въ себѣ досады, я однажды не выдержалъ, просилъ его уволить меня по разстроенному здоровью и, выходя изъ кабинета, захлопнулъ дверь съ такою силою, что оконныя рамы задрожали. Вернувшись домой и придя въ себя, я сталъ ожидать фельдъ-егеря и отправленія въ Шлиссельбургъ; фельдъ-егерь дѣйствительно явился, но для приглашенія меня на другой день къ обѣду, за которымъ графъ посадилъ меня подлѣ себя и обращался со мною, какъ съ почетнѣйшимъ гостемъ»¹⁾.

Припомнилъ ли Аракчеевъ о случаѣ съ Леномъ (Ленъ и ф.-Брадке были колоновожатые) или побоялся доводить до край-

¹⁾ „Русскій Архивъ“. 1875, стр. 41.

ности рѣшительнаго офицера, но несомнѣнно, что онъ обнаружилъ большое самообладаніе; избалованный властью и общимъ поклоненіемъ, онъ отнесся очень умно къ вспыльчивости ф.-Брадке.

Навѣрное ни одинъ ф.-Брадке давалъ отпоръ Аракчееву и намъ неизвѣстно ни одного случая, доказывающаго вспыльчивость Аракчеева; онъ всегда владѣлъ собою. Даже послѣ убійства Минкиной, когда онъ повидимому находился въ сильнѣйшемъ аффектѣ, онъ владѣлъ собою настолько, что не расправился съ убійцами самъ, а весьма ловко подстроилъ дѣло такъ, что его враги были подвергнуты мучительной казни «по закону». Аракчеевъ вышелъ сухимъ изъ воды, а новгородскій губернаторъ, дѣйствовавшій подъ влияніемъ графа, потерялъ мѣсто.

Я не буду говорить о томъ, что въ виду рѣдкаго самообладанія Аракчеева, злодѣянія имъ совершенныя даже не могутъ быть извиняемы, хотя бы отчасти, аффектами; хладнокровный злодѣй гораздо преступнѣе человѣка, совершающаго безнравственныя поступки лишь въ состояніи аффекта.

Необходимо обратить вниманіе на то, что Аракчеевъ могъ совершить такъ много зла лишь потому, что онъ всегда дѣйствовалъ хладнокровно, обдуманно, всегда владѣлъ собою. Въ этомъ и состояла демоническая сила Аракчеева. Къ счастью человѣчества очень злые люди легко впадаютъ въ аффекты и потому непремѣнно совершаютъ такіе нелѣпые поступки, что самое высокое положеніе не спасаетъ ихъ отъ отвѣтственности. Владѣющій собою злодѣй истинное наказаніе для современниковъ и потому Аракчеева называли «вреднѣйшимъ человѣкомъ», а Пушкинъ опредѣлилъ его какъ «генія зла» царствованія Александра Павловича ¹⁾. «Геній зла», по удачному опредѣленію Пушкина, почти тридцать лѣтъ творилъ зло, но ни разу не совершилъ чего-либо такого, что дало бы его врагамъ возможность лишиться его власти. Если бы хоть разъ Аракчеевъ совершилъ то, что государь считалъ преступленіемъ, враги Аракчеева довели бы объ этомъ преступленіи до свѣдѣнія государя. Можно лишь удивляться выдержанности, власти надъ собою Аракчеева.

Въ этомъ отношеніи онъ рѣзко отличался отъ «преступнаго

¹⁾ „Русскій Архивъ“. 1880, стр. 496.

человѣка» или преступника по натурѣ. Хотя Аракчеевъ сдѣлалъ больше зла, чѣмъ самый крупный преступникъ, однако онъ не былъ преступникомъ; онъ не былъ надѣленъ организаціей преступнаго человѣка. Трудолюбіе, самообладаніе и предусмотрительность не свойственны преступному человѣку, а потому Аракчеевъ никогда не былъ подъ судомъ. Изученіе характера Аракчеева еще разъ подтверждаетъ вѣрность основныхъ принциповъ итальянской школы. Преступный человѣкъ и безнравственный человѣкъ имѣютъ много общаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ они существенно отличаются другъ отъ друга, почему преступный человѣкъ обыкновенно гибнетъ, а безнравственные люди нерѣдко добиваются высокаго положенія въ обществѣ.

В. Ф. Чижъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Къ вопросу объ основаніяхъ ариѳметики.

§ 1.

Въ строгой системѣ ариѳметики признають за данное натуральный рядъ чиселъ и устанавливаютъ термины равенства и неравенства, прямыхъ и обратныхъ операций ¹⁾).

Откуда берется понятіе о числахъ натурального ряда и о самомъ рядѣ, какой характеръ носить установка терминовъ, каковъ философскій смыслъ расширенія понятія о числѣ, наконецъ,—насколько основанія строгой ариѳметической системы и что именно въ нихъ ручается за ея достовѣрность, — всѣ эти вопросы суть въ сущности подробности теоріи познанія и требуютъ поэтому ясной и устойчивой точки зрѣнія. И чтобы избѣгнуть въ этихъ вопросахъ недоразумѣній отъ одной лишь ошибочной или плохо сознанный точки зрѣнія,—что часто встрѣчается у представителей философскаго эмпиризма, а еще чаще у философствующихъ математиковъ, надо замѣтить слѣдующее.

Вопросы объ основаніяхъ ариѳметики сводятся къ двумъ, которые изслѣдуютъ разныя психическія образованія и которыхъ нельзя смѣшивать: о дѣйствительномъ происхожденіи понятія числа и о характерѣ сужденій ариѳметики. Первый вопросъ есть антропологическій, т. е. научный и относительный, рѣшеніе котораго въ извѣстномъ смыслѣ не можетъ повліять на рѣшеніе второго вопроса, чисто философскаго. Первый рѣшается на основаніи данныхъ опытной психологіи, антропологіи и исторіи культуры и имѣетъ дѣло съ представленіемъ числа (или общимъ представленіемъ числа), съ почувственными образами счислимыхъ группъ, т. е. съ матеріаломъ числовыхъ понятій. Вопросъ

¹⁾ Волковъ. „Эволюція понятія о числѣ“, введеніе.

же философскій рѣшается изслѣдованіемъ логически и математически обработаннаго понятія числа, т.-е. занимается продуктомъ рефлексіи надъ матеріаломъ числовыхъ понятій.

Разграниченіе этихъ двухъ задачъ и ихъ объектовъ не есть только методологическое. Придавая стойкость точкѣ зрѣнія, оно въ своемъ развитіи сильно освѣщаетъ подробности вопроса объ основаніяхъ и разрѣшаетъ подчасъ недоразумѣнія и ошибки, какъ сторонниковъ, такъ и противниковъ эмпирической теоріи происхожденія числа.

Однако, такое разграниченіе никоимъ образомъ не имѣетъ въ виду утверждать полную дѣйствительную независимость основныхъ вопросовъ. Оно утверждаетъ только ихъ возможную независимость, говоря, что вопросъ о характерѣ сужденій ариѦметики можетъ быть рѣшенъ внѣ вопроса происхожденія числовыхъ понятій, хотя изслѣдованіе послѣдняго имѣетъ важную гносеологическую цѣнность, хотя характеръ сужденій ариѦметики носить отпечатокъ эмпирическаго происхожденія ея понятій.

§ 2.

Выдвигая выше два типа числовыхъ образованій, представленіе числа и понятіе числа, мы не желали указать этимъ на схему историческаго развитія хотя бы потому, что, вѣроятно, не въ эти два типа единственно отлился въ своей разработкѣ матеріалъ ариѦметическихъ понятій. Могутъ быть и переходныя формы. Особенность указанныхъ въ томъ, что онѣ представляютъ чистый источникъ ариѦметическихъ сужденій и объединяютъ двѣ связи свойствъ разнаго, другъ на друга несводимаго, характера, хотя представленіе числа необходимо лежитъ въ основаніи строгой системы ариѦметическихъ понятій.

Теоретики чувствуютъ эту необходимость и кладутъ въ основаніе своихъ системъ представленія, служащія какъ бы опытной подпочвой числовыхъ понятій, желая вмѣстѣ съ тѣмъ провести эмпиристическій взглядъ на основанія математики. Гельмгольцъ въ качествѣ матеріала ариѦметическихъ понятій выставляетъ представленіе «количество предметовъ» («Anzahl der Dingen») ¹⁾, Штольцъ — представленіе «множество» («Vielheit») ²⁾. Но эти осно-

1) См. „Anzahl der Dingen“, Wissenschaftliche Abhandlungen, III Band.

2) O. Stolz, Vorlesungen über allgemeine Arithmetik.

ванія не настолько свободны отъ рефлексивныхъ элементовъ, чтобы представлять чистый матеріалъ понятій и не настолько вводятъ въ затаенный источникъ ариѳметики, чтобы объяснить характеръ ея сужденій.

Представленіе числа, ихъ связь съ понятіями чиселъ и самый фактъ раздѣльнаго существованія этихъ формъ лучше всего наблюдать въ ихъ мѣстороженіи, въ умѣ дикаря или ребенка.

Антропология знаетъ дикарей, имѣющихъ понятія лишь весьма небольшихъ чиселъ: трехъ, четырехъ, пяти ¹⁾. Вытекаетъ ли изъ этого, что у нихъ нѣтъ представленій бóльшихъ чиселъ?

Жители острововъ Тонга знаютъ до ста тысячъ; значитъ ли это, что у нихъ есть понятія такихъ чиселъ?

Эти вопросы рѣшаются сдѣланнымъ выше разграниченіемъ. Представленіе числа есть чувственный образъ группы предметовъ, почти не связанный съ понятіемъ о дѣлимости такой группы на отдѣльные предметы, какъ на единицы. Понятіе же числа заключаетъ въ себѣ знаніе того, что число состоитъ изъ единицъ; — это знаніе явилось благодаря дѣйствию рефлексіи, разложившей числовую группу.

Когда дикарь низшаго племени, называющій число не выше трехъ-четырехъ, говоритъ о бóльшихъ группахъ «много» ²⁾, онъ имѣетъ представленія чиселъ и больше трехъ, но его слабая рефлексія не въ силахъ разложить бóльшее число на единицы, или слабая отвлеченная память не въ силахъ удержать ходъ разложенія и такимъ образомъ создать ему понятіе числа.

Представленіе числа въ томъ живомъ, конкретномъ видѣ, который здѣсь рисуется, есть, конечно, матеріалъ числовыхъ понятій, такъ какъ надъ нимъ рефлектируетъ сознаніе,—но не первобытный. Если освободить представленіе числа отъ его чувственной внѣшности, отъ образовъ блѣдныхъ, но не лишенныхъ еще слабого матеріальнаго содержанія, составляющихъ счислимую группу, то получится нѣкоторый психическій остатокъ, кроющій въ себѣ истинный корень числовыхъ понятій. Остатокъ этотъ—впечатлѣніе сосуществованія раздѣльныхъ образовъ въ группѣ или чистое впечатлѣніе раздѣльной совмѣстности.

Съ вопросомъ о характерѣ этого первобытнаго матеріала число-

¹⁾ Тейлоръ, «Первобытная культура», т. I, гл. VII.

²⁾ Тейлоръ, *ibidem*.

выхъ понятій связано рѣшеніе спора о существованіи числа физически. Милль утверждаетъ, что число есть абстрактъ отъ опытныхъ ощущеній: въ вещахъ содержится то, что даетъ понятія чиселъ ¹⁾. Психологи-кантианцы возражаютъ, что число есть продуктъ рефлексіи сознанія надъ своими собственными дѣйствіями, и поэтому его матеріаль не можетъ существовать физически ²⁾.

Оба мнѣнія не исключаютъ другъ друга, потому что относятся къ разнымъ предметамъ: первое—къ представленію числа, второе—къ его понятію. Обѣ стороны не различаютъ этихъ двухъ психическихъ формъ, и споръ получаетъ такой характеръ, какъ если бы дуэлисты тыкали шпагами въ воздухъ и воображали, что колютъ другъ друга. Представленіе числа зависитъ отъ расположенія предметовъ въ счислимой группѣ, и Милль совершенно правъ, основываясь на томъ соображеніи, что мы три камешка можемъ размѣстить такъ, чтобы группа представляла «два камешка и одинъ камешекъ», и такъ, чтобы представляла «три камешка». Этотъ примѣръ съ очевидностью показываетъ, что представленіе числа образуется въ зависимости отъ внѣшняго опыта.

Но важно опредѣлить, какую именно сторону внѣшняго опыта выражаетъ представленіе числа. Для этого возьмемъ слѣдующій примѣръ. Если сложить десятокъ ядеръ ³⁾ тѣсно рядомъ или набросать въ пирамидальную или шаровую массу, этотъ десятокъ вызоветъ впечатлѣніе не «десяти», а «одного» («одной кучи»). Если разложить ихъ отдѣльно, но оставить очень большой промежутокъ между отдѣльными ядрами, группа не оставитъ впечатлѣнія ни «десяти», ни «одного». Только въ томъ случаѣ, когда ядра лежатъ близко, но явно раздѣльно, сознаніе дробитъ поле зрѣнія, и группа оставляетъ несомнѣнно впечатлѣніе «десяти». Отсюда видно, что въ основаніи представленія числа лежитъ чистое впечатлѣніе раздѣльной совмѣстности, выражающее только характеръ сосуществованія вещей въ группѣ. Но

1) Система логики, т. I, гл. VI.

2) См. ст. проф. Челпанова „Объ апріорныхъ элементахъ познанія“, гдѣ излагаются взгляды автора, а также Зигварта, Вундта, Джемса и др. („Вопросы философіи“, 1901 г., кн. IV).

3) Мы взяли такой же примѣръ (10 ядеръ), какъ и г. Челпановъ въ указанной статьѣ, отчасти для того, чтобы противопоставить наши соображенія разсужденію г. Челпанова: онъ освѣщаетъ этотъ примѣръ совершенно иначе.

отсюда же ясно, что число, какъ абстрактъ отъ впечатлѣній раздѣльной совмѣстности, не существуетъ физически, такъ какъ эти впечатлѣнія совершенно лишены того содержанія, которое и называется опытомъ (внѣшнимъ). Сказать про число, что оно — свойство вещей, или, что оно — не есть свойство вещей, одинаково бессмысленно. Число есть свойство опыта въ цѣломъ, а не въ частяхъ, ибо оно именно и констатируетъ дробленіе опыта на вещи или соединеніе вещей въ опытѣ. Вотъ почему Милль неправъ, утверждая, а психологи—отрицая, что число есть абстракція отъ существующаго физически и поэтому должно существовать физически. Здѣсь эмпиристы правильно устанавливаютъ фактъ (происхожденіе числа), но выводятъ неправильное слѣдствіе. Психологи неправильно устанавливаютъ фактъ, но выводятъ правильное слѣдствіе. Зато и тѣ, и другіе неправильно опредѣляютъ зависимость между фактомъ и слѣдствіемъ.

Но каковъ бы ни былъ матеріальн числогово представленія, все же онъ данъ физической связью объектовъ, въ счислимой группѣ.

Характеръ этой физической связи кроетъ въ себѣ условія счислимости. Ихъ правильную характеристику находимъ у Гельмгольца въ слѣдующихъ ясныхъ словахъ: «Объекты счета не должны исчезать, сливаться другъ съ другомъ или дѣлиться на части; новое не должно появляться, такъ что каждому выраженному греческой буквой названію долженъ соответствовать лишь одинъ явно отдѣльный субъектъ». («Zählen und Messen») ¹⁾.

Отсюда слѣдуетъ, что условія счислимости суть условія раздѣльнаго сосуществованія. И замѣчательно, что, желая вызвать представленія числа, мы представляемъ себѣ собранія палочекъ или точекъ, словомъ объектовъ, которыхъ матеріальное содержаніе тотчасъ же исчезаетъ съ поля сознанія и отъ которыхъ остаются лишь чистыя впечатлѣнія сосуществованія. Послѣдніа столь бѣдны содержаніемъ, что понятіе о нихъ содержитъ лишь формальные признаки, выражающіе законъ сосуществованія вещей, законъ ихъ чистыхъ отношеній. И если такое свойство не

¹⁾ „Sie (Objecte des Zählens) dürfen nicht verschwinden, oder mit einander verschmelzen, es darf keines sich in zwei theilen, kein neues hinzukommen, so dass jedem in Form eines griechischen Buchstaben gegebenen Namen ausdauernd ein und nur ein abgegrenztes, und als einzelnes erkennbar bleibendes Object entspricht“ (Zählen und Messen).

есть свойство самихъ вещей, а всего опыта въ цѣломъ, то ясно, что указанный законъ сосуществованія долженъ быть условіемъ самого опыта.

§ 3.

Особенность понятія числа та, что оно содержитъ ясное понятіе единицы и связано съ сознаниемъ, что число состоитъ изъ единицъ. Могъ ли бы эмпирической матеріаль, изъ котораго происходятъ представленія числа, да и представленія сами по себѣ быть источникомъ такой особенности?

Прежде всего, можно легко показать, что конкретная обстановка, опытъ есть хотя необходимое, но недостаточное условіе для образованія числового понятія. У всѣхъ дикарей на рукѣ пять пальцевъ, на обѣихъ десять, но нѣкоторые австралійскіе дикари не знаютъ пяти или даже четырехъ, низшія племена Бразиліи для числа больше трехъ не имѣютъ словъ и говорятъ: «много». Значитъ, у такихъ дикарей не должно было бы быть больше трехъ пальцевъ на рукахъ, не можетъ быть представленій чиселъ больше трехъ; или въ ихъ жизни и чувственномъ опытѣ не было достаточно поводовъ къ образованію и различенію понятій чиселъ больше трехъ?

Если бы конкретная обстановка, напримѣръ, счетъ на пальцахъ давалъ понятіе числа съ признакомъ разложимости на единицы, то всѣ дикари имѣли бы понятіе чиселъ по меньшей мѣрѣ до десяти, тѣмъ болѣе, что необходимость въ названіи и различеніи такихъ численныхъ группъ есть во всякомъ опытѣ. Обратный фактъ доказываетъ, что во 1) въ представленіи числа нѣтъ яснаго понятія единицы, во 2) на пальцахъ выражаютъ извѣстное уже понятіе числа, а не узнаютъ его.

Не смотря на то, что послѣднее не можетъ, повидимому, быть дано опытомъ самимъ по себѣ, можно себѣ представить ариметику безъ понятія числа и, слѣдовательно, безъ яснаго сознанаго понятія единицы. (Тутъ кстати замѣтить, что единица есть чисто отрицательное понятіе, такъ какъ она констатируетъ лишь отсутствіе впечатлѣнія раздѣльной совмѣстности). Такая арифметика заслуживала бы имени «физической», такъ какъ ея понятія и дѣйствія имѣли бы вполне чувственный характеръ: она оперировала бы представленіями числа. Въ подобной арифметикѣ сложене было бы соединеніемъ двухъ или нѣсколькихъ группъ

и созерцаніемъ полученнаго образа; вычитаніе было бы отдѣленіемъ одной группы отъ другой и созерцаніемъ остаточной группы; умноженіе—повторнымъ соединеніемъ, дѣленіе—повторнымъ отдѣленіемъ. Правда, въ вычитаніи этого рода, прежде чѣмъ отдѣлить группу вычитаемаго, необходимо ее собрать и, слѣдовательно, имѣть предварительно представленіе единицы; но послѣднее было бы смутно, неотчетливо и почти не связано съ сознаніемъ свойствъ числовой группы. Кромѣ того, если вычитаніе замѣнить находженіемъ слагаемаго, дополняющаго вычитаемое, то въ этомъ дѣйствиіи понятіе единицы почти не было бы необходимо.

Такой или въ этомъ родѣ была бы ариеметика, если бы въ ея основаніи лежалъ эмпирической матеріалъ, не обработанный сознаніемъ. Теоретики и это чувствуютъ, но все-таки съ завидной беззаботностью перескакиваютъ отъ представленія числа къ понятію.

По Штольцу понятіе числа происходитъ очень просто: «Каждому такому множеству (именованному числу) соотвѣтствуетъ именно одно равное ему число натурального ряда, которое находятъ, извлекая одну за другой единицы, собранныя въ множествѣ и замѣчая каждую единицу, обозначенную чертой 1» ¹⁾. Но въ понятіи «Vielheit» нѣтъ признака разложимости на единицы и нѣтъ сознанія, что этотъ признакъ формаленъ, т.-е. не зависитъ отъ свойствъ вещей группы. Въ понятіи же числа есть такой признакъ и такое сознаніе. Слѣдовательно, послѣднія свойства развиваются не при простомъ переходѣ отъ представленія числа къ понятію.

Эти свойства развиваются благодаря дѣйствию сознанія, рефлектирующаго надъ представленіями числа, въ которыхъ вообще нѣтъ сознанія состава числа ²⁾. И только, когда сознаніе, ре-

1) „Jeder solchen Vielheit (benannten Zahl) entspricht nämlich eine ihr gleiche natürliche Zahl, welche gefunden wird, indem man von den der Vielheit angehörigen Einheiten eine nach der andern herausgreift, sie mit dem Striche 1 abbildet und hierauf bei Seite legt“. Otto Stolz „Vorlesungen über allgemeine Arithmetik“, II, 2, I Band.

2) Эту роль сознанія прекрасно выясняетъ пр. Челпановъ въ упомянутой статьѣ. Хотя онъ вмѣстѣ съ психологами, взгляды которыхъ излагаетъ, часто расходится съ нашими взглядами, все же мы должны были бы подчасъ лишь повторить его слова, но стараемся избѣгать этого, предполагая у читателя знакомство съ этой статьѣй.

флектируя, замѣчаетъ и считаетъ свои остановки, оно замѣчаетъ, что число составлено изъ единицъ и притомъ такъ, какъ представляемая числомъ группа предметовъ изъ одного предмета. Путемъ же рефлексіи, конечно, получается и понятіе натурального ряда, образованіе котораго невысказано, пока сознание лишено отчетливаго понятія единицы и того, какъ число составлено изъ нихъ. Этимъ объясняется, почему дикари, имѣющіе пальцевъ больше трехъ или четырехъ и обстановку, способную породить понятія большихъ чиселъ, имѣютъ часто понятія чиселъ лишь до трехъ, а большія числа смѣшиваютъ, называя ихъ «много». Возможно, что у нихъ есть представленія многихъ чиселъ, но, какъ мы уже сказали, ихъ слабая рефлексія и память не въ состояніи разложить счислимый образъ и запомнить число остановокъ сознания. Поэтому они не могутъ знать, что, напримѣръ, числу «четыре» и больше соотвѣтствуютъ четыре и больше пальцевъ, что число такъ же составлено изъ единицъ, какъ собраніе пальцевъ изъ одного. По тѣмъ же причинамъ умъ дикаря лишентъ понятія натурального ряда и оттого не различаетъ чиселъ далѣе извѣстнаго предѣла.

§ 4.

Числовыя образованія, лежащія въ основѣ нашихъ арифметическихъ понятій были рассмотрѣны въ этихъ немногихъ словахъ только генетически, въ качествѣ источника понятій. Рассмотрѣть ихъ логико-математическую обработку—значитъ изслѣдовать элементы системы арифметики. Но такому изслѣдованію надо предпослать нѣсколько соображеній относительно значенія расширеннаго понятія числа для вопроса объ основаніяхъ.

Психологи, изучая основанія арифметики, занимаются обыкновенно только цѣлыми положительными числами, указывая на то, что остальные числовыя понятія берутъ начало отъ цѣлаго положительнаго числа ¹⁾.

Если бы такое слабое указаніе и можно было основать на томъ обстоятельстве, что алгебраическое число есть результатъ конечнаго числа дѣйствій надъ цѣлыми положительными числами, то вѣдь во 1-хъ) трансцендентныя числа не обладаютъ

1) Г. Челпановъ, *ibidem*, стр. 529.

этимъ свойствомъ ¹⁾, во 2-хъ) это указаніе совершенно обходитъ вопросъ о смыслѣ расширенія понятія о числѣ. А такой вопросъ чрезвычайно важенъ. Ибо если ариометика дробныхъ, отрицательныхъ, ирраціональныхъ, мнимыхъ чиселъ не имѣетъ соотнoсительныхъ фактовъ въ опытѣ ²⁾ и естественной приложимости къ нему, но въ то же время имѣетъ такой же характеръ достовѣрности, какъ ариометика цѣлаго положительнаго числа и органически связана съ послѣдней, то остается рѣшить, что вообще ариометика есть замкнутая наука:—чистое построеніе, котораго частичная приложимость къ опыту вполнѣ случайна. Затѣмъ, спрашивается, если число дробное, ирраціональное и т. д. не имѣетъ корней въ чувственномъ опытѣ, какъ цѣлое положительное (коего корни—во впечатлѣніяхъ раздѣльной совмѣстности), не есть число въ основномъ смыслѣ, то какой смыслъ могутъ имѣть дѣйствія надъ такими числами и откуда берется достовѣрность результата такихъ дѣйствій?

Этотъ вопросъ (какъ и соотвѣтственный вопросъ относительно основаній геометріи) запутанъ вѣчной ошибкой философствующихъ математиковъ: обобщеніе математическаго вопроса принимать за углубленіе философскаго вопроса. Для этихъ математиковъ важно только высшее обобщеніе понятія числа и въ опредѣленіи свойствъ понятія числа и системы ариометики всѣ обращающіяся въ наукѣ понятія числа для нихъ равноцѣнны. Въ противовѣсъ этому мы должны указать на то, что 1) обобщеніемъ для всѣхъ конкретныхъ числовыхъ понятій является понятіе не числа, а числовой функціи ³⁾, 2) въ основѣ нашего

¹⁾ Волковъ „Эволюція понятія о числѣ“, опред. 63.

²⁾ Можно, конечно, подобрать комбинацію ощущений, соотвѣтствующую данному числу, какъ это, напримѣръ, дѣлаетъ аналитическая геометрія, строя кривыя всякихъ функцій, но нѣтъ такихъ ощущений, которыя явно были бы корнями чиселъ дробныхъ, отрицательныхъ и т. д.

³⁾ Что при переходѣ къ обобщеніямъ понятіе числа теряетъ свой основной смыслъ, и математикамъ необходимо прибѣгнуть къ понятію числовой функціи, можно видѣть изъ указанныхъ Dedekind'омъ признаковъ Zahlkörper („Stetigkeit und irrationale Zahlen“ § 1) и изъ словъ той же главы, гдѣ онъ съ трудомъ обосновываетъ дѣйствія надъ вещественными числами: „Die abschreckende Schwerfälligkeit aber, welche dem Ausspruche eines solchen Satzes anklebt, überzeugt uns, dass hier etwas geschehen muss, um der Sprache zu Hilfe zu kommen; dies wird in der That auf die vollkommenste Weise erreicht, wenn man die Begriffe der veränderlichen Grössen einführt“. (Тяжело-

понятія о числѣ, слѣдовательно, и объ источникѣ свойствъ арифметики, лежатъ не родовые признаки, а именно видовые, — то, чѣмъ конкретный видъ и отличается отъ абстрактнаго рода¹⁾, 3) въ частности, понятіе числа конкретно, имѣетъ объемомъ цѣлыя положительныя числа, а содержаніемъ свойство дискретности (признаки «Einsetzung» и «Abgeschlossenheit»²⁾). Только отсюда происходитъ наше право въ вопросахъ объ основаніяхъ арифметики считать достаточнымъ изслѣдованіе одного цѣлаго положительнаго числа.

Въ доказательство этихъ положеній необходимо разсмотрѣть число въ отношеніи его характера, какъ числовой функціи. Употребляя излюбленный пріемъ теоретиковъ при введеніи въ анализъ, мы сравнительно разберемъ свойства числовой системы и прямой линіи.

Dedekind утверждаетъ аналогію этихъ двухъ функцій, исходя изъ слѣдующихъ пунктовъ:

I. a) Ist $a > b$ und $b > c$, so ist $a > c$.

b) Liegt p rechts von q , und q wieder rechts von r , so liegt auch p rechts von r ; und man sagt, dass q zwischen den Punkten p und r liegt.

II. a) Sind a , c zwei verschiedene Zahlen, so giebt es immer unendliche verschiedene Zahlen b , welche zwischen a , c liegen.

b) Sind p , r zwei verschiedene Punkte, so giebt es immer unendlich viele Punkte q , welche zwischen p und r liegen³⁾.

(«Stetigkeit und irrationale Zahlen» § 1, 2, s. 7, 8).

вѣсность, которая лежитъ въ выраженіи такого положенія, убѣждаетъ насъ въ томъ, что здѣсь должно быть сдѣлано нѣчто для облегченія языку (только-ли языку? Л. С.) Этого лучше всего можно достигнуть, вводя понятія переменныхъ величинъ). Ibidem § 6, s. 21, ed. Vieweg, 2.

1) Въ гносеологическихъ выводахъ негеометровъ тотъ же ошибочный, противный этому положенію, взглядъ.

2) Dedekind „Stetigkeit und irrationale Zahlen“.

3) III пара пунктовъ, выставляемыхъ Дедекиндомъ тамъ же, содержится въ сущности въ I парѣ.

I. a) Если $a > b$, $b > c$, то $a > c$.

b) Если точка p лежитъ вправо отъ q , q вправо отъ r , то и p лежитъ вправо отъ r ; тогда говорятъ, что q лежитъ между точками p и r .

II. a) Если a , c суть два разныхъ числа, то существуетъ безчисленное множество чиселъ, которыя лежатъ между a и c .

b) Если p , r двѣ разныя точки, то существуетъ безчисленное множество точекъ q , лежащихъ между p и r .

Мы отсюда видимъ лишь то, что полной аналогіи между числовой системой R и прямой линіей нѣтъ; тамъ гдѣ эта аналогія есть, она вытекаетъ изъ чисто условныхъ обозначеній. Но число есть психическій фактъ, коренящійся въ нашихъ ощущеніяхъ, и выводить его свойства изъ сравненія его съ условно-раціональными опредѣленіями другого психического факта (прямой линіи) представляется ошибочнымъ.

Аналогія обоихъ положеній I пункта единственно въ томъ, что отрѣзокъ прямой линіи можетъ представлять численную единицу, а направленіе отъ точки, выбранной за начало, знакъ. Что касается II пункта, то тамъ не только нѣтъ аналогіи, но послѣдняя противорѣчила бы свойствамъ числа.

Положеніе, что если a и b суть неравныя числа, то между ними можно вставить неопредѣленное число промежуточныхъ членовъ,—нисколько не противорѣчитъ свойству дискретности. Въ самомъ дѣлѣ, если бы мы взяли два ближайшихъ ирраціональныхъ числа, которыя въ виду безконечнаго числа своихъ значеній допускаютъ безконечное приближеніе, то вѣдь это приближеніе ограничено предѣлами этихъ двухъ чиселъ, а разность этихъ предѣловъ не можетъ стать равна нулю, такъ какъ выходило бы, что корни двухъ разныхъ чиселъ равны между собой. Непрерывность системы чиселъ неосуществима, такъ какъ интерполяція всѣхъ возможныхъ значеній между сопредѣльными числами невысказана. Межъ тѣмъ интерполяція всѣхъ возможныхъ значеній между двумя данными точками реально осуществима: эти отрѣзки существуютъ въ полѣ зрѣнія или воображенія, но только мы не можемъ ихъ найти.

Число дискретно по своей природѣ именно потому, что его корни лежатъ въ ощущеніяхъ, прерывныхъ и отграниченныхъ отъ другихъ ощущеній. Аналогія между системой чиселъ и прямой возможна оттого только, что обѣ могутъ быть подведены подъ одно математическое обобщеніе (функцию одной переменн-ной). Математикъ же, благодаря своему характерному образу мысленія, смѣшиваетъ математическое обобщеніе съ логическимъ. Такъ Dedekind вопреки природѣ чиселъ доказываетъ, что система ихъ непрерывна, хотя совершенно правильно переноситъ свойства системы раціональныхъ чиселъ на ирраціональныя, доказавъ, что система послѣднихъ обладаетъ признаками функции одного измѣренія ¹⁾).

1) Stetigkeit und irrationale Zahlen, § 5.

Отсюда видно, что типическій характеръ числа выраженъ въ характерѣ цѣлаго положительнаго числа, въ которомъ явны свойство дискретности и чувственные корни, каковъ бы тамъ ни былъ характеръ стороны опыта, выражаемой этимъ числомъ.

Но если числа дробныя, отрицательныя и т. д. не суть числа въ основномъ смыслѣ, а только числовыя функціи, указывающія на количественную связь, не выразимую числомъ натурального ряда, то дѣйствія надъ ними и результатъ ихъ имѣютъ чисто условный смыслъ... Предложеніе $4 > 3$ означаетъ, что число 4 стоитъ на высшемъ мѣстѣ натурального ряда или, что даетъ больше остановокъ сознанія, чѣмъ число 3. Этого не можетъ выражать предложеніе $-3 > -4$. Оно означаетъ только, что результатъ вычитанія изъ какого угодно а числа большаго а на три былъ бы больше разности между тѣмъ же а и числомъ $a + 4$, если бы существовали два числа, представляющія эти разности.

Вслѣдствіе такихъ соображеній изслѣдованіе элементовъ ариѦметики цѣлаго положительнаго въ философскихъ видахъ можетъ считаться достаточнымъ.

§ 5.

Есть, однако, еще небольшое затрудненіе, — въ вопросѣ, какую именно систему ариѦметики разсматривать; ибо, хотя система ариѦметическихъ истинъ неизмѣнна, понятія, лежащія въ ея основѣ, такъ разнообразны, что она въ зависимости отъ нихъ получаетъ подчасъ разное освѣщеніе и строеніе. Можно было бы разсмотрѣть построенныя на конкретныхъ понятіяхъ системы Гельмгольца и Штольца (упомянутыя сочиненія) или замѣчательную, доведенную до крайней абстракціи, систему понятій Dedekind'a ¹⁾, или даже систему математической логики, считая, что ариѦметика лишь интерпретируетъ послѣднюю.

Но во всѣхъ этихъ системахъ оказывается нѣкоторая общая группа элементовъ, существенная для каждой, т.-е. достаточная и необходимая для ея образованія. Эти элементы суть основные термины и основныя предложенія. Аксиомы ариѦметики содержатся либо въ тѣхъ, либо въ другихъ ²⁾.

¹⁾ „Was sind und sollen die Zahlen“.

²⁾ Изъ 5 аксіомъ, выставленныхъ Гельмгольцемъ, I, IV и V вытекаютъ изъ термина равенства, II и III суть основныя предложенія.

Основнымъ, неразложимымъ на другіе термины можетъ считаться одинъ лишь терминъ равенства. Легко видѣть, что другіе термины будутъ его производными (терминъ неравенства) или его комбинаціи съ побочными терминами (операции).

Теоретики устанавливаютъ терминъ равенства однообразно.

«Равнымъ называется то, что всегда можно одинаково выразить, или что можетъ замѣщаться взаимно въ каждомъ сужденіи» ¹⁾.

Почти также опредѣляетъ Штольцъ: «Вещь *a* тождественна съ вещью *b*, если все, что мыслится объ *a*, относится къ *b*, и все, что относится къ *b*, мыслится и объ *a*» ²⁾.

«Выраженіе равенства $a = b$ должно въ ученіи о числѣ обозначать лишь, что «*a* есть то же число, какъ *b*». („Das Gleichzeichen $a = b$ soll in der reinen Zahlenlehre nur bezeichnen: „*a* ist dieselbe Zahl, wie *b*“). Helmholtz «Zählen und Messen».

Но какъ у тѣхъ теоретиковъ, которые желали бы связать основные элементы своихъ системъ съ опытной почвой (Штольцъ и въ особенности Гельмгольцъ), такъ и у тѣхъ, кто строитъ свою арифметику на строго логической системѣ отвлеченныхъ понятій (Дедекинды), есть одна коренная ошибка, — результатъ плохо сознанный точки зрѣнія и смѣшенія математическаго термина съ логическимъ. Во всѣхъ указанныхъ здѣсь опредѣленіяхъ сквозитъ мысль, что понятіе равенства (Gleichheit) есть понятіе матеріальное, т.-е. касающееся содержанія сравниваемыхъ объектовъ. Этимъ оно смѣшивается съ понятіемъ тождества (Identität), — что неправильно уже потому, что два противоположныхъ понятія неравенства и различія не совпадаютъ ни своимъ объемомъ, ни содержаніемъ.

Прежде всего, понятіе тождества — чисто отрицательное. Это можно видѣть изъ правильнаго опредѣленія его Зигвартомъ: «Представленіе тождества не только предполагаетъ, что тотъ же

1) Gleich ist dasjenige, von dem man stets dasselbe aussagen kann oder allgemeiner, was in jedem Urtheile sich gegenseitig substituirt werden kann. (Грасманъ).

2) „Ein Ding *a* ist dasselbe, wie *b* (identisch mit *b*) und *b* dasselbe wie *a*, wenn Alles, was von *a* gedacht werden kann, auch von *b*, und wenn Alles, was von *b* gilt, auch von *a* gedacht werden kann“. Dedekind. „Was sind und sollen die Zahlen § 1, 1.

самый объектъ долгое время существовалъ или повторялся; оно возникаетъ лишь путемъ отрицанія различія въ содержаніи двухъ или болѣе слѣдующихъ другъ за другомъ по времени представленій и въ такой дѣятельности черпаетъ свое содержаніе». (Logik, I, § 63, 3)¹⁾. Намъ представляется, что, напр., въ сужденіи $5 = 3 + 2$ нѣтъ такого отрицательнаго акта, такъ какъ въ немъ нисколько не отрицается различіе содержанія представленій 5 и $3 + 2$, а утверждается лишь то, что оба одинаково составлены изъ единицъ. Если поэтому нельзя утверждать, что «5 ist dasselbe, wie $3 + 2$ », то изъ приведенной выше установки термина равенства вытекало бы, что «5 ist nicht gleich $3 + 2$ ».

Но всѣ эти соображенія аргументируютъ отчасти ad hominem. По существу же ясно слѣдующее. Предложеніе $5 = 3 + 2$ не есть тожество оттого прежде всего, что всякое тожество есть сужденіе аналитическое; а въ одномъ только понятіи $3 + 2$ никоимъ образомъ не заключается признака «пять» (по извѣстной аргументаціи Канта). Если же считать, что это предложеніе имѣетъ своимъ основаніемъ (Grund des Urtheils) общее представленіе или понятіе 5 (Gesamtanschauung)²⁾, то ясно, что оно не есть тожество, ибо послѣднее имѣетъ основаніе въ самомъ себѣ.

Отсюда вытекаетъ важное положеніе: коль скоро терминъ равенства не касается содержанія связанныхъ въ предложеніи равенства понятій, то онъ, какъ видно, не имѣетъ корней въ матеріалѣ представленій, а только въ ихъ формѣ, и слѣдовательно математическое понятіе, понятіе равенства есть чисто формальное, приложенное къ чисто формальному свойству счислимости. Такимъ образомъ можно сказать, напр., что $3 = 3$ и что 3 яблока тождественны 3 яблокамъ, но странно было бы сказать, что 3 яблока равны 3 яблокамъ.

Вдумываясь въ смыслъ послѣдняго примѣра, можно замѣтить,

1) Die Vorstellung der Identität setzt nicht bloss voraus, dass dasselbe Object längere Zeit oder wiederholt gegenwärtig war, sondern sie entsteht erst durch Negation des *inhaltlichen* Unterschiedes zweier oder mehrerer, zeitlich aufeinander folgender Vorstellungen und hat ihren Inhalt an dieser Thätigkeit“.

2) Это—сужденіе, словами Зигварта, „въ которомъ субъектъ и предикатъ съ ихъ взаимоотношеніемъ суть лишь составныя части даннаго сложнаго представленія“ („dessen Subject und Prädicat mit ihrer Beziehung nur die Bestandtheile einer gegebenen complexen Vorstellung darstellen“).

что только въ томъ случаѣ, когда три данныхъ яблока были бы тождественны съ другими во всѣхъ подробностяхъ цвѣта, формы, вкуса, мы почувствовали бы потребность сказать, что эти 3 яблока равны тѣмъ. Эмпиристъ ухватится за это и скажетъ сейчасъ, что, конечно, понятіе равенства матеріально, касаясь содержанія представленій. Но этотъ примѣръ доказываетъ какъ разъ обратное. Въ самомъ дѣлѣ, мы утвердили равенство двухъ группъ яблокъ въ тотъ моментъ, когда ихъ подробности стали вполне тождественны. Но тогда они образовали чисто счислимыя группы, такъ какъ вслѣдствіе тождественности свойствъ яблоковъ въ нашемъ умѣ исчезло сознаніе ихъ матеріальнаго содержанія и осталось только сознаніе ихъ формальнаго свойства, характера сосуществованія или счислимости. Вслѣдствіе такого же умственного процесса мы, желая представить себѣ счисляемую группу, вызываемъ въ своемъ умѣ представленіе ряда одинаковыхъ точекъ, черточекъ и т. п.

Отсюда видно, что предложеніе равенства, выражая только, что характеръ сосуществованія вещей въ двухъ группахъ предметовъ одинаковъ, имѣетъ чисто формальное содержаніе, такъ какъ оно сравниваетъ предметы въ тѣхъ ихъ свойствахъ, которыя по своей природѣ формальны.

§ 6.

Другимъ элементомъ системы являются основныя предложенія. Каковы бы они ни были по своему содержанію, по формѣ они — сужденія и по этому интересно отмѣтить ихъ связь съ общей теоріей сужденій и понятіями традиціонной логики.

Но прежде всего, рискуя даже получить упреки отъ правовѣрныхъ кантіанцевъ, мы должны сказать, что не видимъ самостоятельнаго существованія синтетическихъ сужденій, какъ апріорныхъ, такъ и апостеріорныхъ.

Если въ апріорномъ сужденіи признакъ предиката выходитъ съ виду за понятіе субъекта, то это сужденіе есть лишь заключеніе такого скрытаго силлогизма, гдѣ предпосылки, будучи непосредственно очевидными истинами, исчезаютъ съ поля сознанія. Эти предпосылки и опредѣляютъ содержаніе субъекта синтетически-апріорнаго сужденія.

Синтетически - апостеріорныя сужденія также высказываютъ

только содержаніе своего субъекта, въ которомъ лишь выпущенъ опредѣлительный признакъ,—всеобщій, если сужденіе всеобщее, и частный, если сужденіе частное. Въ этихъ апостеріорныхъ сужденіяхъ синтетичность лишь видима, такъ какъ признакъ, не принадлежащій съ виду субъекту сужденія связанъ былъ съ субъектомъ уже апперцепціей, т.-е. до акта сужденія. И надъ этими сужденіями господствуетъ законъ противорѣчія такимъ образомъ, что ихъ отрицаніе противорѣчитъ наличному опыту, если эти сужденія частныя и всему опыту, если они общія.

Такое утвержденіе покажется страннымъ тѣмъ, кто привыкъ думать вмѣстѣ съ Кантомъ, что «опытныя сужденія всѣ вообще синтетическія; было бы нелѣпо основывать на опытѣ аналитическое сужденіе, такъ какъ для того, чтобы сдѣлать такое сужденіе, я не долженъ выходить за предѣлы даннаго понятія» ¹⁾. Однако это именно такъ, ибо синтетическая связь признаковъ предиката съ субъектомъ дана уже прежде апперцепціей, и сужденіе лишь высказываетъ содержаніе ощущеній.

Кромѣ того, вѣдь тутъ очень простое соображеніе. Если предикатъ апостеріорнаго сужденія узнается изъ опыта, слѣдовательно, онъ былъ включенъ въ субъектъ до акта сужденія и таковое аналитично. Если этотъ предикатъ не узнается изъ опыта, то опять-таки сужденіе немислимо, коль скоро признакъ предиката не заключался уже въ понятіи—субъектѣ. Въ самомъ дѣлѣ. Кантъ говоритъ, что сужденіе «тѣло имѣетъ вѣсъ» есть синтетическое (апостеріорное). Противопоставивъ ему сужденіе «геометрическое тѣло не имѣетъ вѣса», легко видѣть, что въ первомъ сужденіи былъ выпущенъ опредѣлительный признакъ «это» (тѣло) или «физическое», который дѣлаетъ сужденія аналитическимъ,—частнымъ («это тѣло имѣетъ вѣсъ») или общимъ («физическое тѣло имѣетъ вѣсъ») ²⁾.

Такимъ образомъ, всякое такое сужденіе есть аналитическое. Но апріорными или апостеріорными ихъ съ нашей точки зрѣнія слѣдуетъ называть только въ зависимости отъ основанія синтетической связи признаковъ субъекта и предиката. Если она дана рефлексіей, образовавшей общее понятіе—субъектъ сужденія,

1) Erfahrungsurtheile sind insgesamt synthetisch. Denn es wäre ungereimt, ein analytisches Urtheil auf Erfahrung zu gründen, weil ich aus meinem Begriffe gar nicht herausgehen darf, um das Urtheil abzufassen.

2) „Критика чистаго разума“. Введеніе IV (въ переводѣ Владиславлева, стр. 9).

данное сужденіе апріорно; если эта связь дана апперцепціей, образовавшей представленіе—субъектъ,—сужденіе апостеріорно.

Эти замѣчанія какъ бы парируются словами Канта, что въ предѣлѣ опыта нѣтъ строгихъ опредѣлений и что поэтому понятіе — субъектъ опытнаго сужденія имѣетъ только номинальное опредѣленіе, достаточное для того, чтобы его отличить отъ другихъ ¹⁾.

Слѣдовательно, прибавимъ мы, въ субъектъ включается безсознательно (предыдущей апперцепціей или рефлексіей) по меньшей мѣрѣ тотъ признакъ, который станетъ предикатомъ сужденія, завершилась ли индукція, дающая понятіе субъекта, или нѣтъ ²⁾.

Всѣ эти соображенія клонятся къ двумъ руководящимъ мыслямъ:

1) Если основныя предложенія ариѳметики суть аналитическія, то, будь они опытные или апріорныя, ихъ источникъ въ субъектѣ сужденія (т. е. въ числѣ, коренящемся во впечатлѣніяхъ совмѣстности).

¹⁾ Шлейермахеръ подъ вліяніемъ этого Кантовскаго замѣчанія находитъ разницу между аналитическими и синтетическими сужденіями относительной (вѣрнѣе переходящей). Напримѣръ, сужденіе „ледъ таетъ“ будетъ тѣмъ или другимъ въ зависимости отъ того, заключается ли въ понятіи льда понятіе о тепловыхъ условіяхъ его существованія или нѣтъ. Но здѣсь опять та же ошибка. Если это сужденіе частное, оно имѣетъ видъ: „тающий ледъ таетъ“; если оно общее, то принимаетъ видъ: „ледъ можетъ таять“. И въ томъ, и въ другомъ случаѣхъ предикатъ включенъ въ понятіе субъекта до сужденія. Въ первомъ случаѣ апперцепціей, во второмъ—рефлексіей.

²⁾ Зигвартъ (Logik, I § 18, 4) выставляетъ въ качествѣ единичнаго опытнаго сужденіе „эта роза желта“, аргументируя такъ. „Если бы признакъ „желтый“ содержался въ понятіи розы такъ же аналитически, какъ „бѣлый“ въ пон. снѣга, или „холодный“ въ понятіи льда, то я бы въ сущности не имѣлъ основанія выразить это утвержденіе“. Этому нельзя сказать. Во 1) субъектомъ сужденія будетъ логическое подлежащее „эта роза“, а не грамматическое „роза“; а въ первомъ предикатъ „желтый“ такъ же необходимо содержится, какъ предикатъ „бѣлый“ въ понятіи снѣга. Разница та, что связь предиката „желтый“ съ субъектомъ дана апперцепціей, образовавшей представленіе „эта роза“, а связь предиката „бѣлый“ съ субъектомъ дана рефлексіей, образовавшей понятіе снѣга. Во 2) Зигвартъ забываетъ, что для человѣка, не видѣвшаго этой розы, такое высказываніе другого человѣка есть не сужденіе, а апперцепція, путемъ которой два признака связываются въ его сознаниі. Такъ что высказывающій такое сужденіе имѣетъ поводъ высказать его.

2) Если основныя предложенія суть синтетическія а priori, т.-е. заключенія силлогизмомъ съ исчезнувшими изъ сознанія самоочевидными посылками, то источникъ послѣднихъ есть источникъ предложеній, и лежитъ, когда эти посылки найдены, въ субъектѣ малой посылки, такъ какъ она во всякомъ случаѣ аналитична.

Приложимъ эти соображенія къ вопросу объ источникѣ основныхъ предложеній. Они выражаются приблизительно въ слѣдующихъ пяти аксіомахъ:

I. Двѣ величины, равныя третьей, равны между собой.

II. Ассоціативный законъ сложенія: $(a + d) + c = a + (b + c)$.

III. Коммутативный законъ сложенія: $a + b = b + a$.

IV. Равныя, прибавленныя къ равнымъ, даютъ равныя.

V. Равныя, прибавленныя къ неравнымъ, даютъ неравныя¹⁾.

а) Гельмгольцъ показываетъ, что I-ая аксіома вытекаетъ изъ установленнаго имъ и другими теоретиками понятія равенства:

предложеніе $\frac{a = b; b = c}{a = c}$ выражаетъ въ сущности, что если а есть то же, что b, а b то же, что с, то а есть то же, что с.

Но въ такомъ случаѣ эта аксіома была бы пустой болтовней, тожесловіемъ, а не истиной, расширяющей наше познаніе. Ошибка Гельмгольца (какъ мы показывали здѣсь въ § 5) въ томъ, что онъ смѣшиваетъ эмпирическое понятіе тождества съ математическимъ понятіемъ равенства. Въ I-ой аксіомѣ выражаются условія сравнимости объектовъ въ ихъ чисто формальныхъ свойствахъ, а именно: увѣренность, что одинаковыя группы разныхъ предметовъ одинаково составлены изъ своихъ единицъ счисленія. Это предложеніе формально и синтетично, такъ какъ его предикатъ выходитъ за понятіе субъекта. Согласно съ высказанными нами

¹⁾ По Грассману II и III аксіомы сводятся къ положенію: $(a + b) + 1 = a + (b + 1)$. Гельмгольцъ выставляетъ еще двѣ аксіомы:

1) „Если два числа различны, то одно должно занимать высшее мѣсто (натурального ряда), чѣмъ другое.

2) Если число с стоитъ на высшемъ мѣстѣ, чѣмъ а, то я могу с представить въ видѣ суммы а и нѣкотораго цѣлаго положительнаго b, которое надлежитъ опредѣлить „Zählen und Messen“.

Оба эти положенія вытекаютъ въ сущности изъ опредѣленія натурального ряда, т.-е. слѣдуютъ за понятіемъ числа, а не предваряютъ его. Аксіомы IV и V вытекаютъ, повидимому, отсюда же.

положеніями, должны существовать скрытыя предпосылки такого предложенія. Въ самомъ дѣлѣ, послѣднее есть выводъ силлогизма, въ которомъ бѣльшая посылка представляетъ собой аксіому независимости чиселъ (т.-е. счислимыхъ группъ) отъ свойствъ исчисляемаго, а меньшая посылка, опредѣляя признаки счислимости (или условія счислимости, см. § 2). подводитъ сравниваемые объекты подъ понятіе счислимыхъ группъ. Значитъ, источникомъ I-ой аксіомы является самоочевидная посылка—аксіома независимости.

β). Предложенія, содержащіяся въ аксіомахъ II и III, заключаютъ въ себѣ производный терминъ суммы, который Гельмгольцемъ представленъ въ качествѣ порядковаго понятія. (Напримѣръ, сумма $c = a + b$ есть b -ое число натурального ряда, отсчитываемое, начиная съ числа $a + 1$). Между тѣмъ, указанная аксіома заключаютъ опять-таки нѣкоторое синтетическое, выходящее за предѣлы такого понятія суммы положеніе, что если мы возьмемъ нѣсколько разнообразныхъ паръ одинаковыхъ группъ разныхъ предметовъ (напримѣръ, 3 камешка и 2 камешка, 3 яблока и 2 яблока), то соединенія этихъ группъ будутъ одинаково составлены изъ составляющихъ ихъ предметовъ (это не аргументація *ad hominem*, такъ такъ нельзя яснѣе и естественнѣе опредѣлить понятіе суммы)¹⁾.

Очевидно и для этого предложенія существуютъ скрытыя предпосылки. Такой будетъ аксіома независимости.

Но перемѣстительный и сочетательный законъ явно берутъ свое начало въ матеріалѣ числовыхъ понятій. Вѣдь впечатлѣнія сосуществованія характеризуются только тѣмъ, что данные предметы въ группѣ воспринимаются заразъ, но раздѣльно. Когда послѣднія два условія на лицо, ни характеръ расположенія предметовъ, ни ихъ свойства не измѣняютъ даннаго впечатлѣнія раздѣльной совмѣстности. Отсюда видно, что понятіе суммы и, значитъ, всѣ понятія, аксіомы, положенія и др. элементы ариѳметической системы, выведенные изъ понятія сложенія, не мо-

¹⁾ Тутъ кстати будетъ упомянуть вообще о мнѣніи Гельмгольца, что въ основѣ нашихъ числовыхъ понятій лежатъ порядковыя представленія: 1) какъ мы показали, первобытнымъ матеріаломъ числовыхъ понятій служатъ впечатлѣнія сосуществованія, которыя нисколько не заключаютъ въ себѣ представленій порядка; во 2) кажется намъ, идея численнаго порядка должна быть хоть полусознательно предварена понятіемъ натурального ряда.

гутъ имѣть ни чисто гипотетическаго смысла, какой имъ хотятъ придать эмпиристы (Милль), ни порядковаго смысла, какой имъ придается математиками. Они заложены въ первобытномъ матеріалѣ числовыхъ понятій.

§ 7.

Предыдущее изложеніе стремилось показать, что всѣ элементы системы ариѠметики носятъ формальный характеръ ея первобытнаго психическаго матеріала, чистыхъ впечатлѣній сосуществованія. Въ послѣднихъ коренятся первообразныя числовыя формы—представленія числа. Благодаря обработкѣ послѣднихъ сознаниемъ, рефлектирующимъ надъ собственными перерывами, являются понятія числа съ понятіемъ единицы и состава числа. Основной терминъ равенства примѣнимъ къ группамъ, удовлетворяющимъ условіямъ счислимости, т.-е. только къ представленіямъ числа. Предпосылка основныхъ предложеній, аксіома независимости числа отъ природы счислимаго есть не что иное, какъ законъ сосуществованія, законъ чистыхъ отношеній раздѣльной совмѣстности.

Но подобныя отношенія выражаютъ свойства опыта въ цѣломъ, а не въ частяхъ (§ 2): ихъ законъ долженъ поэтому выражать условія самаго опыта, условія его устройства, не воспріятія. Слѣдовательно аксіома независимости, заключающая въ себѣ законъ сосуществованія и управляющая содержаніемъ ариѠметики, кроется не въ эмпирическомъ, воспріемлющемъ опытъ субъектѣ, а въ строящемъ послѣдній трансцендентальномъ субъектѣ, носителѣ формъ и условій опыта въ цѣломъ. Мы постараемся ниже показать, что свойства ариѠметическихъ сужденій могутъ быть объяснены только изъ послѣдняго положенія, споря съ его противниками, къ которымъ принадлежатъ и явные эмпиристы, отвергающіе апріорность ариѠметики, и психологи-кантианцы, принимающіе эту апріорность. Мы сходимся съ первыми противъ вторыхъ въ томъ, что происхожденіе числовыхъ понятій—изъ внѣшняго опыта (ощущеній совмѣстности), но расходимся въ вопросѣ о томъ, какую сторону опыта представляютъ эти воспріятія. Съ психологами-кантианцами мы расходимся въ вопросѣ о существованіи числа физически, т.-е. въ установкѣ факта, но сходимся (какъ это будетъ видно) въ выводахъ о необходимой достовѣрности ариѠметическихъ истинъ.

Самое странное положеніе занимаютъ въ этихъ спорахъ психологи-кантіанцы. Они, желая поддержать кантову доктрину въ гносеологіи, но не умѣя совмѣстить это со своей точкой зрѣнія, какъ психологовъ, впадаютъ въ цѣлый рядъ характерныхъ ошибокъ, такъ сказать, психологизмовъ. Корень послѣднихъ лежитъ въ томъ, что источникъ всеобщей приложимости математическихъ сужденій и другихъ свойствъ психологи ищутъ въ дѣйствіи реальныхъ психическихъ функцій, въ дѣйствіи эмпирическаго субъекта. Когда Зигвартъ и др. стремятся вывести свойства ариѳметики изъ рефлексіи надъ остановками сознанія (изъ дѣйствія антропологическаго фактора), опредѣляютъ аксіомы, какъ логическія предпосылки опыта, когда Кантъ эти свойства выводитъ изъ анализа сужденій, полагая, что внѣ понятій объ аналитическихъ и синтетическихъ сужденіяхъ нельзя вывести характера ариѳметическихъ истинъ, они повторяютъ тотъ же психологизмъ, ту же философскую ошибку. Источникъ такихъ свойствъ ариѳметики долженъ быть внѣ дѣйствій субъекта, воспріимлющаго опытъ, слѣдовательно, внѣ сужденій мышленія и внѣ рефлексіи надъ его остановками.

Дикарь, дитя въ области небольшихъ чиселъ, человѣкъ культурный въ области большихъ чиселъ изъ представленій (т.-е. смутныхъ почувственныхъ образовъ) получаютъ понятія чиселъ, когда, рефлектируя надъ остановками сознанія, они видятъ, что число составлено изъ единицъ, и при томъ такъ же, какъ группа предметовъ изъ одного. Но къ этому умственному процессу присоединяются однако еще слѣдующія особенности: съ каждымъ единичнымъ ариѳметическимъ сужденіемъ связана во 1) увѣренность въ его необходимой истинности и справедливости для всякаго личнаго опыта; во 2) еще болѣе тонкое проникновеніе, что число есть формальный признакъ, не возникающій изъ внутреннихъ свойствъ вещей,—ибо только съ такимъ сознаніемъ можетъ быть связана увѣренность въ томъ, что число всегда такъ же составлено изъ единицъ, какъ группа вещей изъ одной.

Источнику этихъ особенностей мы посвятимъ остальное изложеніе.

а) *Всеобщая приложимость.* Въ этомъ вопросѣ господствуютъ три взгляда: психологовъ-эмпиристовъ (Милль), математиковъ

(Гельмгольцъ и Штольцъ) и психологовъ-кантіанцевъ (Зигвартъ, у насъ пр. Челпановъ).

Милль утверждаетъ, что «число потому обладаетъ всеобщей приложимостью, что имѣеть конкретный характеръ» и «если алгебраическія истины справедливы о какихъ угодно вещахъ, то неудивительно, что символы не возбуждаютъ въ нашемъ умѣ идей о какихъ либо вещахъ въ частности» ¹⁾.

Но вѣдь именно и спрашивается: какъ можетъ быть, чтобы то, что имѣеть конкретный характеръ, обладало такой приложимостью? Если бы число было конкретно въ миллевскомъ смыслѣ, то мы могли бы знать, что 3 яблока да 2 яблока равны 5 яблокамъ, 3 камешка да 2 камешка — пяти камешкамъ и не вѣрить, что всегда и вообще $3+2=5$ ²⁾. Если бы число было лишь понятіемъ, отвлеченнымъ отъ физическихъ свойствъ самихъ вещей, то и мыслиться не могло бы иначе, какъ физически, и вызывало бы идеи частныхъ вещей.

Отвлеченная ариѦметика не имѣла бы смысла, если бы ея понятія были одного лишь опытнаго значенія, какъ не имѣеть смысла сложеніе именованныхъ чиселъ разныхъ наименованій. Конечно, вполне возможна физическая ариѦметика, которая покоилась бы на ограниченно-приложимыхъ понятіяхъ равенства и т. д., допускала бы грубыя операциі присоединенія и отдѣленія (§ 3), но такая ариѦметика была бы лишена аксіомы независимости и связанныхъ съ нею свойствъ. Это обстоятельство кладетъ пропасть между отвлеченной ариѦметикой и физической. Тѣмъ, кто скажетъ, что послѣдней была ариѦметика на низшихъ ступеняхъ культуры и изъ нея выросла отвлеченная, напоминаемъ о разграниченіи вопросовъ антропологическаго и философскаго (§ 1).

Взглядъ математиковъ, гораздо лучше обоснованный, таковъ: приложимость (какъ и достовѣрность) отвлеченной ариѦметики основана на переносѣ въ нее понятій равенства и операциі, установленныхъ прежде для эмпирической почвы, представленій числа (*Vielheit, Anzahl der Dingen*). Но всматриваясь въ эту установку, (напр., у Штольца) мы замѣчаемъ опять таки ту чисто

¹⁾ Система логики, т. I, гл. VI, 2 (въ переводѣ „Резенера“ стр. 286).

²⁾ Ниже будутъ возраженія противъ обычнаго мнѣнія эволюціонной теоріи на этотъ счетъ.

формальную предпосылку, что если въ двухъ группахъ (множествахъ) каждому элементу одной группы соотвѣтствуетъ элементъ другой, то не можетъ быть, чтобы при перемѣщеніяхъ элементовъ было иначе. Это предложеніе есть въ сущности аксіома независимости. Основывать на ней переносъ — значитъ, въ сущности, физическую ариметику переименовать въ отвлеченную и брать пропасть между ними однимъ скачкомъ.

Наконецъ, психологи-кантианцы говорятъ, что всеобщая приложимость понятій числа вытекаетъ изъ ихъ происхожденія изъ рефлексіи сознанія надъ своими останковками. Слѣдующія слова очень ясно выражаютъ мысль представителей этого ученія. «Въ числовыхъ отношеніяхъ мы имѣемъ дѣло не съ измѣняющимися явленіями матеріальнаго міра, а съ неизмѣнными законами нашего ума»... «Когда произносимъ арифметическое положеніе, то предполагаемъ, что всякій другой мыслящій индивидъ имѣетъ сознаніе, способное, подобно нашему, производить перерывы для воспріятія числовыхъ отношеній... Мы исходимъ изъ убѣжденія, что эти перерывы у всѣхъ индивидуумовъ, организованныхъ такъ, какъ мы, совершаются одинаковымъ образомъ¹⁾».

Здѣсь мы сталкиваемся съ указанной выше ошибкой, психологизмомъ, со стремленіемъ то, что зависитъ отъ трансцендентальныхъ условій, вывести изъ реально дѣйствующей душевной функціи, изъ эмпирическаго сознанія.

Въ самомъ дѣлѣ, почему это законы нашего ума или сознанія имѣютъ большую устойчивость, чѣмъ законы матеріальнаго міра? И неужели всеобщая приложимость арифметики происходитъ изъ одной увѣренности въ томъ, что сознаніе всѣхъ людей одинаково организовано? Послѣднее соображеніе совсѣмъ слабо: вѣдь точно такъ же эмпиристъ могъ бы сказать, что всеобщая приложимость числа, отвлеченія отъ физическихъ качествъ, основана на томъ, что способъ воспріятія ощущеній у всѣхъ людей одинаково организованъ. Если бы число было только отвлеченіемъ отъ процессовъ сознанія, то его приложимость разнилась бы отъ той, какая была бы присуща числу — отвлеченію отъ физическихъ свойствъ опыта, лишь объемомъ, но не характеромъ. Происхожденіе числа изъ рефлексіи объ-

¹⁾ Челпановъ „Объ апіорныхъ элементахъ сознанія“. („Вопр. Филос. за 1901 г., стр. 556, 557).

ясняетъ лишь приложимость и къ духовнымъ свойствамъ опыта ¹⁾. Тогда становится ясной вся конкретно-возможная приложимость числа (т.-е. для содержанія всего нашего опыта), но не абстрактно-возможная, мыслимая приложимость (для всякаго возможнаго опыта) ²⁾.

Число имѣетъ всеобщую приложимость не потому, что оно конкретно, и не потому, что абстрактно. Оно, какъ пространство, не есть ни чисто эмпирической фактъ, ни чистое отвлеченіе, а есть трансцендентальная функція, ибо выражаетъ свойства опыта въ цѣломъ. Вѣдь право неограниченнаго переноса ариѣтической истины должно быть основано на неизмѣнности закона ариѣтическаго содержанія. Послѣдній есть законъ сосуществованія, законъ опыта въ цѣломъ, законъ самого устройства опыта и, слѣдовательно, содержится въ группѣ трансцендентальныхъ условій опыта въ строящемъ его трансцендентальномъ субъектѣ.

β) *Необходимая достовѣрность.* Милль утверждаетъ, что достовѣрность математики основана на согласіи ея сужденій съ гипотетическими предпосылками, что если бы мы предположили, что аксіома $1=1$ не есть достовѣрное положеніе, то ариѣтика сдѣлалась бы наукой такъ же мало достовѣрной, какъ естествознаніе. Вовсе нѣтъ! Въ послѣднемъ случаѣ не мало достовѣрной стала бы ариѣтика, а потеряла бы смыслъ; и это показываетъ, что достовѣрность ариѣтики связана съ ея абстрактностью, что число мыслимо не только физически и что обязательность законовъ физической ариѣтики не есть высшая мѣра опытной обязательности. Кромѣ того, развѣ впечатлѣніе достовѣрности, полученное отъ математическихъ положеній,—такого же характера, какъ впечатлѣніе отъ правильно выведенныхъ изъ гипотетическихъ посылокъ заключеній? Состоитъ ли въ самомъ дѣлѣ «необходимость истинъ математики лишь въ томъ, что онѣ необходимо слѣдуютъ изъ предположеній, изъ которыхъ выводятся»?... Нѣтъ, эта необходимость есть увѣренность въ согла-

1) Это относится и къ объясненію психологами свойства достовѣрности.

2) Самыми сильными аргументами противъ этой мысли могли бы быть тѣ, которые соответствовали бы доводамъ негеометровъ противъ всеобщей приложимости эвклидовой геометріи. Отвѣтъ такимъ доводамъ крестя въ § 4 нашего изложенія.

сіи истины со всякимъ возможнымъ фактомъ, а не логическая, — увѣренность въ согласіи съ посылками.

Математики основываютъ достовѣрность ариѳметики на полной индукціи, на заключеніи отъ n къ $n+1$, но это есть одно только переименованіе философскаго вопроса.

Гораздо болѣе тонкимъ врагомъ нашихъ убѣжденій является эволюціонная школа. Дѣйствительно, если онтогенетическое развитіе, личный опытъ не можетъ быть источникомъ свойствъ ариѳметики, то имъ можетъ быть филогенетическое развитіе, ибо за почти безконечный опытъ рода вѣроятность ариѳметическихъ истинъ приблизилась къ достовѣрности.

Это было бы правильно, еслибъ въ онтогенетической жизни переходъ отъ воспріятія численныхъ отношеній къ сознанію ихъ достовѣрности не былъ скачкомъ. Но такой скачокъ происходитъ въ каждомъ личномъ развитіи, и, значить, достаточно направить извѣстнымъ образомъ сознаніе, чтобы весь возможный опытъ представился субъекту. Это возможно только потому, что эмпирическій субъектъ, совпадая какимъ-то, неизвѣстнымъ намъ, образомъ съ трансцендентальнымъ субъектомъ именно въ томъ и только въ томъ, что содержитъ условія устройства самого опыта, сознаетъ эти условія, лишь только сознаніе направлено на истину ¹⁾.

Апріорность ариѳметики въ томъ, что никакой новый опытъ не можетъ расширить ея понятій, такъ какъ послѣднія лишены того матеріальнаго содержанія, которое называется опытомъ. Опытъ, необходимый ариѳметикѣ, а ригорі создается. Въ этомъ главное ея отличіе отъ естествознанія.

Въ послѣднемъ истины не только потому не обладаютъ необходимой достовѣрностью, что нельзя достигнуть точнѣйшаго измѣренія. Если бы даже и имѣлись приборы абсолютной точности, то увѣренность въ полной истинѣ положенія равнялась бы дроби, гдѣ числитель былъ бы числомъ случаевъ, подтверждающихъ истину, а знаменатель числомъ всѣхъ равновозможныхъ, несовмѣстныхъ и единственно возможныхъ случаевъ опыта, имѣющихъ содержаніемъ описываемый фактъ: эта увѣренность равнялась бы $\frac{a}{\infty} = 0$ (т.-е. увѣренности нѣтъ).

¹⁾ Этотъ пунктъ очень хорошо разъясняетъ ф. А. Ланге въ „Исторіи материализма“, т. II, § 1, (стр. 337, 338 пер. Страхова, изд. II).

Въ ариѦметикѣ, гдѣ опытъ а priori создается, мы знаемъ напередъ всѣ равновозможные, несомѣстные и единственно возможные случаи того опыта, который подкрѣпляетъ данное положеніе. Поэтому достовѣрность ариѦметическаго положенія равна $\frac{a}{a}$ (гдѣ a число случаевъ опыта) = 1; полная увѣренность есть.

§ 8.

Истины, выражающія свойства всего опыта, априорны, ибо съ ними связано сознаніе условій устройства опыта. Истины ариѦметики содержатъ послѣднюю особенность: ихъ объектъ состоитъ изъ наиболѣе общихъ формальныхъ признаковъ всякаго опыта, ихъ корень (аксіома независимости) выражаетъ условія его устройства (законъ сосуществованія). Поэтому априорность ариѦметики есть слѣдствіе не логической или психологической априорности ея аксіомъ, какъ предпосылокъ опыта, а трансцендентальной ихъ априорности, какъ условій послѣдняго.

Аксіомы ариѦметики ни предшествуютъ потенциально опыту, какъ его логическія предпосылки (у психологовъ-кантианцевъ), ни слѣдуютъ за нимъ, какъ выраженіе его свойства (у психологовъ-эмпиристовъ), а возможны вмѣстѣ съ опытомъ, какъ условія его существованія.

Особенность нашего взгляда мы выразимъ въ слѣдующемъ сопоставленіи.

Одинъ изъ видныхъ русскихъ ученыхъ говоритъ: «Понятіе числа априорно, потому что не зависитъ отъ чувственнаго опыта, не опредѣляется имъ, числовыя отношенія не доказываются чувственнымъ опытомъ и не опровергаются имъ» ¹⁾.

Мы говоримъ: «Понятіе числа априорно, даже если зависитъ отъ чувственнаго опыта и опредѣляется имъ, даже если числовыя отношенія доказываются чувственнымъ опытомъ и опровергаются имъ».

Л. Саминскій.

¹⁾ Г. Челпановъ, *ibidem*, стр. 559.

Точное выражение закона Вебера-Фехнера съ помощью прерывныхъ функцій.

„Истинное научно-философское міросозерцаніе не есть только міросозерцаніе аналитическое, а математическое, т.-е. вмѣстѣ аналитическое и аритмологическое.

(Н. В. Бугаевъ „Математика и научно-философское міросозерцаніе“— „В. Ф. и П.“ XLV, 697—717).

Экспериментальная психологія, выводя изъ данныхъ опыта законы явленій и выражая нѣкоторые изъ нихъ математически, слѣдуетъ примѣру наукъ, уже давно пользующихся математическимъ методомъ. До послѣдняго времени науки эти отдавали исключительное предпочтеніе анализу, т.-е. ученію о непрерывныхъ функціяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, большая часть явленій, изслѣдуемыхъ физикой и химіей, даютъ намъ картину непрерывнаго измѣненія, совершающагося незамѣтнымъ для насъ образомъ. Если мѣняется температура тѣла, то измѣненіе это происходитъ постепенно, и тѣло, прежде чѣмъ достигъ новой температуры, переходитъ всѣ промежуточныя. Почти всѣ зависимости въ физикѣ—аналитическія и обладаютъ свойствомъ непрерывности. Но и въ этой наукѣ существуютъ исключенія. Такъ извѣстно, что лишь при нѣкоторыхъ вполне опредѣленныхъ зависимостяхъ между числами колебаній звучащихъ тѣлъ, нашъ слухъ воспринимаетъ ихъ какъ гармонію. Химія лишь недавно стала пользоваться услугами анализа, но уже въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ ея существуютъ зависимости, не поддававшіяся до сихъ поръ выраженію ихъ математической формулой. Такова, напр., законность, наблюдаемая въ измѣненіи атомнаго вѣса элементовъ. Н. В. Бу-

гаевъ въ своей рѣчи «Математика и научно-философское міросозерцаніе» высказываетъ вполне вѣроятное предположеніе, что причину неудачи слѣдуетъ искать въ стремленіи прилагать къ изслѣдованію явленій лишь методы анализа въ ущербъ другому обширному отдѣлу математики—аритмологіи. Д. И. Менделѣевъ также надѣется, что именно этой наукѣ суждено проникнуть со временемъ въ тайны періодическаго закона. Въ цитированной нами статьѣ Бугаева, а также въ напечатанной въ одной изъ книжекъ этого журнала статьѣ Бачинскаго «Духъ безконечно-малыхъ» достаточно выяснено различіе между анализомъ и аритмологіей, а потому напомнимъ только, что измѣненія функций, изучаемыхъ первымъ, совершаются безъ всякихъ скачковъ, непрерывно, тогда какъ функции аритмологическія существенно прерывны. Такова, напр., функція:

$$y = E(x).$$

Здѣсь символъ $E(x)$ обозначаетъ, что берется только цѣлая часть какого-нибудь числа (E — начальная буква слова entier).

Такъ $E(6\frac{2}{3}) = 6$, $E(\frac{3}{7}) = 0$ и т. д. Понятно, что если придавать x всевозможныя значенія, измѣнять его непрерывно, то y при этомъ будетъ измѣняться лишь скачками. Пока x будетъ измѣняться отъ 0 до 1, y будетъ оставаться равнымъ 0; при $x = 1$ и $y = 1$. Слѣдующее новое значеніе y получить только, когда x сдѣлается равенъ двумъ (при этомъ и $y = 2$) и т. д. Мы потому остановились нѣсколько на выясненіи свойствъ функціи $E(x)$, что знаніе ихъ понадобится намъ въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Итакъ, уже въ химіи мы встрѣчаемся съ величинами, которыя измѣняются скачками и вслѣдствіе этого не допускаютъ примѣненія анализа. Примѣры прерывныхъ зависимостей встрѣчаются и въ другихъ наукахъ и представляютъ интересную и почти непечатую область для примѣненія аритмологіи.

Восходя къ болѣе сложнымъ наукамъ,—къ фізіологіи и психологіи, мы замѣчаемъ поражающе быстрое убываніе точныхъ, математически выраженныхъ законовъ. Изъ болѣе общихъ во всей фізіологіи и психологіи существуетъ лишь одинъ законъ Вебера-Фехнера, выражающій зависимость между ощущеніемъ и раздраженіемъ.

Обыкновенно онъ формулируется такъ: ощущеніе пропорціо-нально логариѳму раздраженія. Называя величину раздраженія

буквою x , величину ощущения буквою y , величину раздражения, при которомъ $y = 0$ буквою v , и буквою c нѣкоторый опытный коэффициентъ, получаемъ такое общеизвѣстное математическое выраженіе закона Фехнера:

$$y = c \lg \frac{x}{v}$$

Или, принявъ v за единицу:

$$y = c \lg x.$$

Такъ-какъ логарифмическая функція непрерывна и однозначна, то изъ закона Фехнера слѣдуетъ, что всякому приращенію раздраженія соотвѣтствуетъ непремѣнно нѣкоторое приращеніе ощущения, такъ что новая величина ощущения будетъ отлична отъ прежней. Между тѣмъ извѣстно изъ опыта, что величина сознаваемого нами ощущения не измѣняется непрерывно, и разница въ ощущеніи только тогда отмѣчается сознаниемъ, когда раздраженіе измѣняется на величину, составляющую опредѣленную часть, положимъ k , предыдущаго раздраженія (такъ называемый разностный порогъ). Такъ какъ для психологіи важны именно сознаваемые ощущения, то нельзя удовлетвориться замѣчаніемъ Вундта, что мы не воспринимаемъ сознаниемъ промежуточныхъ ощущеній вслѣдствіе несовершенства своей организаци. Съ такой оговоркой законъ Вебера-Фехнера можетъ, очевидно, примѣняться вообще только къ ощущеніямъ несознаваемымъ нами, и роль его въ психологіи становится очень незначительной. Ясно, что формулировка закона должна быть измѣнена, тогда и оговорка Вундта окажется ненужной.

Пусть сначала раздраженіе равнялось нѣкоторой величинѣ a (при $v = 1$). Чтобы получилась нѣкоторая разница въ ощущеніи, необходимо, чтобы новое раздраженіе равнялось $a + k \cdot a$, или $a(1 + k)$. Если же новое раздраженіе будетъ заключаться между a и $a(1 + k)$, то разница въ ощущеніи не будетъ отмѣчена сознаниемъ.

Слѣдующее ощущеніе получимъ, когда раздраженіе достигнетъ величины:

$$a(1 + k) + k[a(1 + k)] = a(1 + k)^2,$$

слѣдующее при раздраженіи равномъ

$$a(1 + k)^2 + k[a(1 + k)^2] = a(1 + k)^3 \text{ и т. д.}$$

Итакъ, измѣненія въ ощущеніи происходятъ только тогда, когда раздраженіе достигаетъ величины $a (1+k)^n$, гдѣ n число цѣлое. Поэтому, если раздраженіе въ p разъ больше первоначальнаго, т.-е. равно $p \cdot a$, то всегда можно подобрать такое n , что

$$a (1+k)^n \leq p a < a (1+k)^{n+1}, \text{ или} \\ (1+k)^n \leq p < (1+k)^{n+1},$$

и производимое ощущеніе не будетъ отличаться отъ того, которое получается при раздраженіи $a (1+k)^n$.

Такъ какъ вообще $(1+k)^n \leq p < (1+k)^{n+1}$, то можно положить $p = (1+k)^{n+\delta}$, гдѣ $0 \leq \delta < 1$.

Логариомируя, получимъ:

$$\lg p = (n + \delta) \lg (1+k), \text{ откуда} \\ n + \delta = \frac{\lg p}{\lg (1+k)}, \text{ и, т. к. } \delta < 1, \\ n = E \left(\frac{\lg p}{\lg (1+k)} \right).$$

Такимъ образомъ ощущеніе, которое равнялось бы по закону Фехнера

$$y = c \lg x = c \lg (p \cdot a) = c \lg [a (1+k)^{n+\delta}] = \\ c \lg a + c \lg (1+k) \frac{\lg p}{\lg (1+k)} = c \lg a + c \lg p.$$

На самомъ дѣлѣ будетъ:

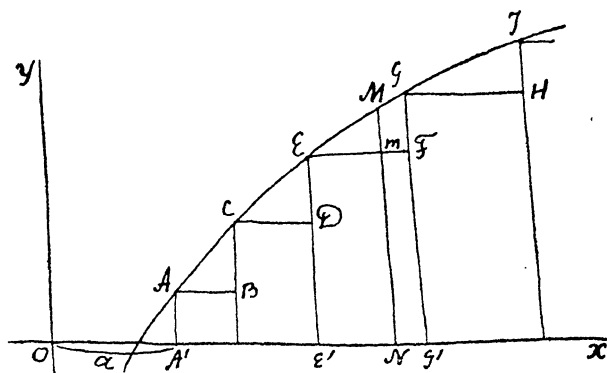
$$y = c \lg [a (1+k)^n] = c \lg \left[a (1+k)^{E \left(\frac{\lg p}{\lg (1+k)} \right)} \right] = \\ c \lg a + c \lg (1+k) \cdot E \left(\frac{\lg p}{\lg (1+k)} \right). \quad (1)$$

Или, т. к. $p = \frac{x}{a}$, и $\lg p = \lg x - \lg a$,

$$y = c \lg a + c \lg (1+k) \cdot E \left(\frac{\lg x - \lg a}{\lg (1+k)} \right). \quad (2)$$

Такой законъ зависимости между ощущеніемъ и раздраженіемъ, представляя y , какъ прерывную функцію x , вполне отвѣчаетъ дѣйствительности.

Выведенныя формулы показываютъ, что при непрерывномъ измѣненіи p или x , y мѣняется скачками, прерывисто, такъ что весь процессъ измѣненія p отъ 1 до $+\infty$ (или x отъ a до $+\infty$) представится на чертежѣ не непрерывной кривой, какъ законъ Вебера-Фехнера, а ступенчатымъ рядомъ прямыхъ, параллельныхъ оси абсциссъ: AB , CD , EF и т. д. Точки A , C , E , G и т. д. этихъ прямыхъ будутъ лежать на кривой, представляющей законъ Вебера, но для промежуточныхъ значеній картина совершенно мѣняется. На чертежѣ представленъ тотъ случай, когда начальное раздраженіе a равняется порогу раздраженія. Если конечное раздраженіе представится абсциссой $ON = a_1$, то величина ощущенія представится по закону Вебера-Фехнера ординатой NM , въ дѣйствительности же ординатой Nm .

Вообще, только отъ начальной величины раздраженія зависитъ величина ощущенія, такъ какъ тогда $p = 1$ (или $x = a$), и $y = clga$.

Итакъ, и при новой формулировкѣ закона Вебера всякому раздраженію отвѣчаетъ вполне опредѣленное, хотя часто и не отличающееся отъ сосѣднихъ раздраженіе. Обратное же утвержденіе вовсе не имѣетъ мѣста. Дѣйствительно, изъ чертежа мы видимъ, что если напр. $y = mN$, то этимъ иксъ не опредѣляется, такъ какъ онъ можетъ принимать любую величину въ предѣлахъ между OE' и OG' . Это чрезвычайно важное слѣдствіе показываетъ, что данному ощущенію можетъ соответствовать множество раздраженій, такъ что вполне строгое математическое рѣшеніе вопроса даетъ лишь два предѣла, въ которыхъ заключается величина раздраженія.

Если y дано, то, какъ легко понять, изъ уравненія (2), имѣемъ:

$$E\left(\frac{\lg x - \lg a}{\lg(1+k)}\right) = E\left(\frac{y - c \lg a}{c \lg(1+k)}\right).$$

Но $E\left(\frac{\lg x - \lg a}{\lg(1+k)}\right) = n$, слѣд. $n = E\left(\frac{y - c \lg a}{c \lg(1+k)}\right)$.

А такъ какъ мы установили, что всегда можно такъ подобрать n , чтобы

$$a(1+k)^n \leq x < a(1+k)^{n+1},$$

то, значить, x можетъ мѣняться при данномъ y въ такихъ предѣлахъ:

$$a(1+k) E\left(\frac{y - c \lg a}{c \lg(1+k)}\right) \leq x < a(1+k) E\left(\frac{y - c \lg a}{c \lg(1+k)}\right) + 1.$$

Такимъ образомъ, чѣмъ больше величина ощущенія y , тѣмъ, очевидно, шире раздвигаются предѣлы, между которыми можетъ измѣняться x . Въ самомъ дѣлѣ, составивъ разность этихъ предѣловъ

$$\begin{aligned} a(1+k) E\left(\frac{y - c \lg a}{c \lg(1+k)}\right) + 1 & - a(1+k) E\left(\frac{y - c \lg a}{c \lg(1+k)}\right) = \\ & = ak(+k) E\left(\frac{y - c \lg a}{c \lg(1+k)}\right). \end{aligned}$$

Въ новой своей формулировкѣ законъ Вебера-Фехнера является уже безусловно точнымъ, общааетъ дать множество интересныхъ слѣдствій и, внося нѣкоторый элементъ неопредѣленности въ область психологій, даетъ новое освѣщеніе вопросу о свободѣ воли.

А. Годыцкій-Цвирно.

Новый трудъ по вопросу объ ассоціаціи идей.

(А. Нечаевъ. Ассоціація сходства.)

Въ настоящее время представляется почти невозможнымъ подвести итоги тому оживленному научному движенію въ психологіи, которымъ были отмѣчены послѣднія десятилѣтія. Эти итоги къ тому же были бы и преждевременны, такъ какъ разработка основныхъ вопросовъ психологіи продолжается и въ настоящее время. Это не устраняетъ однако самой потребности въ подведеніи итоговъ; тезисъ Липпса: «Die Psychologie unserer Tage bedarf einer Reform von Grund aus», прекрасно формулируетъ эту потребность, поскольку она опредѣляется научнымъ движеніемъ послѣднихъ лѣтъ. Вотъ почему нельзя не привѣтствовать появленія такихъ трудовъ, которые представляютъ попытку подвести хотя бы *частичные* итоги той или иной сторонѣ развитія психологической мысли. Если невозможно создать систему психологіи, которая опиралась бы на все то, что выдвинуло научное движеніе въ психологіи,—то возможно и желательно частично учесть это движеніе.

Съ этой точки зрѣнія крупный интересъ представляетъ психологическое изслѣдованіе А. Нечаева, посвященное вопросу объ ассоціаціи сходства. Вопросъ этотъ напоминаетъ запутанный узелъ, въ которомъ сплелось много отдѣльных, притомъ очень важныхъ нитей. Вопросъ о психической причинности, о безсознательномъ, о воспроизведеніи, вопросы психологической методологіи,—таковы главнѣйшія нити, входящія въ этотъ запутанный узелъ, не говоря о рядѣ второстепенныхъ, но все же существенныхъ вопросовъ. Психологи самыхъ различныхъ школъ много высказывались по этимъ вопросамъ, и подведеніе итоговъ въ данномъ направленіи представляетъ огромный интересъ.

Однако мы тутъ же должны оговориться относительно того, каковъ, по нашему мнѣнію, объемъ этой задачи подведенія итоговъ. Мы указали, что вопросъ объ ассоціаціи идей связанъ съ цѣлымъ рядомъ другихъ основныхъ вопросовъ,—и обходить эти послѣдніе не представляется возможнымъ. Для подтвержденія этого позволимъ себѣ остановиться на одномъ примѣрѣ.

Вопросъ о предѣлахъ психологическаго толкованія психологическихъ проблемъ все еще остается спорнымъ; психологи хоть и сходятся въ томъ, что признаютъ «приматъ чистой психологіи»¹⁾,—зачастую однако подставляютъ на мѣсто психологическаго толкованія фізіологическое. Приматъ чистой психологіи является больше пожеланіемъ, чѣмъ фактомъ, а часто, когда изучаешь тотъ или иной частный вопросъ, приходится это констатировать. Въ нашемъ вопросѣ объ ассоціаціи идей это сказывается съ особенной рѣзкостью; подстановка фізіологическаго толкованія на мѣсто психологическаго здѣсь настолько прочна, настолько привычна, что напр. однимъ изъ аргументовъ противъ признанія ассоціаціи сходства является невозможность ея фізіологическаго истолкованія. Этотъ аргументъ принадлежитъ одному изъ самыхъ выдающихся психологовъ нашего времени—Эббинггаузу²⁾. Ясно, такимъ образомъ, что о «приматѣ чистой психологіи» больше приходится мечтать.

Теоретическимъ основаніемъ, оправдывающимъ указанное перемѣщеніе психологіи къ фізіологіи, является принципъ психофизическаго параллелизма, особенно поскольку онъ толкуется какъ «эвристическій» принципъ. Не можетъ быть однако сомнѣній, что именно этотъ принципъ рѣшительно возстаетъ противъ замѣны психологическаго толкованія фізіологическимъ. Психическіе процессы образуютъ независимый причинный рядъ,—таково неизбежное и ясное слѣдствіе психофизическаго параллелизма. Можно поэтому *предварительно* замѣнять психическія звенья фізіологическими при установленіи причинной цѣпи; но если затрудненія фізіологическаго истолкованія являются аргументомъ противъ той или иной психологической конструкции,—то ясно, что научная мысль стоитъ въ данномъ случаѣ не на почвѣ параллелизма, а на почвѣ непростительнаго превращенія психологіи въ фізіологію.

1) Cornelius. Psychologie. S. 10.

2) Ebbinghaus. Grundz. d. Psych. S. 614.

Сказаннаго кажется достаточно, чтобы признать, что лишь точное и определенное отношеніе къ вопросу о предѣлахъ психологическаго толкованія можетъ поставить на твердую почву и вопросъ объ ассоціаціи идей. Если изслѣдователь незамѣтно для себя станетъ руководиться принципами физиологіи, то ясно, что онъ уже потерялъ почву, на которой возникла самая проблема ассоціаціи идей. Какъ бы ни остроумны были дальнѣйшія построенія, но они будутъ стоять внѣ психологіи, рѣшая не ту задачу, которая была поставлена.

Точнаго и определеннаго отношенія къ себѣ требуютъ и другіе основные вопросы, связанные съ ассоціаціей идей. Чѣмъ болѣе неясности и колебанія будетъ въ основныхъ вопросахъ, тѣмъ менѣе цѣнности будутъ представлять всѣ дальнѣйшія психологическія построенія, базирующія на зыбкой почвѣ.

Сказаннымъ, надѣмся, ясно опредѣляется, какъ мы понимаемъ задачу подведенія частичныхъ итоговъ. Мы думаемъ, что не только нельзя обходить при этомъ основныхъ вопросовъ, — но что наоборотъ: цѣлью этихъ частичныхъ итоговъ должно быть уясненіе того, насколько данный частный вопросъ, во всемъ томъ его объемѣ, какъ онъ опредѣлился въ психологической литературѣ, выдвигаетъ то или иное рѣшеніе общихъ вопросовъ. Общие вопросы, имѣющіе своей цѣлью дать систему опыта, требуютъ освѣщенія именно со стороны тѣхъ конкретныхъ противорѣчій, устранять которыя они призваны. Поэтому въ задачу подведенія частичныхъ итоговъ безусловно входитъ критическое освѣщеніе тѣхъ перспективъ, которыя открываются даннымъ вопросомъ, и критическая провѣрка тѣхъ предпосылокъ, на которыя опирается психологія въ этомъ случаѣ. Потому-то и важны частичные итоги, что они могутъ насъ приблизить къ той «Reform von Grund aus», о которой говоритъ Липпсъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній обратимся къ труду г. Нечаева.

I.

Трудъ г. Нечаева разбивается на двѣ неравныя части — на историко-критическій обзоръ литературы по вопросу объ ассоціаціи сходства и на самостоятельное изложеніе «основъ ученія объ ассоціаціи сходства». Историко-критическая часть занимаетъ у г. Нечаева 200 стр., самостоятельная же часть — 76 стр.

Мы думаемъ, что напрасно авторъ посвятилъ такъ мало мѣста изложенію своихъ взглядовъ. Изложеніе это вышло благодаря недостатку мѣста черезчуръ сжатымъ и неопредѣленнымъ. Аргументація г. Нечаева скорѣе намѣчена, чѣмъ развита,—и весь отдѣлъ книги, посвященный изложенію собственныхъ воззрѣній автора, производитъ впечатлѣніе скорѣе конспекта, чѣмъ научно обоснованнаго труда.

Упрекъ въ неравномѣрности приходится сдѣлать г. Нечаеву и въ другомъ направленіи. Историко-критическая часть труда тоже страдаетъ неравномѣрнымъ распредѣленіемъ вниманія г. Нечаева къ различнымъ сторонамъ вопроса и къ различнымъ авторамъ. Обратимся пока къ первому, посмотримъ, всѣ ли стороны вопроса нашли себѣ равномѣрное освѣщеніе у г. Нечаева.

Главное вниманіе г. Нечаева направлено на слѣдующіе моменты занимающей его проблемы: вопросъ о пониманіи сходства, о непосредственномъ узнаваніи, какъ ассоціация сходства; вопросъ о сведеніи сходства къ смежности. Эти основные моменты разобраны подробно въ связи съ другими, примыкающими сюда вопросами. Одна только сторона проблемы освѣщена г. Нечаевымъ очень скудно: мы говоримъ о *новыхъ сочетаніяхъ*. Въ извѣстномъ смыслѣ разницу между ассоціацией по смежности и по сходству можно видѣть въ томъ, что въ ассоціацияхъ по смежности мы имѣемъ дѣло съ сочетаніями, уже имѣвшими разъ мѣсто, тогда какъ въ ассоціацияхъ по сходству передъ нами сочетанія *новыя*. Возникаетъ однако вопросъ,—существуютъ ли новыя сочетанія? Нѣкоторые психологи безусловно отвергаютъ новыя сочетанія, другіе же наоборотъ признаютъ ихъ. Мнѣнія тѣхъ и другихъ психологовъ встрѣчаются у г. Нечаева,—но онъ нигдѣ не подвергаетъ критикѣ эти противоположныя воззрѣнія. Между тѣмъ если бы г. Нечаевъ продѣлалъ эту работу, если бы онъ подвергъ критическому разсмотрѣнію вопросъ о новыхъ сочетаніяхъ, онъ несомнѣнно много выигралъ бы не только въ смыслѣ полноты изложенія. Онъ не могъ бы съ такимъ спокойнымъ догматизмомъ выдвигать свою формулу ассоціации, которая исключаетъ самую возможность новыхъ сочетаній. Только недостаточнымъ вниманіемъ къ этому вопросу и можно объяснить догматизмъ его формулы...

За исключеніемъ вопроса о новыхъ сочетаніяхъ всѣмъ остальнымъ вопросамъ г. Нечаевъ посвятилъ достаточно вниманія,—и

въ этомъ отношеніи онъ не заслуживаетъ упрека. Не можемъ не отмѣтить только еще одного обстоятельства: слишкомъ бѣглому анализу подвергнута у г. Нечаева проблема, выдвинутая французскимъ психологомъ Брошаромъ. Мы говоримъ о томъ его воззрѣніи, согласно которому въ ассоціаціи идей нельзя видѣть *фактора*, обусловливающаго появленіе представленія воспроизводимаго вслѣдъ за воспроизводящимъ. Г. Нечаевъ примыкаетъ къ Брошару (по соображеніямъ, которыхъ мы коснемся ниже); но онъ не обратилъ вниманія на то, что, категорически отрицая роль ассоціаціи въ уясненіи вопроса о причинѣ *возникновенія* психическихъ процессовъ, онъ тѣмъ самымъ вошелъ въ новую область, коснулся вопроса о психической причинности вообще. Къ чему ведетъ воззрѣніе, развитое Брошаромъ, г. Нечаевъ не указываетъ, хотя и принимаетъ его. И опять-таки приходится сказать, что если бы г. Нечаевъ посвятилъ этому больше вниманія,—это выгодно отразилось бы на его собственныхъ построеніяхъ. Какъ мы еще увидимъ, его пониманіе психической причинности страдаетъ большой неустойчивостью...

Переходя къ вопросу о вниманіи г. Нечаева къ различнымъ авторамъ, приходится сказать, что это вниманіе распредѣлялось довольно неравномѣрно. Больше всего мѣста посвятилъ г. Нечаевъ Леману, Гѣфдингу и Вундту; онъ изложилъ подробно ихъ теоріи, полемику и снабдилъ эту главу подробнымъ критическимъ анализомъ. Но уже въ слѣдующей главѣ, посвященной новѣйшимъ теоріямъ ассоціаціи, г. Нечаевъ ограничивается простымъ изложеніемъ теорій, оставляя это изложеніе совершенно безъ критическаго освѣщенія. Объяснить его тѣмъ, что, быть можетъ, соображенія излагаемыхъ имъ авторовъ не заслуживаютъ особаго вниманія, нельзя, такъ какъ именно въ этой главѣ г. Нечаевъ излагаетъ взглядъ Кюльпе, высказывающагося за признаніе новыхъ сочетаній¹⁾, взгляды Эббинггауза, отвергающаго ассоціацію по сходству въ виду ея физиологической неприемлемости²⁾. Ясно, что отнестись безъ вниманія къ этимъ взглядамъ нельзя. Отчего же г. Нечаевъ допускаетъ это?

Помимо того, что одни авторы удостоились со стороны г. Нечаева бѣльшаго вниманія, чѣмъ другіе, — приходится отмѣтить,

1) См. у Нечаева. „Асс. сх.“, стр. 179.

2) Нечаевъ. „Асс. сх.“, стр. 188—192 и стр. 198.

что нѣкоторые авторы не удостоились никакого вниманія. Прежде всего упомянемъ о Claparèd'ѣ, авторѣ прекраснаго своднаго труда *L'association des idées*. Трудъ этотъ исчерпывающимъ образомъ трактуетъ проблему ассоціаціи идей, притомъ по плану, наиболѣе подходящему въ данномъ случаѣ—не историческому, а систематическому. У Claparèd'a г. Нечаевъ нашелъ бы и чрезвычайно ясное расчлененіе вопроса (чего къ сожалѣнію мы не находимъ у г. Нечаева), нашелъ бы у Claparèd'a и прекрасныя библиографическія указанія¹⁾. Поэтому незнакомство съ трудомъ Claparèd'a безусловно приходится поставить въ вину г. Нечаеву.

Изъ психологовъ, не обратившихъ на себя вниманія г. Нечаева, выдается прежде всего *Спенсеръ*. Какимъ образомъ г. Нечаевъ могъ обойти этого крупнаго, въ Россіи особенно популярнаго мыслителя, мы не можемъ понять. Спенсеръ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія г. Нечаева, что онъ является рѣшительнымъ сторонникомъ признанія ассоціаціи по сходству основной формой всякой ассоціаціи. Въ VII и VIII главахъ своихъ «Индукцій психологіи» Спенсеръ развиваетъ подробно то положеніе, что «основной законъ ассоціаціи отношеній, подобно основному закону ассоціаціи чувствованій, заключается въ томъ, что каждое отношеніе, въ моментъ своего представленія въ сознаніи, агрегируется со сходными съ нимъ отношеніями нашего прошлаго опыта»²⁾. «Кромѣ этого закона ассоціаціи, утверждаетъ дальше Спенсеръ³⁾, нѣтъ никакого другого закона; всѣ дальнѣйшія явленія ассоціаціи—*явленія побочныя*. Въѣстѣ съ тѣмъ въ § 129 Спенсеръ даетъ чрезвычайно интересный анализъ такъ называемыхъ ассоціацій по смежности; анализъ этотъ имѣетъ своею цѣлью показать, что «ассоціація смежныхъ состояній сознанія заключается въ ассоціаціи сходныхъ отношеній»⁴⁾.

Приведенныя краткія цитаты убѣждаютъ насъ, что со стороны г. Нечаева является серьезнымъ упущеніемъ то, что онъ не изложилъ взглядовъ Спенсера на значеніе ассоціаціи по сход-

¹⁾ И у Юдля, въ его *Lehrbuch der Psychologie* находится достаточно библиографическихъ данныхъ; однако г. Нечаевъ, имѣвшій въ рукахъ книгу Юдля, не воспользовался его библиографическими указаніями.

²⁾ Спенсеръ. Основанія Психологіи. Петербургъ, 1897 г. Стр. 168.

³⁾ *Ibid.* стр. 168.

⁴⁾ *Ibid.* стр. 167.

ству. Помимо того, что съ аргументаціей Спенсера нельзя не считаться, это изложеніе было бы необходимо и для того, чтобы познакомить съ безусловно интересной конструкціей Спенсера. Слѣдуетъ также указать на то, что г. Нечаевъ повидимому незнакомъ еще съ нѣкоторыми авторами, писавшими по его же вопросу. Правда, эти авторы не такъ извѣстны, какъ напр. Спенсеръ; но все же какъ сторонники теории, отводящей главнос мѣсто въ теченіи представленій ассоціаціи по сходству, они не должны быть игнорируемы. Защитниковъ этой теоріи не такъ много, чтобы можно было знакомить читателей только съ избранными. — Неудостоившимся вниманія г. Нечаева являются Дюркгеймъ, Дюмонъ (Dumont), Deffner, написавшій цѣлую диссертацию по вопросу объ ассоціаціи сходства. Мы не имѣли подъ руками этихъ авторовъ и потому можетъ только ограничиться указаніемъ на нихъ. Въ упомянутомъ трудѣ Claparède'a мы находимъ цитаты изъ этихъ авторовъ, доказывающія, что они заслуживали вниманія г. Нечаева¹⁾.

Какъ видимъ, литература по вопросу объ ассоціаціи по сходству изложена г. Нечаевымъ не совсѣмъ полно. Наиболѣе серьезнымъ упущеніемъ мы считаемъ то, что онъ прошелъ мимо теоріи Спенсера.

Обратимся теперь къ авторамъ, ученія которыхъ г. Нечаевъ изложилъ въ своей книгѣ.

Мы уже упоминали, что только тремъ психологамъ — Леману, Гейфдингу и Вундту — г. Нечаевъ удѣлилъ достаточно вниманія, изложеніе же остальныхъ авторовъ отличается сжатостью. Насколько мы можемъ судить, это изложеніе правильно передаетъ ученія излагаемыхъ авторовъ. Одно только замѣчаніе мы могли бы сдѣлать — напрасно г. Нечаевъ («Ассоціація сходства», стр. 18) говоритъ о матеріалистическихъ тенденціяхъ Гертли. Гертли стоялъ на точкѣ зрѣнія параллелизма, и въ матеріализмъ его укорять нельзя.

Наиболѣе полно и точно изложены г. Нечаевымъ двѣ статьи Лемана, взглядамъ котораго г. Нечаевъ сочувствуетъ. Правда, встрѣчаются въ изложеніи нѣкоторые пробѣлы²⁾, но въ общемъ

1) См. Claparède. L'association des idées, pp. 25—29, 33—36.

2) Укажемъ на то, что г. Нечаевъ напрасно не привелъ той выдержки изъ первой статьи Лемана, гдѣ онъ опредѣленно говоритъ о предпосылкахъ теоріи смежности. По мнѣнію Лемана, слѣдъ (въ душѣ или мозгу—или въ томъ и

по изложенію г. Нечаева прекрасно можно познакомиться со взглядами Лемана на ассоціацію представлений. Не то приходится сказать объ изложеніи г. Нечасвымъ взглядовъ Гейфдинга и Вундта.

Что касается Вундта, то приходится отмѣтить, что г. Нечасвъ изложилъ его взгляды главнымъ образомъ постольку, поскольку они касаются вопросовъ, затронутыхъ въ полемикѣ Лемана и Гейфдинга. Это безусловно ошибочный пріемъ. Взгляды Вундта на ассоціацію идей настолько интересны, что они заслуживали бы болѣе полнаго изложенія. Между тѣмъ г. Нечасвъ излагаетъ лишь попутно основную и чрезвычайно важную его мысль, что теченіе психическихъ процессовъ подчинено законамъ, въ сферу дѣйствія которыхъ входятъ лишь элементарные процессы, а не тѣ ихъ сложные продукты, которые мы называемъ «представленіями» ¹⁾. Г. Нечасвъ не только вскользь упоминаетъ объ этомъ, но даже пишетъ такую фразу: «Вундтъ считаетъ не бесполезнымъ (!) признать ассоціацію сходства, какъ элементарный психическій процессъ, только въ формѣ ассоціаціи равенства» (Нечасвъ, «Ас. сх.», стр. 146). Говорить это, значить недостаточно знать теорію Вундта, который *категорически* высказывается за необходимость «соединенія равенства» для объясненія ассоціаціонныхъ процессовъ ²⁾. Къ стати сказать, г. Нечасвъ настолько, пови-

другомъ) *не исчезаетъ* (etwas Bleibendes ist. Phil. Stud. V 107) и потому А не нужно воспроизводить *a* (слѣдъ), чтобы вызвать В. Этотъ аргументъ (которымъ въ иной формѣ пользуется и г. Нечасвъ) чрезвычайно характеренъ для Лемана. Равнымъ образомъ напрасно г. Нечасвъ приписываетъ г. Леману взглядъ на законы ассоціаціи, какъ на формы ассоціаціи. Леманъ только *примыкаетъ* къ этому взгляду (Man kam bald zu der Einsicht...-Phil. Stud. V. 97), а не приписываетъ его себѣ. Г. Нечасвъ также слишкомъ мало сказалъ, по нашему мнѣнію, о томъ, какъ Леманъ толкуетъ непосредственное узнаваніе. Къ цитатѣ, которую г. Нечасвъ привелъ на стр. 132, слѣдовало бы добавить и это мѣсто: „уже одного обстоятельства, что воспроизводится представленіе, достаточно, чтобы данное ощущеніе было узнано“ (Ph. St. VII, 199). Этимъ устанавливается конструкція, совершенно отличная отъ взгляда г. Нечаева, по которому А могло бы быть узнано при помощи *b*, если бы само *b* было знакомо. Леманъ же утверждаетъ, что одного *появленія* *b* уже достаточно. Вообще это мѣсто у г. Нечаева недостаточно полно изложено.

1) См. Wundt. Phys. Psych. 5 Aufl. B. III. S. 522.

2) Приведемъ полную цитату изъ Вундта: „So ist dieser erste Elementarprocess, das Actuellwerden der Gleichheitsverbindungen, zur Einleitung einer *jeden* Association *unerlässlich*“ (Ibid. S. 560).

димому, невнимательно познакомился съ Вундтомъ, что на стр. 226 своего труда онъ даже утверждаетъ, что Вундтъ видитъ въ ассоціаціи сходства «своеобразное сочетаніе процессовъ ассимиляціи и диссимиляціи». Между тѣмъ у Вундта (Phys. Psych. 5 Aufl. B. III S. 528) ассимиляція прямо опредѣляется какъ «zweite Form Simultaner Association». Противопоставлять поэтому ассимиляцію ассоціаціи рѣшительно нельзя; очевидно, г. Нечаевъ принялъ ассимиляцію за элементарный процессъ, забывъ, что элементарными процессами Вундтъ признаетъ Gleichheitsverbindung и Berührungverbindung ¹⁾). Между прочимъ и эти понятія г. Нечаевъ передаетъ не «соединенія равенства и смежности», а «ассоціаціи равенства и смежности»... ²⁾).

Недостаточной внимательностью единственно можно объяснить грубую ошибку, которую допускаетъ г. Нечаевъ, смѣшавъ то, что у Вундта называется Erkennungsgefühl и Wiederkennungsgefühl ³⁾). Излагать разницу между тѣмъ и другимъ я здѣсь не стану; укажу только, что Erkennungsgefühl характеризуетъ сознание того, что представленіе не ново; Wiederkennungsgefühl характеризуетъ то болѣе сложное состояніе, которое мы называемъ узнаваніемъ. Хотя оба эти чувства родственны, но они *качественно различны* (Phil. Stud. VII, 351); при томъ Wiederkennungsgefühl интенсивнѣе Erkennungsgefühl (Ibid., 352). Г. Нечаевъ не только ничего не говоритъ объ этомъ различіи, устанавливаемомъ Вундтомъ, но даже основу для Erkennungsgefühl видитъ въ томъ, что по Вундту является основой для Wiederkennungsgefühl (см. у Нечаева стр. 135; ср. Phil. Stud. VII. S. 353 и 345—6).

Перейдемъ теперь къ Гефдингу. Изложеніе его ученія особенно пострадало у г. Нечаева. Помимо того, что онъ изложилъ лишь то, что имѣетъ прямое отношеніе къ полемикѣ съ Леманомъ, опустивъ такимъ образомъ интересныя и важныя соображенія Гефдинга, не касающіяся полемики ⁴⁾), — г. Нечаевъ и са-

¹⁾ См. Wundt. Phys. Psych. 5 Aufl. B. III S. 560.

²⁾ Понятіе Verbindung у Вундта носить болѣе общій характеръ, тѣмъ понятіе Association: онъ говоритъ даже объ associative und apperceptive Verbindungen. Приведемъ напр. такое выраженіе Вундта: Alle Associationen (sind) Resultanten elementarer Verbindungsprocesse. (Phys. Psych. B. III S. 560).

³⁾ См. Нечаевъ. „Ас. сх.“, стр. 135.

⁴⁾ Такъ г. Нечаевъ совершенно не указываетъ на очень важную классификацію ассоціаціи по сходству (Virt. f. wis. Phil. XIV S. 50—51). Думаемъ, что

мое участіе Гефдинга въ полемикѣ изложилъ далеко не полно. Такъ, г. Нечаевъ совершенно не указалъ на слѣдующее возраженіе Гефдинга противъ теоріи Лемана. По Леману всякое узнаваніе объясняется такъ наз. теоріей ожиданія (Erwartungstheorie). Гефдингъ указываетъ, что при такой конструкціи узнаванія становятся совершенно необъяснимыми иллюзіи ¹⁾. Возраженіе это очень существенно, — и на него Леманъ не отвѣтилъ во второй своей статьѣ. Тутъ же рядомъ Гефдингъ указываетъ, что при теоріи ожиданія непосредственное узнаваніе содержитъ въ себѣ необходимый моментъ *сужденія* и указываетъ, что его конструкція непосредственнаго узнаванія гораздо лучше согласуется съ фактами. Думаемъ, что и это возраженіе для полноты полемики было бы необходимо изложить... Недостаточно рѣзко подчеркнул г. Нечаевъ и то возраженіе Гефдинга, что «непосредственное узнаваніе не можетъ быть изслѣдовано экспериментальнымъ путемъ» ²⁾. Это возраженіе интересно потому, что стоитъ въ связи съ тутъ же высказаннымъ Гефдингомъ общимъ положеніемъ относительно невозможности прямого изслѣдованія всѣхъ явленій произвольной душевной жизни.

Не знаемъ, откуда г. Нечаевъ взялъ, что Гефдингъ рѣшительно осуждаетъ привлеченіе къ объясненію фактовъ ассоціаций, дѣйствующихъ подъ порогомъ сознанія ³⁾. Г. Нечаевъ конечно усмотрѣлъ въ этомъ противорѣчіе у Гефдинга и даже посвятилъ двѣ страницы, чтобы указать, что Гефдингъ и самъ не остается на строгой почвѣ самонаблюденія. Но противорѣчіе, найденное г. Нечаевымъ, мнимое, такъ какъ Гефдингъ, являющійся рѣшительнымъ сторонникомъ расширенія психологіи за предѣлы самонаблюденія, всегда стоялъ за допущеніе подсознательныхъ моментовъ. Правда, Гефдингъ высказывается противъ *злоупотребле-*

въ трудѣ, посвященномъ ассоціации сходства, это было бы необходимо. Г. Нечаевъ не упоминаетъ также о томъ рядѣ мыслей Гефдинга, который связанъ съ его формулой, что непосредственное узнаваніе является *Grenzerscheinung* (Viert. f. wis. Phil. XIII, 437); благодаря этому, читатель не найдетъ въ книгѣ г. Нечаева полного представленія о томъ, что Гефдингъ разумѣетъ подъ непосредственнымъ узнаваніемъ. Опущено также важное для пониманія Гефдинга все его разсужденіе, гдѣ непосредственное узнаваніе признается „gebundene Vergleichen“ (Viert. B. XIV 199).

1) Viert. f. wiss. Phil. B. XIII. S. 445.

2) Viert. f. wiss. Phil. XIV. S. 30.

3) Нечаевъ. „Ас. сх.“, стр. 153.

нія гипотезой подсознательныхъ психическихъ моментовъ, — но противъ самой гипотезы онъ нигдѣ не высказывается. Не только въ своей психологіи, гдѣ онъ посвятилъ этому вопросу цѣлую главу, но и въ своихъ статьяхъ, которыя излагаетъ г. Нечаевъ, Гефдингъ всюду прибѣгаетъ къ гипотезѣ подсознательныхъ процессовъ. Разумѣется, г. Нечаеву нетрудно было упрекать Гефдинга въ противорѣчіи; но въ дѣйствительности противорѣчіе это мнимое.

Г. Нечаевъ дѣлаетъ неправильные, на нашъ взглядъ, выводы изъ одного возраженія Гефдинга Леману (объ этомъ возраженіи см. у Нечаева Ас. сх. стр. 169). Г. Нечаевъ дѣлаетъ выводъ, что «психическія величины, опредѣляющія знакомость другихъ («новыхъ») психическихъ величинъ, сами представляются сознанію «непосредственно извѣстными». Для г. Нечаева этотъ выводъ очень важенъ, такъ какъ на немъ онъ основываетъ свою собственную теорію узнаванія. Но у Гефдинга дѣло обстоитъ иначе: непосредственное узнаваніе осуществляется вовсе не благодаря тому, что «непосредственно извѣстная» психическая величина дѣлаетъ знакомымъ «новое» переживаніе, а благодаря ассоціаціи сходства. Ассоціація сходства, протекающая подъ порогомъ сознанія и обуславливающая сліяніе *A* и *a* (ощущенія и воспроизводимаго представленія), достаточна по Гефдингу для непосредственнаго узнаванія.

Этими замѣчаніями мы закончимъ обзоръ исторической части перваго отдѣла книги г. Нечаева. Теперь мы перейдемъ къ самому существенному — къ анализу тѣхъ итоговъ, которые г. Нечаевъ извлекаетъ изъ историческаго обзора различныхъ теорій ассоціаціи идей.

Прежде всего приходится съ сожалѣніемъ констатировать, что г. Нечаевъ не взглянулъ на свою задачу подведенія частичныхъ итоговъ такъ, какъ, на нашъ взглядъ, слѣдуетъ смотрѣть на нее. Общіе вопросы психологіи, поскольку ихъ освѣщаетъ та частная проблема, которой онъ посвятилъ свой трудъ, имъ совершенно не затронуты — и потому, добровольно ограничивъ себя чисто спеціальными задачами, г. Нечаевъ самъ сузилъ значеніе своего труда. Здѣсь не мѣсто детально обосновывать наше утвержденіе, что проблема ассоціаціи идей, какъ она была поставлена исторически, выдвигаетъ не мало данныхъ для рѣшенія общихъ во-

просовъ психологіи; позволимъ себѣ сдѣлать только одно замѣчаніе для подтвержденія нашей мысли. Мы имѣемъ въ виду тотъ рядъ соображеній, который былъ высказанъ различными психологами по вопросу о невозможности видѣть въ ассоціаціи идей законъ теченія представленій. Особенно рѣзко эти соображенія были формулированы французскимъ психологомъ Брошаромъ, который настаивалъ на слѣдующемъ. Если А вызываетъ В, говоритъ онъ, то связь между А и В мы называемъ ассоціаціей; эта ассоціація можетъ ли быть призываема нами для объясненія появленія въ сознаніи В? Конечно нѣтъ, отвѣчаетъ Брошаръ, такъ какъ отношеніе между уже существующимъ А и еще не существующимъ В не можетъ быть реальнымъ факторомъ, которому можно было бы отвести какое-нибудь мѣсто въ теченіи психическихъ процессовъ. Поэтому вопросъ о причинѣ появленія В долженъ быть рѣшаемъ *вне* психологической проблемы ассоціаціи идей. Очень рѣзко формулируетъ этотъ послѣдній выводъ и Claparède, который прямо заявляетъ ¹⁾, что «причину ассоціаціи должно искать въ физиологическихъ процессахъ, сопровождающихъ состоянія сознанія». Мы не будемъ приводить здѣсь ни соображеній Клапареда, близкихъ къ аргументаціи Брошара, ни соображеній г. Нечаева, примыкающаго къ Брошару, — укажемъ только, что Брошаръ подчеркиваетъ серьезное логическое затрудненіе, связанное съ понятіемъ ассоціаціи. Если признать Брошара правымъ, то это дѣлаетъ для насъ обязательнымъ *метафизическій* выходъ изъ возникшаго затрудненія. Физиологія и спиритуализмъ — это одинаково равноцѣнныя метафизическія области, къ которымъ намъ необходимо прибѣгнуть въ этомъ случаѣ для истолкованія психологическихъ фактовъ. Если въ феноменальной сферѣ, въ потокѣ исчезающихъ психическихъ процессовъ мы не находимъ точки опоры для установленія причинныхъ соотношеній, — то это дѣлаетъ для насъ обязательнымъ искать эту точку опоры *вне* феноменальной сферы. Будемъ ли мы искать эту точку опоры въ физиологіи, какъ дѣлаетъ большинство современныхъ психологовъ, будемъ ли мы искать ее въ спиритуалистической гипотезѣ, — мы одинаково стоимъ *вне* феноменальной сферы и находимся на метафизической почвѣ ²⁾.

¹⁾ Claparède. L'association des idées, p. 21.

²⁾ Ср. статью Липпса въ Zeitschr. für Psych. u. Phys. B. 25. — Psychische Vorgänge und psychische Causalität; особенно S. 163.

Отсюда ясно, что съ актуальной причинностью въ психологіи намъ въ такомъ случаѣ трудно остаться. Актуальное пониманіе души исходитъ именно изъ *ненужности* всякихъ метафизическихъ предположеній въ психологіи,—и разъ въ нашемъ вопросѣ намъ приходится признать неизбежными эти метафизическія предположенія, то ясно, что и актуальному пониманію души нанесенъ серьезный ударъ. Мы не будемъ дальше развивать этихъ мыслей, къ которымъ намъ придется еще разъ вернуться; сказаннаго, думаемъ, достаточно для того, чтобы убѣдиться въ значеніи проблемы ассоціаціи идей для рѣшенія общихъ вопросовъ психологіи.

Мы ставимъ въ упрекъ г. Нечаеву то, что онъ разсмотрѣлъ вопросъ объ ассоціаціи идей слишкомъ *изолировано*. Отъ этого упрека его не освобождаетъ то, что онъ затронулъ только часть проблемы ассоціаціи идей, именно вопросъ объ ассоціаціи сходства; тѣмъ болѣе специально поставленъ вопросъ, тѣмъ яснѣе должна выступить въ конкретныхъ мелочахъ та общая почва, на которую всегда приходится опираться психологу...

Обращаясь къ тѣмъ выводамъ, которые дѣлаетъ г. Нечаевъ, мы читаемъ между прочимъ слѣдующій выводъ: «благодаря работамъ Вундта, поставившаго вопросъ объ ассоціаціи по сходству въ связь съ вопросомъ объ отличіи перцепціи и апперцепціи, былъ выдвинутъ вопросъ о томъ опредѣляющемъ значеніи, какое можемъ имѣть въ проблемѣ сходства анализъ дѣятельности вниманія». Къ сожалѣнію и удивленію читателя этотъ выводъ виситъ у г. Нечаева на воздухѣ. Вѣдь выводы можно дѣлать лишь изъ того, что сказано,— а между тѣмъ г. Нечаевъ нигдѣ не указалъ на тотъ матеріалъ, изъ котораго можно было бы сдѣлать соотвѣтствующій выводъ... Повторяя уже указанную ошибку и смѣшивая у Вундта «ассоціацію» и «соединеніе» г. Нечаевъ забываетъ между прочимъ подчеркнуть въ выводахъ то важное обобщеніе, которое устанавливаетъ Вундтъ,—именно, что такъ называемыя ассоціаціи суть сложные явленія, опирающіяся на болѣе элементарные процессы ¹⁾.

¹⁾ Кромѣ приведенныхъ уже цитатъ, см. Wundt Phys. Psych. 5 Aufl. B. III. S. 535. (Die Assimilation wie die Association überhaupt besteht in jedem einzelnen Falle aus einer Menge elementarer Verbindungsprocesse zwischen den Bestandtheilen der Vorstellungen). См. также ibid. S. 560.

Мы не будемъ теперь останавливаться на критическихъ замѣчаніяхъ, которыми снабдилъ г. Нечаевъ первый отдѣлъ своей книги, такъ какъ это будетъ удобнѣе сдѣлать послѣ краткаго изложенія оригинальной части труда г. Нечаева. Къ ней мы теперь и перейдемъ.

Свое изложеніе «основъ ученія объ ассоціаціи сходства» г. Нечаевъ начинаетъ съ анализа понятія воспроизведенія и приходитъ къ выводу, что о воспроизведеніи въ буквальномъ смыслѣ слова мы говорить не можемъ. Иныя наши переживанія мы только *истолковываемъ* такъ, какъ если бы они воспроизводились; поэтому о воспроизведеніи говорить нельзя, можно говорить только объ *иллюзіи воспроизведенія*, т.-е. о законмѣрномъ осложненіи иныхъ переживаній сознаниемъ ихъ воспроизводимости. Примыкая къ Брошару, г. Нечаевъ отрицаетъ за ассоціаціей идей роль фактора въ теченіи психическихъ процессовъ; на долю теоріи ассоціаціи, по его мнѣнію, выпадаетъ только задача объяснить тѣ особенности иныхъ переживаній, благодаря которымъ они истолковываются нами, какъ воспроизводимыя. Иначе говоря, теоріи ассоціаціи приходится выяснять, во-первыхъ, самое возникновеніе иллюзіи воспроизведенія, во-вторыхъ, законмѣрность этой иллюзіи.—Если подъ ассоціаціей разумѣть *отношеніе* представленій, то надо имѣть въ виду, что не всѣ представленія, входящія въ тѣ или иныя отношенія съ другими представленіями, будутъ ассоціированы съ ними,—а лишь тѣ, которыя удовлетворяютъ опредѣленному условію. Это условіе формулировано г. Нечаевымъ въ его законѣ ассоціаціи. Не приводя всей формулы его, такъ какъ она очень длинна, воспользуемся для характеристики ея тѣмъ примѣромъ, который даетъ самъ г. Нечаевъ. Мы видимъ молнію; характеръ этого воспріятія (В) опредѣляется въ извѣстной мѣрѣ тѣмъ, что мы уже и раньше видѣли молнію (А). Представленіе грома (С), возникающее вслѣдъ за В, хотя и обусловлено В, но въ то же время находится въ зависимости отъ того, что прежнее воспріятіе молнии (А) сопровождалось воспріятіемъ грома (Х). Назовемъ А—Х «потенціальной ассоціаціей», В—С «дѣйствующей ассоціаціей» и будемъ имѣть въ виду, что по Нечаеву всякая дѣйствующая ассоціація предполагаетъ потенциальную (т.-е. новыя сочетанія формулой

г. Нечаева исключаются). Въ ассоціаціонной цѣпи мы всегда должны имѣть по г. Нечаеву 4 члена.

Обсуждая вопросъ объ отношеніи различныхъ членовъ этой цѣпи, остановимся на отношеніи X и C, которые сходны между собой. Какое мѣсто этому сходству мы можемъ отвести въ причинной цѣпи? Вырывать эти члены изъ ассоціаціонной цѣпи мы не можемъ, а потому влияніе X на C *не можетъ быть непосредственнымъ*. Вліяніе это можетъ осуществляться только при посредствѣ промежуточныхъ звеньевъ, поэтому сопоставленіе X и C, какъ изолированныхъ членовъ, возможно только въ абстракціи и раскрыть намъ тайну причинной цѣпи не можетъ. Если же мы, переживая C, сознаемъ его равнымъ X,—то это является иллюзіей, которая требуетъ объясненія, но не можетъ быть признана аргументомъ въ пользу отведенія сходству между X и C роли въ причинной цѣпи.

Переходя къ вопросу объ ассоціаціи сходства, г. Нечаевъ прежде всего задаетъ вопросъ,—можно ли случаи ассоціаціи по сходству подвести подъ формулу ассоціаціоннаго процесса. Послѣ анализа, имѣющаго цѣлью подыскать къ данной дѣйствующей ассоціаціи потенциальную, г. Нечаевъ приходитъ къ утвердительному отвѣту на данный вопросъ. Теперь возникаетъ слѣдующій вопросъ—сводимъ ли принципъ сходства къ принципу смежности. Въ этомъ отношеніи г. Нечаевъ примыкаетъ къ Леману, который доказывалъ, что каждый случай ассоціаціи по сходству можно подвести подъ случай ассоціаціи по смежности. Но въ виду настойчивыхъ попытокъ показать, что основная формула ассоціаціи по смежности *implicite* включаетъ въ себя принципъ сходства (въ формѣ узнаванія или отождествленія), г. Нечаевъ считаетъ удобнымъ для рѣшенія этой проблемы перейти къ той ея постановкѣ, которая предложена Вундтомъ. По Вундту всякая ассоціація есть сложный феноменъ, включающій въ себя болѣе элементарные процессы соединенія равенства и соединенія смежности. Г. Нечаевъ признаетъ наличность момента сознанія тождественныхъ представленій, т.-е. признаетъ необходимость «соединенія равенства» (или «соединенія тождества»—*Gleichheitsverbindung*),—но это соединеніе равенства можетъ либо сопровождаться сознаніемъ тождества, либо нѣтъ (другими словами, слѣдуетъ отличать тождество сознаваемыхъ элементовъ отъ сознанія этого тождества сознаваемыхъ элементовъ). Обозначимъ слу-

чай, когда соединеніе равенства протекаетъ безъ осложненія сознаниемъ тождества элементовъ—*неразличеніемъ* и будемъ его отличать отъ *отождествленія* (когда соединеніе равенства осложняется сознаниемъ тождества). Состояніе неразличенія подъ формулу ассоціаціи подведено быть не можетъ; значитъ всѣ случаи ассоціаціи по сходству, включающіе соединеніе равенства, какъ неразличеніе, *вполнѣ* не могутъ быть сведены на процессы ассоціаціи по смежности ¹⁾. При соединеніи равенства, протекающемъ въ формѣ отождествленія, члены соединенія выступаютъ отдѣльно, и здѣсь «ясно обнаруживаются всѣ характерныя черты ассоціаціоннаго процесса», т.-е. такіе случаи по сходству *вполнѣ* сводимы къ ассоціаціи по смежности.

Итакъ, результатъ анализа г. Нечаева таковъ: въ ассоціаціонной цѣпи должны быть всегда 4 члена; существуетъ всего одинъ ассоціаціонный процессъ—ассоціація по смежности; несводимые къ смежности случаи ассоціаціи по сходству включаютъ въ себя процессъ неразличенія, который стоитъ внѣ сферы дѣйствія ассоціаціонныхъ процессовъ. Теперь остается обратиться къ разрѣшенію иллюзіи воспроизведенія. Г. Нечаевъ не даетъ разрѣшенія этой проблемы, а вмѣсто нея рѣшаетъ близкую проблему иллюзіи узнаванія. Если мы не ошибаемся, для него это не двѣ, а одна проблема ²⁾,—поэтому объясняя иллюзію узнаванія, онъ очевидно рѣшаетъ ранѣе поставленный вопросъ объ условіяхъ возникновенія иллюзіи воспроизведенія.

Исходя изъ возраженія, сдѣланнаго Гефдингомъ Леману (*a* только въ томъ случаѣ можетъ быть узнано при помощи *b*, если само *b* «непосредственно извѣстно») и признавая вмѣстѣ съ тѣмъ, что процессъ узнаванія (другими словами, возникновеніе иллюзіи узнаванія) осуществляется при помощи ассоціаціи по смежности,—г. Нечаевъ ищетъ опорныхъ, «непосредственно извѣст-

1) Этотъ выводъ принадлежитъ намъ, а не г. Нечаеву.

2) Сопоставимъ двѣ цитаты, ясно говорящія за себя. «Существуютъ только иллюзіи воспроизведенія. Новымъ психическимъ переживаніямъ мы придаемъ значеніе старыхъ. Въ этой-то иллюзіи и заключается сущность того, что называется воспроизведеніемъ». (Нечаевъ «Ас. сх.», стр. 213). «Нѣкоторые состоянія сознания неволью истолковываются нами, какъ равнозначныя тѣмъ, которыя давно уже были пережиты нами. Они узнаются нами, какъ старыя. На чемъ основано это *узнаваніе*, я надѣюсь выяснитъ ниже». (Тамъ же, стр. 220).

ныхъ» пунктовъ для этихъ ассоціацій по смежности. Это возможно, по мнѣнію г. Нечаева, лишь въ томъ случаѣ, если использовать для этого различіе между «неизмѣнными» и измѣняющимися элементами нашей душевной жизни. Это различіе опирается на выдѣленіе «я», какъ чего-то всегда пребывающаго и связующаго во едино измѣняющіяся психическія состоянія. Это «я» и является «непосредственно извѣстнымъ». Какъ создается эта «непосредственная знакомость» нашего «я», мы сейчасъ выяснимъ, а пока укажемъ, что всякое узнаваніе осуществляется благодаря ассоціаціямъ по смежности, опирающимся на непосредственно знакомое «я».

Перейдемъ теперь къ вопросу, какъ создается непосредственная знакомость нашего «я».

Прежде всего надо отмѣтить, что эту проблему вполне можно замѣнить другой,—именно, какъ создается сознаніе тождества нашего «я»¹⁾. Чтобы разрѣшить этотъ послѣдній вопросъ, г. Нечаевъ предлагаетъ такую конструкцію. Сознаніе тождества нашего «я», по его мнѣнію, является своеобразной комбинаціей двухъ основныхъ процессовъ—неразличенія и различенія (съ перевѣсомъ вниманія въ сторону неразличенія). «Представленіе о «я» въ смыслѣ чего-то сознаваемого, какъ равное самому себѣ и связующее всѣ наши измѣняющіяся (т.-е. различаемыя) душевныя состоянія» является *результатомъ* процесса неразличенія.—Если не ошибаемся, мысль г. Нечаева сводится къ слѣдующему. Нѣкоторая группа психическихъ элементовъ неразличаема; *сознаніе* этой неразличаемости въ связи съ сознаніемъ наличности различаемыхъ элементовъ и образуетъ то, что можно назвать отождествленіемъ нашего «я». Какъ неразличаемая часть нашей души, «я» намъ непосредственно извѣстно; его узнаваніе есть въ то же время его отождествленіе,—т.-е. сознаніе его выдѣляемости изъ переживаній въ особую, ни съ чѣмъ несравнимую, равную себѣ группу.

Содержаніе главы, посвященной вопросу о бессознательныхъ ассоціаціяхъ, сводится въ существенныхъ чертахъ къ слѣдующему. Мы никогда не можемъ съ увѣренностью провести границу ме-

¹⁾ Если не ошибаемся, такъ нужно понимать то, что говоритъ объ этомъ г. Нечаевъ на стр. 227. Къ сожалѣнію, весь этотъ вопросъ рассмотрѣнъ болѣе чѣмъ сжато у г. Нечаева.

жду такими состояніями духа, когда совершенно отсутствовало сознание предполагаемаго нашимъ объясненіемъ члена ассоціаціоннаго процесса,—и когда этотъ членъ только мимолетно, неясно сознавался. Выраженіе «безсознательная ассоціація» можетъ имѣть только условный смыслъ; эта условность вытекаетъ изъ предыдущаго положенія.

Этимъ мы заканчиваемъ изложеніе взглядовъ г. Нечаева и переходимъ къ критическому анализу ихъ.

II.

Сначала мы коснемся общихъ вопросовъ, а затѣмъ перейдемъ къ частнымъ.

Прежде всего мы еще разъ вернемся къ аргументаціи Брошара, который считалъ неприемлемымъ то пониманіе ассоціаціи, которое отводитъ ей роль фактора въ причинной цѣпи. Отношеніе между несуществующимъ В и наличнымъ А не можетъ быть причиной появленія В. Г. Нечаевъ, высказываясь въ пользу Брошара, говоритъ, что ассоціація лишь въ томъ случаѣ могла бы быть причиной появленія В, если бы В было дѣйствительно *воспроизводимымъ* представленіемъ; но такъ какъ В есть *новое* состояніе, то до появленія его никакого «отношенія» быть не можетъ (ни объективно, ни субъективно).

Мы уже указывали, что это затрудненіе, *какъ оно здѣсь ставится*, разрѣшается только *метафизически*, т.-е. за предѣлами феноменальной сферы; причиной появленія В не можетъ быть та ассоціація, о которой идетъ рѣчь у г. Нечаева. Аргументація г. Нечаева кажется безусловно правильной при отрицаніи воспроизведенія,—и для г. Нечаева во всякомъ случаѣ неизбѣжны метафизическія опоры для установленія причинной цѣпи. Считаемъ нелишнимъ напомнить, что спиритуалистическая гипотеза или физиологическіе процессы—въ данномъ случаѣ совершенно равноцѣнные метафизическія убѣжища.

Обратимъ, однако, вниманіе на то, что, оставаясь на позиціи г. Нечаева (т.-е. отрицая роль ассоціаціи въ причинной цѣпи), пришлось бы отрицать всякое вліяніе *содержанія* на теченіе психическихъ процессовъ.—Какъ извѣстно, однимъ изъ аргументовъ противъ параллелистической теоріи является то, что физиологическая сторона психофизическихъ явленій совершенно не истол-

ковывасть «тайны содержанія». Можно привести огромное число примѣровъ, въ которыхъ ясно обрисовывается значеніе содержанія; лишь принимая во вниманіе *содержаніе*, мы можемъ понять теченіе процессовъ. Укажу на извѣстный примѣръ Буссе (т. наз. Telegrammargument), который указываетъ, что огромное различіе впечатлѣній, производимыхъ двумя телеграммами (Fritz ist angekommen и Fritz ist umgekommen), можетъ быть объяснено лишь въ томъ случаѣ, если будетъ принято во вниманіе содержаніе телеграммы ¹⁾).

Какъ, однако, слѣдуетъ мыслить вліяніе того или иного «содержанія»? Если за *a* послѣдовало *b*, и мы отводимъ нѣкоторую роль содержанію *a*, чтобы объяснить появленіе содержанія *b*,— то этотъ фактъ мы можемъ формулировать такъ, что отношеніе между содержаніемъ *a* и содержаніемъ *b* было причиной появленія *b*. Объ объективномъ отношеніи, *въ смыслъ чего-то самостоятельнаго, независимо и отдѣльно отъ a и b существующаго*, конечно нельзя говорить; говоря объ отношеніи, мы имѣемъ въ виду формулировку той или иной связи, найденной нами между *a* и *b*. Если бы мы не сознавали этой связи, она все равно была бы;—и только въ этомъ смыслѣ можно говорить объ объективности отношенія между *a* и *b*. Поэтому фраза: «отношеніе между *a* и *b* было причиной появленія *b*» можетъ имѣть только тотъ смыслъ, что содержаніе *b* не могло бы возникнуть, если бы не было содержанія *a*.

Ясно теперь, что если бы аргументація Брошара и Нечаева была правильна, то намъ пришлось бы отказаться отъ учитыванія вліянія содержанія. Всякое вліяніе содержанія сводится къ тому же случаю «вліянія отношенія», которое аргументація Брошара пытается признать невысказаннымъ. Отсюда съ неизбежностью вытекаетъ, что аргументація эта неправильна, такъ какъ она противорѣчитъ фактамъ.

Источникъ ошибки, допускаемой Брошаромъ и Нечасвымъ, мы представляемъ себѣ такъ. Авторы эти вносятъ въ психологию пространственные образы, которые опредѣляютъ развитіе ихъ аргументаціи. Если бы рядомъ съ *a* существовало (подъ порогомъ сознанія) *b*, то отношеніе между *a* и *b* могло бы быть для на-

¹⁾ См. Busse. Leib und Seele S. 310. См. также мою брошюру «Современное состояніе психофизической проблемы», стр. 35.

шихъ авторовъ реальной психической величиной, обусловливающей появленіе *b*. Но въ этомъ случаѣ отношеніе понимается словно нить, которая можетъ существовать, конечно, только между двумя одновременно существующими точками. Но такъ понимать «отношеніе» нельзя. Отношеніе между *a* и *b* является особой психической величиной лишь въ тотъ моментъ, когда оно сознается; внѣ этого «отношеніе» не является *особой* психической величиной. «Отношеніе» есть лишь особое *слово*, которому не соответствуетъ отдѣльнаго явленія; потому и отпадетъ тотъ аргументъ, что пока нѣтъ *b*, до тѣхъ поръ нѣтъ и отношенія между *a* и *b*. Лишь представляя это отношеніе нитью между двумя отдѣльными пунктами, лишь внося пространственные образы, можно отрицать, что и до появленія *b* отношеніе между *a* и *b* можетъ играть роль въ появленіи *b*. Вѣдь это «вліяніе отношенія» есть формула, которой мы пользуемся для обозначенія того факта, что при объясненіи появленія *b* нужно принимать во вниманіе содержаніе *a*: иначе содержаніе *b* не можетъ быть объяснено. Правда, «механизма», при помощи котораго осуществляется вліяніе содержанія, мы указать не можемъ; но для насъ достаточно принять это вліяніе содержанія за общій, невыводимый фактъ психологін.

Поэтому мы считаемъ, что нѣтъ основаній не видѣть въ ассоціаціи *законъ* теченія представленій.

Г. Нечаевъ, категорически высказывающійся противъ такого пониманія ассоціацій, не обратилъ однако вниманія на тѣ выводы, которые слѣдуютъ изъ его положенія. Мы имѣемъ въ виду вопросъ о психической причинности.

Мы уже указывали, что если въ ассоціаціи между *a* и *b* не видѣть причины появленія *b*, то въ такомъ случаѣ причиной появленія *b* должно быть признано нѣчто, лежащее въ метафизической сферѣ. Для строгаго феноменализма или, скажемъ, для актуальной теоріи души намъ ненужно для пониманія душевныхъ явленій никакихъ метафизическихъ предположеній. Ни фізіологическіе процессы, ни душевная субстанція не могутъ быть въ такомъ случаѣ привлекаемы для объясненія связи душевныхъ явленій. Но г. Нечаевъ отказывается видѣть въ ассоціаціи причину появленія представленій; для него поэтому обязательенъ отказъ отъ актуальнаго пониманія души. Онъ долженъ

признать, что безъ метафизическихъ предпосылокъ въ психологіи ему не обойтись ¹⁾).

Мы старались показать, что проблему Брошара можно разрѣшить, не прибѣгая къ метафизикѣ; но для г. Нечаева эта метафизика была неизбѣжна. Однако, онъ не далъ себѣ труда продумать свое отношеніе къ вопросу о психической причинности.— У г. Нечаева мы не находимъ яснаго выраженія его пониманія психической причинности,—но прежде всего, при его отрицаніи воспроизведенія ему приходится признать, что вліяніе однихъ психическихъ состояній на другія можетъ осуществляться лишь при посредствѣ вліянія предыдущаго состоянія на послѣдующее. Въ цѣпи ABCDE на E не могутъ вліять ни A, ни B, ни C,—а только D, которое, испытавъ вліяніе отъ C (въ свою очередь находившагося подъ вліяніемъ B и т. д.) концентрируетъ въ себѣ весь прошлый опытъ. Однако психологически мыслить такую конструкцію довольно трудно,—и г. Нечаевъ въ дальнѣйшемъ рѣшительно обращаетъ психическую причинность въ фізіологическую; такъ, по крайней мѣрѣ, онъ высказывается по вопросу о зависимости силы ощущеній отъ предыдущихъ состояній (стр. 233—34). Но иначе и быть не могло. Разъ, по Нечаеву, психическія состоянія, вспыхивая, навсегда исчезаютъ, оставляя только фізіологическіе слѣды (благодаря наличности параллельныхъ фізіологическихъ процессовъ), разъ въ душевной жизни есть такіе внѣшніе перерывы, какъ сонъ, обморокъ и т. д., то очевидно лишь при помощи фізіологическихъ процессовъ осуществляется вліяніе однихъ душевныхъ явленій на другія. Последнее выраженіе не совсѣмъ точно: не душевныя явленія вліяютъ другъ на друга, а параллельные имъ фізіологическіе процессы составляютъ ту причинную цѣпь, которую нужно знать, чтобы знать теченіе психическихъ явленій. Такимъ образомъ психическое есть *эпифеноменъ, придатокъ*. Таково, очевидно, пониманіе психическихъ явленій у г. Нечаева.

Если психическое есть эпифеноменъ, то связь психическихъ процессовъ можетъ обнаруживать лишь нѣкоторыя *правильности*,

¹⁾ Однако г. Нечаевъ, не сознавая этого, считаетъ однимъ изъ недостатковъ теории „безсознательнаго“ то, что „она носитъ явно метафизическій характеръ“ („Ас. сх.“, стр. 232).

а о психической причинности рѣчи быть не можетъ ¹⁾). Этимъ ясно мы становимся на метафизическую почву, такъ какъ при отрицаніи психической причинности приходиться основаніе связи душевныхъ явленій видѣть либо въ душевной субстанціи, либо въ мозгу, въ физиологическихъ процессахъ.

Мы ставимъ въ упрекъ г. Нечаеву то, что онъ съ недостаточной опредѣленностью высказывается по вопросу о психической причинности, такъ что невнимательный читатель можетъ думать, что авторъ все время остается на строго эмпирической почвѣ. Въ дѣйствительности же обращеніе къ физиологіи есть безусловно метафизическій выходъ,—но этого г. Нечаевъ какъ бы не сознаеть...

Пониманіе причинности у г. Нечаева вполне вытекаетъ изъ его отрицанія воспроизведенія; слѣдуетъ только пожалѣть, что г. Нечаевъ съ недостаточной ясностью развилъ эту мысль. При отрицаніи душевной субстанціи (т.-е. оставаясь въ предѣлахъ строго эмпирическаго изученія душевной жизни) психическое можетъ быть признано либо эпифеноменомъ, корни котораго лежатъ въ физиологическихъ процессахъ,—либо независимымъ, имманентно связнымъ единствомъ. Но для того, чтобы признавать послѣднее, необходимо признавать реальность воспроизведенія: иначе не удастся причинно связать отдѣльныя звенья психическаго ряда. Если, однако, отрицать воспроизведеніе, то остается одинъ выходъ: признать психическое эпифеноменомъ и корней эмпирически наблюдаемыхъ правильностей искать въ физиологическихъ процессахъ. Но этотъ выходъ является, конечно, мнимымъ: физиологическіе процессы лежатъ по ту сторону (*jenseits*) психическаго; эмпирическое изученіе душевной жизни, базирующес на методѣ самонаблюденія, безусловно противится замѣнѣ психологіи физиологіей. Поэтому указанный выходъ является отказомъ отъ изученія душевной жизни.

Таково безысходное противорѣчіе, въ которое впадаетъ г. Нечаевъ благодаря своему отрицанію воспроизведенія. Мы называемъ это противорѣчіемъ, такъ какъ г. Нечаевъ отрицаетъ воспроизведеніе во имя строго эмпирическаго изученія душевныхъ явле-

¹⁾ Ясно и опредѣленно эта точка зрѣнія формулирована у Петцольда. *Einführung in die Philosophie der r. Erfahrung*. В. I, Kap. 4 и 5, В. II, S. 4.

ній,—и поневоля́ потомъ ему приходится сойти съ плоскости психологіи, чтобы найти убѣжище въ физиологіи. Г. Нечаевъ началъ такимъ образомъ во имя строгаго эмпиризма въ психологіи, а кончилъ матеріалистической метафизикой...

Мы не думаемъ, однако, строго обвинять г. Нечаева за это противорѣчіе. Намъ кажется, что противорѣчій не избѣжать до тѣхъ поръ, пока будутъ исходить изъ тѣхъ основныхъ принциповъ, которые вслѣдъ за Вундтомъ объединяють въ актуальной теоріи души. Эта теорія признаетъ возможнымъ обойтись въ психологіи безъ всякой субстанціи; но это рѣшительно невозможно и поневоля́ приходится прибѣгать къ субстанціи, носящей, правда, знакомое имя—«мозгъ», но это дѣла не облегчаетъ. Введенная контрабандой субстанція вноситъ коренное противорѣчіе, а за нимъ идутъ и другія. Такова та почва, на которой выросли и противорѣчія г. Нечаева; они служатъ характернымъ симптомомъ разложенія актуальной теоріи души, которая выбросила за бортъ душевную субстанцію, чтобы черезъ нѣкоторое время обратиться къ услугамъ мозговой субстанціи.

Психологія, какъ и другія эмпирическія науки, исходитъ изъ даннаго, но не можетъ остаться въ предѣлахъ даннаго. Общія понятія, безъ которыхъ психологія не можетъ обойтись, ясно вскрываютъ логическую структуру этой научной дисциплины и оправдываютъ выходъ за предѣлы даннаго, поскольку этотъ выходъ диктуется опытомъ. Гипотеза душевной субстанціи, только потому что она выходитъ за предѣлы опыта, не можетъ подлежать осужденію; поэтому *исходитъ* изъ актуальной теоріи души было бы неправильнымъ логическимъ приѣмомъ. Именно эту то ошибку и дѣлаетъ г. Нечаевъ въ своей критикѣ понятія воспроизведенія. Онъ недостаточно разграничилъ вопросъ о *понятіи* воспроизведенія и о *явленіи* воспроизведенія,—и то, что въ опытѣ мы не можемъ встрѣтить явленій воспроизведенія, онъ считаетъ аргументомъ противъ годности понятія воспроизведенія. Такой логическій приѣмъ, конечно, неправиленъ. Годность понятія опредѣляется его значеніемъ для систематизаціи фактовъ,—и лишь въ вопросѣ о содержаніи понятія мы должны опредѣлить его гипотетическій или эмпирическій составъ. Такъ, если было бы даже доказано, что въ опытѣ нигдѣ не дается намъ воспроизведеніе, мы все-таки могли бы пользоваться понятіемъ воспроизведенія для построенія системы психологіи. Прав-

да, можно подвергнуть сомнѣнію *мыслимость* понятія воспроизведенія,—и это будетъ единственный путь для провѣрки этого понятія; но сама по себѣ гипотетичность воспроизведенія не можетъ служить аргументомъ противъ пригодности этого понятія. Надо при этомъ имѣть въ виду, что собственно *въ опытѣ никогда нельзя обнаружить*, существуетъ воспроизведеніе или нѣтъ. Дѣло въ томъ, что *понятіе опыта включаетъ въ себя понятіе воспроизведенія*, и обращаться къ опыту для рѣшенія вопроса, существуетъ ли воспроизведеніе, значитъ совершать непопозвопительный *circulus vitiosus* ¹⁾.

Г. Нечаевъ касается и вопроса о мыслимости понятія воспроизведенія, при чемъ онъ исходитъ изъ критики этого понятія у Гербарта. Психическія состоянія, остающіяся до воспроизведенія безсознательными, не могутъ быть признаваемы, такъ какъ съ феноменальной точки зрѣнія понятіе безсознательнаго противорѣчиво. Эта мысль справедлива, — но если обратить вниманіе, что понятіе безсознательнаго можетъ имѣть смыслъ (по г. Нечаеву) лишь *физиологическій*, то будетъ ясно, что г. Нечаевъ считаетъ возможнымъ выходить за предѣлы эмпирически даннаго, т.-е. привлекать къ объясненію метафизическую сферу. Но въ такомъ случаѣ съ такимъ же правомъ можно было бы, принявъ спиритуалистическую гипотезу преобразовать понятіе воспроизведенія согласно этой гипотезѣ. Мы признаемъ немислимымъ то понятіе воспроизведенія, которое исходитъ изъ актуальной теоріи души,—но признаемъ, что это понятіе можетъ быть преобразовано и удержано, если выйти за предѣлы того

¹⁾ Если, напр., я прочелъ нѣсколько строкъ и затѣмъ воспроизвожу ихъ передъ лицомъ, которое все время слѣдило за книгой, то изъ совпаденія моего объективнаго „воспроизведенія“ съ воспріятіемъ у контролирующаго лица нельзя было бы заключать, что воспроизведеніе существуетъ. Контролирующее лицо, сравнивая то, что оно слышитъ, съ тѣмъ, что оно видитъ въ книгѣ, можетъ контролировать тожество, но это тожество имѣетъ только субъективное значеніе. Вѣдь неизвѣстно, то же ли оно видитъ сейчасъ что и минуту назадъ? Правда, книга кажется одной и той же, лицо увѣрено, что видитъ передъ собой одно и то же, но вѣдь подъ сомнѣніе берется именно объективное значеніе этой увѣренности въ воспроизведеніи. Подъ сомнѣніе ставится весь опытъ, система котораго объединяетъ „прошлое“ и „настоящее“,—и обращаться къ опыту для подтвержденія, что опытъ существуетъ, что книга, которую я вижу передъ собой, та же, что я видѣлъ минуту назадъ,—значитъ совершать ни съ чѣмъ несообразный пріемъ.

имманентно-связнаго единства, о которомъ говорить актуальная теорія души, и обратиться къ физиологіи или душевной субстанціи. Поэтому аргументацію г. Нечаева мы считаемъ попадающей въ него же,—т.-е. направленной противъ актуальной теоріи души.

Вундтъ не безъ основанія говоритъ, что въ словѣ «воспроизведеніе» «сгустилось все ошибочное пониманіе дѣла». Гипотеза Гербарта опиралась на предположеніе, что представленія суть постоянные, неизмѣнные объекты, но эта необходимая предпосылка теоріи воспроизведенія представленій не можетъ быть удержана съ чисто психологической точки зрѣнія. Какъ выхоть изъ этого затрудненія, Вундтъ создалъ теорію воспроизведенія элементовъ, поясняя, что представленія суть *процессы*, а не *объекты* ¹⁾. Ясно однако, что затрудненіе не устранено, а только отодвинуто. Вѣдь приходится предположить, что эти элементы такъ же, какъ вещи, остаются неизмѣнными, и въ той именно связи, которая обусловлена опытомъ. Но это предположеніе системы неизмѣнныхъ и воспроизводимыхъ элементовъ представляетъ выходъ за предѣлы даннаго, такъ какъ настоящее и прошлое, объединенное въ связное цѣлое, составляютъ ту душевную субстанцію, отрицаніемъ которой именно и опредѣляется смыслъ актуальной теоріи души. Феноменальной текучести сознанія, феноменальному потоку сознанія противопоставляются здѣсь реальная неизмѣнность «элементовъ». И если эту постулируемую связь мы назовемъ субстанціей, то мы будемъ правы, такъ какъ передъ нами модифицированное понятіе субстанціи. И недаромъ Зигвартъ говоритъ, что споръ о субстанціи есть споръ о словахъ!..

Мы полагаемъ однако, что актуальное пониманіе душевной жизни трудно примирить съ понятіемъ неизмѣнности тѣхъ или иныхъ психическихъ величинъ. Вѣдь основнымъ аргументомъ противъ принятія душевной субстанціи является указаніе на тотъ фактъ, что психическое намъ дано, какъ процессъ, какъ вспыхивающее и исчезающее состояніе. Базируя на точномъ самонаблюденіи, актуальное пониманіе души ограничивается тѣмъ пониманіемъ душевной жизни, которое является «даннымъ», — и феноменализмъ является оборотной стороной теоріи, изго-

¹⁾ См. Wundt. Phys. Psych. 5 Aufl. B. III, 560.

няющей душевную субстанцію изъ системы психологическихъ понятій. И съ этой точки зрѣнія, единственное, на что уполномочиваетъ насъ опытъ—это признаніе, что многія наши состоянія осложняются сознаниемъ ихъ принадлежности къ прошлому. Время и память,—это два соотносительныхъ понятія, долженствующія имѣть чисто субъективную природу. Если же въ пользу ихъ объективно психологическаго значенія указывать на то, что у насъ не могло бы быть иллюзіи памяти, если бы не было самой памяти,—то этотъ аргументъ является мнимымъ. Вѣдь если даже признать реальность памяти, то и тогда не исчезаетъ проблема—какъ мы знаемъ, что существуетъ память. Сознаніе памяти—проблема, имѣющая одинаковый смыслъ при признаніи и при отрицаніи реальности памяти,—и потому аргументомъ въ пользу реальности памяти служить не можетъ.

Итакъ, феноменальное изученіе души требуетъ устраненія понятія воспроизведенія и весь вопросъ о воспроизведеніи сводится къ проблемѣ сознанія воспроизводимости. Г. Нечаеву принадлежитъ въ этомъ отношеніи та несомнѣнная и крупная заслуга, что онъ съ достаточной опредѣленностью сталъ на эту точку зрѣнія. Какъ мы видѣли, его аргументація слаба, его выводы, какъ мы сейчасъ увидимъ, убійственны—но самая постановка вопроса, вполне оправдываемая актуалистическими тенденціями современной психологіи, заслуживаетъ безусловнаго вниманія.

Выше мы указали, что понятіе опыта опирается на понятіе воспроизведенія; поэтому изгнаніе понятія воспроизведенія *немыслимо*. И къ чему сводится проблема познанія при отрицаніи воспроизведенія? Къ различенію законмѣрныхъ и случайныхъ иллюзіи воспроизведенія?

Не только понятіе опыта опирается на понятіе воспроизведенія, но и самый *процессъ* опыта предполагаетъ воспроизведеніе (это настолько ясно, что и аргументировать излишне). Поэтому, если у насъ возникло сомнѣніе въ объективности воспроизведенія, мы теряемъ почву для критики этого сомнѣнія: мышленіе со всѣмъ его сложнымъ аппаратомъ ничего не можетъ помочь намъ, если заподозрѣна познавательная годность тѣхъ элементовъ, которые дѣлаютъ возможнымъ познавательный процессъ. Фатальный кругъ, въ который мы попадаемъ, не даетъ выхода: какъ для рѣшенія вопроса о цѣнности логики приходится при-

бѣгать къ логикѣ же, т.-е. самой постановкой задачи рѣшать ее, такъ и въ нашемъ вопросѣ сомнѣніе въ воспроизведеніи психическихъ величинъ—въ процессѣ обсужденія уже несетъ рѣшеніе этого сомнѣнія: наша мыслительная дѣятельность существуетъ и тѣмъ самымъ существуетъ воспроизведеніе. Поэтому смыслъ представляющейся проблемы таковъ: либо признаніе (независимо отъ предѣловъ) реальности воспроизведенія, либо отказъ отъ мышленія.

Помимо затрудненій, связанныхъ съ конструкціей познавательнаго процесса при отрицаніи воспроизведенія (напр., теоріи воспріятія и т. д.), существуютъ и инныя психологическія затрудненія.—Потокъ психическихъ процессовъ, образующій психическую индивидуальность, можетъ состоять либо изъ диспаратныхъ, отдѣльныхъ моментовъ, объединяемыхъ сознаниемъ принадлежности единому «я» лишь въ результатѣ психическаго развитія,—либо можетъ состоять изъ моментовъ, связанныхъ въ дѣйствительное, невыводимое единство. Сознаніе единства и непрерывности психики можетъ быть признано поэтому либо производнымъ, либо непроизводнымъ. Въ первомъ случаѣ при конструкціи производности «я» приходится опираться на реальность воспроизведенія; но такъ какъ послѣднее неприемлемо для г. Нечаева, то ему слѣдовало бы признавать непроизводность сознанія «я». Но г. Нечаевъ на этой точкѣ зрѣнія не удерживается; сложная природа нашего «я» кажется ему не требующей доказательства, и онъ ставитъ себѣ задачу разложенія этого сознанія «я» на элементарные процессы. Но... и при этомъ ему приходится опираться на реальность воспроизведенія. Постараемся раскрыть это.

По конструкціи г. Нечаева сознаніе тождества нашего «я» является результатомъ комбинаціи двухъ процессовъ — неразличенія и различенія. Мы толковали это мѣсто такъ, что сознаніе неразличаемости, смѣняясъ сознаниемъ различія, порождаетъ при перевѣсѣ вниманія въ сторону перваго сознаніе тождества. Это сознаніе тождества выступаетъ *изолированно*, т.-е. каждый разъ образовывается наново. Но въ такомъ случаѣ непонятно образованіе *понятія* «я», тождественнаго самому себѣ; оно вѣдь можетъ окристаллизоваться лишь въ результатѣ накопленія изолированныхъ сознаній тождества «я». Съ другой стороны самая база, на которую опирается сознаніе тождества «я», оказывается *фиктив-*

ной. По г. Нечаеву, неразличеніе является—если можно такъ выразиться—*толымъ* состояніемъ сознанія—безъ малѣйшаго осложненія самосознаніемъ (см. Нечаевъ Ас. сх. стр. 227). Его смѣняетъ различеніе; какъ новый диспаратный моментъ это различеніе ничего, такъ сказать, не знаетъ о предыдущемъ неразличеніи; но вотъ возникаетъ третій моментъ—сознаніе, что имѣли мѣсто два процесса; это-то сознаніе, при концентрации вниманія въ сторону неразличенія, даетъ сознаніе тожества. Это именно сознаніе тожества и виситъ у г. Нечаева на воздухѣ: когда-то бывшая наличность уже исчезнувшаго для сознанія процесса неразличенія не можетъ дать начало сознанію, что тутъ имѣли мѣсто два процесса. Реального воспроизведенія нѣтъ, и сознаніе, что тутъ имѣли мѣсто два процесса, является иллюзіей, для объясненія которой бесполезно и ненужно предполагать, что эти два процесса дѣйствительно имѣли мѣсто. Иллюзія тожества оказывается ни на что не опирающейся, *невыводимой*; вывести ее можно было бы лишь въ случаѣ признанія реальности воспроизведенія...

Мы считаемъ, что г. Нечаеву не удалось освободиться отъ тѣхъ затрудненій, которыя создаются отрицаніемъ воспроизведенія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что воспроизведеніе является только *ипотезой*, невысказанной только на почвѣ актуальнаго пониманія души. И такъ какъ освобожденіе отъ услугъ понятія воспроизведенія является мнимымъ, то этимъ безповоротно осуждается актуальная теорія души.

Мы не разобрали однако еще одного аргумента г. Нечаева противъ необходимости прибѣгать къ понятію воспроизведенія. Мы намѣренно отдѣлили этотъ аргументъ, такъ какъ онъ связанъ съ соображеніями, отличными отъ тѣхъ, которыя мы до сихъ поръ излагали. Теперь перейдемъ къ обсужденію этого аргумента.

Разсмотримъ его въ той формѣ, которую придалъ ему г. Нечаевъ, возражая Вундту. Указывая, что по Вундту во всякой ассоціаціи имѣетъ мѣсто процессъ «соединенія равенства», состоящій въ томъ, что «новое впечатлѣніе вызываетъ къ жизни равные элементы прежнихъ впечатлѣній, которые сливаются съ одинаковыми элементами новаго впечатлѣнія», — г. Нечаевъ задаетъ вопросъ, чѣмъ отличается «равное» представленіе отъ того, которое послужило исходнымъ пунктомъ воспроизведенія. По-

чему говорить о *двухъ*, а не объ *одномъ* представленіи, только мѣняющемъ свою роль въ зависимости отъ общаго состоянія вниманія въ данный моментъ?

Значеніе этого вопроса, конечно, ясно. Если конструкція ассоціаціи включаетъ соединеніе равенства въ формѣ, данной Вундтомъ, то приходится прибѣгать къ услугамъ понятія воспроизведенія. Чтобы избѣжать этого, г. Нечаевъ старается видоизмѣнить конструкцію, данную Вундтомъ. Онъ проводитъ различіе между сознаниемъ тождества, когда члены, признаваемые тождественными, выступаютъ изолированно, и состояніемъ неразличенія, когда члены, объективно отдѣлимые, субъективно неотдѣлимы. Нашъ случай подходитъ подъ вторую формулу; надо только имѣть въ виду, что состояніе неразличенія г. Нечаевъ не признаетъ ассоціаціей. Нашъ однако интересуется—удалось ли г. Нечаеву въ этомъ случаѣ обойтись безъ гипотезы воспроизведенія?

Болѣе чѣмъ странно встрѣтить со стороны психолога замѣчаніе, что то, что субъективно неразличаемо, какъ два члена, въ дѣйствительности не есть два члена. Ошибки, которыя мы дѣлаемъ въ данномъ направленіи, давно уже создали трюизмъ, что можно смотрѣть и не видѣть, слушать и не слышать и т. д. Съ другой стороны, такъ какъ Вундтъ говоритъ объ элементахъ представленій, т.-е. о томъ, на что въ опытѣ мы никогда не можемъ натолкнуться,—то какимъ же образомъ можно призывать опытъ для рѣшенія нашего вопроса? Самъ г. Нечаевъ считаетъ однимъ изъ выводовъ экспериментальной психологіи то, что невозможно провести границу между отсутствіемъ того или иного психическаго звена или только его смутнымъ сознаваніемъ. Почему же въ области гипотетическихъ построеній онъ отвергаетъ схему, не содержащую противорѣчій?

Надо обратить вниманіе также и на то, что Вундтъ проводитъ различіе между двумя членами соединенія равенства не въ силу ихъ субъективнаго несходства, а въ силу ихъ объективной разнородности: первый членъ у него является «новымъ», второй воспроизведеннымъ. *Уничтожается ли это объективное различіе указаніемъ на субъективную неразличаемость членовъ?* Ясно, что это послѣднее ничего не говоритъ противъ реальности воспроизведенія.

Этими замѣчаніями мы покончимъ съ вопросомъ о воспроизведеніи у г. Нечаева. Укажемъ только, что вызываютъ недоумѣ-

ніе постоянныя ссылки г. Нечаева на Лемана, который всё свои конструкціи основывалъ на признаніи объективности воспроизведенія. Между тѣмъ г. Нечаевъ безъ оговорокъ присоединяется къ этимъ конструкціямъ, забывая о необходимости ихъ пересмотра.

Переходя къ частнымъ вопросамъ, затронутымъ г. Нечаевымъ въ его книгѣ, остановимся прежде всего на формулѣ ассоціаціи, предложенной имъ. Формула эта, какъ мы уже говорили, напередъ исключаетъ всё *новыя* сочетанія и потому является отзвукомъ *догматическихъ* тенденцій. Не факты должны сообразоваться съ формулой, а наоборотъ; поэтому прежде чѣмъ исключить новыя сочетанія, нужно было бы изслѣдовать вопросъ, существуютъ они или нѣтъ? Если нѣтъ,—то въ такомъ случаѣ установленіе формулы, предполагающей для всякой дѣйствующей ассоціаціи потенциальную, опирается на факты; но если они существуютъ, то какъ же съ ними быть? Самое правильное—признать формулу неудовлетворительной и отказаться отъ нея; но можно поступить и иначе: можно искусственно подвести подъ формулу неподводимое, либо признать то, что нельзя подвести, за сочетаніе, не могущее быть причисленнымъ къ ассоціаціи. На тотъ и другой путь ступилъ г. Нечаевъ вмѣсто того, чтобы отказаться отъ своей формулы; послѣдуемъ за нимъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что мы сказали.

Случаи такъ называемой ассоціаціи по сходству, которую г. Нечаевъ хочетъ подвести подъ свою формулу, онъ разбиваетъ на двѣ категоріи. Прослѣдимъ сперва за первой и разберемъ данный г. Нечаевымъ примѣръ, когда сходство устанавливается между исходнымъ пунктомъ воспроизведенія и воспроизводимымъ представленіемъ (я смотрю на незнакомое лицо А и вспоминаю образъ похожаго на него знакомаго—В.). Чтобы подвести данный случай подъ ассоціаціонную формулу, необходимо подыскать для дѣйствующей ассоціаціи А—В потенциальную ассоціацію $A_1—B_1$

Г. Нечаевъ считаетъ это возможнымъ, такъ какъ въ нашемъ случаѣ «предполагается существованіе по крайней мѣрѣ двухъ моментовъ сознанія, слѣдующихъ другъ за другомъ и определяемыхъ вліяніемъ *двухъ* ¹⁾ предшествующихъ переживаній, связанныхъ между собой отношеніями сосуществованія и послѣдо-

¹⁾ Курсивъ принадлежитъ намъ.

вательности». Прежде всего, при воспріятіи новаго лица мое вниманіе невольно обращается на извѣстныя («сходныя» съ предшествующимъ воспріятіемъ) черты,—и въ этомъ сказывается вліяніе прежняго опыта. Обозначимъ эту часть прежняго опыта A_1 и будемъ ее считать первымъ членомъ потенціальной ассоціаціи. Чтобы найти второй членъ потенціальной ассоціаціи (B_1) обратимъ вниманіе, что второй членъ дѣйствующей ассоціаціи (B) *узнается* мной, какъ воспринятый раньше,—и въ этой прибавкѣ къ образу, въ этомъ осложненіи его иллюзіей узнаванія опять-таки сказывается вліяніе прежняго опыта. Обозначимъ эту часть прежняго опыта черезъ B^1 и будемъ ее считать вторымъ членомъ потенціальной ассоціаціи. Такимъ образомъ формула заполнена, и намъ остается доказать, что оба члена потенціальной ассоціаціи A_1 и B_1 находились между собой въ отношеніи сосуществованія и послѣдовательности. Г. Нечаевъ утверждаетъ это, ничѣмъ не аргументируя въ защиту своего утвержденія; онъ только ссылается на Рабье и Брошара, какъ бы считая ихъ анализы разрѣшающими возникшій вопросъ. Но поскольку этимъ авторамъ г. Нечаевъ удѣлил мѣсто въ своей книгѣ, мы и у нихъ не находимъ ничего, кромѣ категорическаго отрицанія новыхъ сочетаній. Обратимся поэтому къ анализу примѣра, приведеннаго г. Нечаевымъ.—Обращаясь къ первому члену потенціальной ассоціаціи, мы видимъ, что вліяніе прежняго опыта A_1 сказывается въ томъ, что мы невольно обращаемъ вниманіе на опредѣленныя черты. Но этотъ первый членъ потенціальной ассоціаціи оказывается въ то же время и вторымъ ея членомъ, такъ какъ что же изъ прошлаго опыта можетъ обусловить иллюзію узнаванія, какъ не то же воспріятіе A_1 , которое уже было нами использовано, какъ первый членъ потенціальной ассоціаціи?

Во второй категоріи ассоціацій по сходству мы встрѣчаемся со случаями, когда сходство существуетъ между исходнымъ пунктомъ воспроизведенія и воспроизводимымъ представленіемъ, при чемъ это послѣднее въ свою очередь становится исходнымъ пунктомъ воспроизведенія (воспріятіе рѣки напоминаетъ ея имя потому что данное воспріятіе сходно съ другимъ, которое связано съ представленіемъ ея имени). Пусть данное воспріятіе A , воспроизводимый образъ прежняго воспріятія a ; требуется подыскать къ этой дѣйствующей ассоціаціи потенціальную. Г. Не-

чаевъ считаетъ это настолько легкимъ, что ограничивается только категорическимъ утвержденіемъ, что это возможно. Мы же думаемъ, что и въ этомъ случаѣ потенциальная ассоціация будетъ состоять изъ одного члена: вѣдь тотъ же прошлый опытъ A_1 , который обусловливаетъ характеръ воспріятія A ,— онъ же обусловливаетъ и иллюзію воспроизводимости при a ...

Если формула г. Нечаева оказывается догматической, исключаяющей новыя сочетанія, не охватывающей случаевъ ассоціации по сходству, то отсюда неизбѣженъ выводъ о ея непригодности для цѣлей систематизации фактовъ. Какъ на одну изъ характерныхъ попытокъ сохранить эту формулу при ясномъ противорѣчьи ея фактамъ, укажемъ на то положеніе г. Нечаева, въ которомъ онъ говоритъ, что случаи такъ называемаго неразличенія неподводимы подъ понятіе ассоціации. То неразличеніе, въ которомъ выступаютъ разнородные, но неразличаемые нами члены (a —элементъ воспріятія и a_1 —воспроизводимый, равный a элементъ), г. Нечаевъ сравниваетъ съ тѣмъ неразличеніемъ, которое имѣетъ мѣсто, когда мы испытываемъ одно длительно ощущеніе. Его тоже можно разбить на члены, но эта возможность вовсе не оправдываетъ примѣненія въ послѣднемъ случаѣ понятія ассоціации. Мы вполне съ этимъ согласны, но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что сочетаніе разнородныхъ членовъ, *стоящихъ другъ съ другомъ въ причинной связи*, но не различаемыхъ нами (въ силу условій вниманія),—тоже не можетъ быть признано ассоціацией?

Формула г. Нечаева не только не пригодна для цѣлей систематизации психологическихъ фактовъ, но она вызываетъ сомнѣнія и съ другой стороны. *Остается совершенно непонятнымъ, почему ассоціаціонная цѣпь должна состоять непременно изъ 4-хъ, а не изъ 2-хъ членовъ?* Дѣло въ томъ, что по г. Нечаеву на долю теоріи ассоціации выпадаетъ задача «выяснить причины, создающія необходимость считать вновь возникающія въ сознаніи состоянія за воспроизведеніе чего-то пережитого нами». Слѣдуетъ обратить вниманіе на объемъ той проблемы, о которой здѣсь идетъ рѣчь. Вопросъ здѣсь не о *причинъ появленія* того или иного состоянія сознанія, а о причинѣ закономернаго осложненія иныхъ состояній сознанія иллюзіей воспроизведенія. Вотъ эту-то иллюзію и призвана объяснить теорія ассоціации. Если же мы возьмемъ ассоціаціонную цѣпь $A-X-B-C$, то ясно, что

осложненіе иллюзіей воспроизведенія прекрасно можетъ быть объяснено тѣмъ, что было когда-то Х. Вѣдь мы не спрашиваемъ, почему появилось С, а не Д (для отвѣта на этотъ вопросъ въ случаѣ ассоціаціи по смежности дѣйствительно необходимо 4 члена); мы спрашиваемъ только, почему С толкуется нами какъ воспроизводимое представленіе? Для отвѣта достаточно указать, что Х уже было (т.-е. для объясненія иллюзіи воспроизведенія достаточно наличности одного предшествующаго звена). Правда, Х можетъ вліять по Нечаеву лишь при помощи промежуточныхъ звеньевъ, а само по себѣ прямо вліять не можетъ. Но развѣ г. Нечаевъ самъ включаетъ въ формулу ассоціаціи эти промежуточные звенья?

Надо замѣтить, что г. Нечаевъ, ставя задачей теоріи ассоціаціи объясненіе иллюзіи воспроизведенія, нигдѣ не даетъ этого объясненія. Правда, г. Нечаевъ, повидимому считаетъ иллюзію воспроизведенія адекватной иллюзіи узнаванія. Мы однако считаемъ указанныя два понятія неадекватными. Конечно, объ узнаваніи воспріятій здѣсь рѣчи быть не можетъ; вопросъ состоитъ въ томъ,—узнаваніе представленій и сознаніе ихъ воспроизводимости одно ли и то же? Надо имѣть въ виду, что понятіе воспроизведенія шире понятія узнаванія; мы часто оперируемъ съ понятіемъ объективнаго воспроизведенія, не сопровождаемаго узнаваніемъ. Мы можемъ говорить и говоримъ о «произвольномъ воспроизведеніи», но не можетъ говорить о «произвольномъ узнаваніи» (когда мы стараемся узнать вещи, которыя мы, по увѣренію другихъ, должны знать, то мы стараемся воспроизвести подходящія представленія; такимъ образомъ можно говорить о произвольномъ воспроизведеніи для цѣлей узнаванія, а не о произвольномъ узнаваніи). Воспроизведеніе — это понятіе, касающееся психогенеза представленій; узнаваніе, *базируя на воспроизведеніи*, касается установленія связи между частями переживаемаго. Если бы въ нашемъ непосредственномъ сознаніи, въ томъ, что г. Нечаевъ называетъ иллюзіей воспроизведенія, не было бы элементовъ, отличающихъ ее отъ иллюзіи узнаванія,—то мы не могли бы, опираясь на постоянно текущій психологическій опытъ, наполнять различнымъ содержаніемъ понятія, базирующія на одномъ и томъ же матеріалѣ. Поэтому мы думаемъ, что объясняя, чему обязано узнаваніе, мы еще не объясняемъ сознанія воспроизводимости...

Но если даже такъ, то все же приходится поставить г. Нечаеву на видъ, что, объѣщавъ въ теоріи ассоціаціи дать объясненіе узнаванія, онъ включаетъ въ него моментъ, стоящій внѣ сферы теоріи ассоціаціи. Мы имѣемъ въ виду неразличеніе, которое приходится г. Нечаеву допустить въ составъ понятій, необходимыхъ для объясненія узнаванія.

Этимъ мы заканчиваемъ наши критическія замѣчанія, не считая возможнымъ входить въ болѣе детальную критику. Мы старались главнымъ образомъ показать зыбкость той теоретической почвы, на которой стоитъ г. Нечаевъ; для насъ было важно показать, что въ трудѣ г. Нечаева мы не находимъ того, чего отъ него слѣдовало ожидать. Помимо специальныхъ задачъ, каждый трудъ, частично учитывающій историческое развитіе психологической мысли, долженъ выяснитъ тѣ общія перспективы, которыя подсказываются частнымъ вопросомъ. Безъ этого, какъ и безъ критическаго отношенія къ основнымъ принципамъ современной психологіи, эти частичные итоги теряютъ свою цѣнность и пріобрѣтаютъ характеръ справочной книги. Тѣмъ не менѣе мы считаемъ книгу г. Нечаева безусловно цѣннымъ вкладомъ въ нашу психологическую литературу. Знакомство съ новыми теченіями въ теоріи ассоціаціи книга г. Нечаева даетъ во всякомъ случаѣ. Но помимо этого, оригинальная часть книги г. Нечаева представляетъ крупный психологическій интересъ, какъ попытка устранить изъ обихода психологическихъ понятій понятіе воспроизведенія. Съ взглядами г. Нечаева во всякомъ случаѣ *нельзя не считаться*, а это говоритъ само за себя...

Вопросъ объ ассоціаціи сходства въ рѣшеніи г. Нечаева получаетъ такую форму. Ассоціаціонная цѣпь включаетъ въ себя 4 члена, и потому подъ понятіе ассоціаціи подходятъ лишь тѣ случаи, которые удовлетворяютъ этому условію. Этимъ самымъ подъ понятіе ассоціаціи не подходятъ новыя сочетанія; такими однако, по мнѣнію г. Нечаева, не оказываются ассоціаціи по сходству: они могутъ быть подведены подъ формулу ассоціаціи. Этимъ опредѣляется ясно, что понятіе ассоціаціи по сходству никакого научнаго значенія имѣть не можетъ, такъ какъ фактически существуютъ только ассоціаціи по смежности.

О сходствѣ же, которое мы устанавливаемъ между членами ассоціаціонной цѣпи, можно говорить въ цѣляхъ практическихъ, въ цѣляхъ удобства, но мыслить при этомъ то, что раньше мыслили, говоря объ ассоціаціи сходства, нельзя. Случаи непосредственнаго узнаванія, которое было главнымъ аргументомъ въ пользу ассоціаціи по сходству, по мнѣнію г. Нечаева, прекрасно объясняются ассоціаціей по смежности, если только при этомъ опираться на понятіе непосредственной знакомости нашего «я».

Мы старались показать неприемлемость аргументаціи г. Нечаева, не высказываясь по вопросу, существуетъ ли ассоціація сходства. Основной аргументъ, заключающійся (по Гефдингу) въ томъ, что всякая ассоціація по смежности предполагаетъ ассоціацію по сходству, или что всякій ассоціативный процессъ (пользуясь формулировкой Вундта) предполагаетъ соединеніе равенства,—этотъ аргументъ, какъ мы видѣли, остается въ силѣ.

На нашъ взглядъ проблема ассоціаціи идей даетъ достаточно матеріала и для рѣшенія нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ психологіи. Мы считаемъ справедливыми слова проф. Лопатина, что «фактъ памяти представляетъ какъ бы *experimentum crucis* между феноменистическимъ и субстанціалистическимъ взглядомъ на душу»¹⁾ Разложеніе актуальной теоріи души, настоятельная необходимость метафизическихъ предположеній, — таковы на нашъ взглядъ симптомы торжества субстанціалистическаго взгляда на душу. И чѣмъ яснѣе, чѣмъ рѣзче будетъ это выступать въ работахъ, чѣмъ скорѣе уяснится та теоретическая почва, на которую приходится опираться при построении системы психологіи,—тѣмъ болѣе будетъ выиграно для развитія психологіи. Какъ экспериментальныя работы требуютъ ясной и опредѣленной методологической постановки задачи, такъ и психологическіе анализы должны опираться на систематически продуманную общую теорію души. И пока не уяснятся окончательно общіе принципы психологіи, до тѣхъ поръ ея развитіе будетъ идти такъ же медленно, такъ же зигзагообразно, какъ шло развитіе физико-химическихъ наукъ до Галилея и Ньютона, выяснившихъ основные принципы естествознанія.

В. Зѣньковскій.

¹⁾ Понятіе о душѣ по дан. вн. оп. „Вопр. Фил. и Псих.“ № 32 стр. 290.

Новыя книги и брошюры, полученныя въ редакціи:

Атлантикусь. Государство будущаго. Спб., 1906. Ц. 45 к. Ст. XI+167.

В. Бехтеревъ. Основы ученія о функціяхъ мозга. Вып. V. Спб., 1906. Ст. 371. Ц. 2 р.

Б. Бирманъ. Этическія исканія современности (къ психологін вѣка). Одесса, 1904. Ст. 42. Ц. 50 к.

Библиотека свободнаго воспитанія подъ редакціей И. Горбунова-Посадова.

Н. Н. Вентцель Освобожденіе ребенка. Москва, 1906. Ст. 16. Ц. 10 к.

А. Викторовъ. Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ приказовъ 1613—1725 гг. Вып. I. Москва, 1877. Ст. 1—376. Вып. II. Москва, 1883. Ст. 377—660.

Гильомень. Исповѣдь простаго челоуѣка. Спб., 1906. Ц. 70 к. Ст. II+224.

С. Ф. Годлевскій. Свобода и право. Спб. 1906. Ст. 28. Ц. 20 к.

Л. Дюпріе. Государство и роль министровъ въ Англіи. Спб., 1906. Ст. 138. Ц. 60 к.

Л. Дюпріе. Государство и роль министерства въ Пруссіи. Государство и роль канцлера въ Германіи. Перев. съ франц. Инины Гольденбергъ. Спб., 1906. Ст. 123. Ц. 60 к.

Его же. Государство и роль министерствъ во Франціи. Перев. съ франц. Е. М. Овсянникова. Спб., 1906. Ст. 161. Ц. 60 к.

Земля и трудъ. Изд. А. Е. Бѣляева. Спб., 1906. Ст. 63. Ц. 7 к.

Н. В. Краинскій. Энергетическая психологія. Вып. I. Вильна, 1906. Ст. 150.

Краткій указатель Пагріаршей ризницы въ Москвѣ. Москва, 1906. Ст. 48. Ц. 10 к. Иллюстр. 25 к.

Эрнестъ Кросби. Л. Н. Толстой, какъ школьный учитель. Пер. съ англ. Москва, 1906. Ст. 79. Ц. 40 к.

Библиотека „Новаго Воспитанія“. Подъ редакціей И. Горбунова-Посадова.

П. Лакомбъ. Воспитаніе, основанное на психології ребенка. Съ франц. Москва, 1906. Ст. 55. Ц. 30 к.

Ламеннэ. Слова вѣрующаго. Памфлетъ. Перев. съ франц. В. и А. Андрусонъ. Ц. 25 к. Ст. 106.

Ан. Лосицкій. Выкупная операція. Спб. 1906. Ц. 30 к. Ст. 56.

А. Луначарскій. Королевскій брадобрей. Пьеса въ семи картинахъ. Спб., 1906. Ст. 90. Ц. 30 к.

Антонъ Менгеръ. Новое ученіе о нравственности. Перев. съ нѣм. подъ ред. проф. М. А. Рейснеръ. Спб., 1906. Ц. 30 к. Ст. XX+92.

Д. С. Мережковскій. Теперь или никогда. Москва, 1906. Ст. 28. Ц. 20 к.

П. А. Некрасовъ. Къ обществу, родителямъ и педагогамъ. Основы общественныхъ и естественныхъ наукъ въ средней школѣ. Спб., 1906. Ст. 53. Ц. 20 к.

Мих. Оленовъ. Государство и страхование рабочихъ. Спб., 1906. Ст. 66. Ц. 20 к.

Отчетъ Одесской городской психіатрической больницы за 1904 годъ. Одесса, 1905. Ст. X+145.

Семень Петропавловскій. Къ философіи лжи. Спб., 1906. Ст. 64. Ц. 15 к.

Самоучитель чтенія рукописи XVII столѣтія. Москва, 1892. Ст. 32.

Isacov Segal. Ueber die Wohlgefälligkeit einfacher racumlicher Formen. Eine psychologisch—aestetische Untersuchung. Leipzig, 1906. P. 76.

И. Смоленскій. Исторія какъ наука и какъ предметъ преподаванія. Одесса, 1906. Ст. 175.

Н. Сперанскій. Вѣдьмы и вѣдовство. Москва, 1906. Ст. 201. Ц. 1 р. 40 к.

Андрей Станкевичъ. Католическая церковь въ современномъ движеніи русскаго общества. Ст. 14.

Библиотека для самообразованія.

XXIX. Г. Тардь. Преступникъ и преступленіе. Москва, 1906. Ст. XX+324. Ц. 1 р. 25 к.

Изданія „Посредника“.

Л. Н. Толстой. I. О жизни. II. Новое жизнепониманіе. Москва, 1906. Ст. 156. Ц. 30 к.

Кругъ чтенія. Избранныя, собранныя и расположенныя на каждый день Львомъ Толстымъ мысли многихъ писателей объ истинѣ, жизни и поведеніи. Ст. 535. Ц. 1 р. 60 к.

А. И. Успенскій. Древнія иконы изъ разныхъ церквей и частныхъ собраній. Москва, 1905.

Свящ. І. І. Успенскій. Церковь св. Сергія въ Рогожской. Москва, 1904.

Жоржъ Фонсегривъ. Элементы психологіи. Перев. подъ ред. П. Соколова. Изд. третье. Сергіевъ-Посадъ. Ст. XVI+384. Ц. 1 р. 25 к.

Брамана Чаттерджи. Сокровенная религіозная философія Индіи. Перев. съ 3-го фр. изд. Е. П. Калуга, 1906. Ст. IX+107. Ц. 70 к.

Извѣстія и замѣтки.

Проектъ перваго русскаго съѣзда по педагогической психологіи въ г. С.-Петербургѣ.

Съ каждымъ годомъ для русскаго общества все больше и больше выясняется важное значеніе психологіи въ дѣлѣ воспитанія. Со всѣхъ сторонъ раздаются жалобы на то, что школа не принимаетъ во вниманіе потребностей психической природы учащихся, что педагоги недостаточно освѣдомлены въ наукѣ о душевной жизни. Коренныя реформы школьнаго дѣла, такъ страстно ожидаемыя всѣми, несомнѣнно потребуютъ отъ педагогическихъ дѣятелей большихъ знаній изъ области современной педологіи и организациі цѣлаго ряда новыхъ педагогическихъ изслѣдованій. Для всего этого нужны подготовленные люди. Но вопросъ о подготовкѣ русскихъ психологовъ до сихъ поръ еще ждетъ своего разрѣшенія. Постановка преподаванія психологіи въ университетахъ (при недостаточномъ количествѣ психологическихъ лабораторіи) заставляетъ желать улучшеній. Въ связи съ этимъ находится и тяжелое положеніе преподавателей психологіи въ средней школѣ.

Понимая важность конкретнаго изложенія своего предмета, они въ то же время нерѣдко чувствуютъ себя совершенно безпомощными при организациі соотвѣтствующихъ опытовъ и демонстрацій, иногда прямо не зная, гдѣ можно было бы получить соотвѣтствующія указанія.

Школьные врачи, на которыхъ въ послѣднее время возлагается отвѣтственная обязанность слѣдить за психо-физическимъ развитіемъ учащихся и являться въ педагогическихъ совѣтахъ экспертами по многимъ вопросамъ умственной гигиены, испытываютъ въ настоящее время естественныя затрудненія, создан-

ныя отсутствіемъ у большинства изъ нихъ знакомства съ психологіей.

Взаимный обмѣнъ мнѣній и созданіе условій для совмѣстной работы врачей русскихъ учебныхъ заведеній и русскихъ психологовъ представляется теперь неотложной задачей.

Многочисленныя попытки официальныхъ учебныхъ реформъ не дали сколько-нибудь замѣтныхъ результатовъ.

Въ области частныхъ педагогическихъ начинаній тоже далеко не все можетъ быть признано одинаково прочнымъ. Хотячѣ педагогическіе взгляды поражаютъ своимъ разнообразіемъ и взаимными противорѣчіями. Выйти изъ всѣхъ этихъ трудностей можно только путемъ упорной научной работы. Необходимо сплотиться всѣмъ, кто дорожитъ идеей обоснованія педагогики на данныхъ точной психологіи. Необходимо ясно и точно формулировать потребность въ развитіи психологіи для современнаго русскаго общества. Необходимо организовать учрежденія, которыя способствовали бы развитію въ Россіи психологическихъ знаній.

Въ виду этого Совѣтъ Педагогическихъ Курсовъ, организованныхъ въ 1904 г., при Педагогическомъ Музеѣ военно-учебн. заведеній, беретъ на себя починъ въ организациі перваго русскаго съѣзда по педагогической психологіи.

1. Первый всероссійскій съѣздъ по педагогической психологіи созывается Совѣтомъ Педагогическихъ курсовъ.

2. Для этой цѣли Совѣтъ Педагогическихъ курсовъ образуетъ Организационный Комитетъ, въ составъ котораго входятъ: члены Педагогическаго отдѣла, а равно и лица, приглашенныя Совѣтомъ Педагогическихъ курсовъ, извѣстныя своими трудами по общественному и школьному воспитанію.

3. Организационный комитетъ подъ предсѣдательствомъ директора педагогическаго музея избираетъ двухъ товарищей предсѣдателя, казначея, секретаря и завѣдующаго выставкой.

4. При съѣздѣ устраиваются краткосрочныя педагогическіе курсы демонстраціоннаго характера, имѣющіе цѣлью ознакомленіе съ психо-физической природой дѣтей и ея изслѣдованіемъ путемъ экспериментальнаго метода, при помощи аппаратовъ, имѣющихся въ состоящей при педагог. муз. лабораторіи эксперимент. педагогической психологіи.

5. При съѣздѣ же организуется выставка аппаратовъ и діаграммъ, относящихся къ изслѣдованію психо-физической природы дѣт-

скаго возраста, а также книгъ и брошюръ по этому вопросу, равно какъ и новѣйшихъ трудовъ въ области психологіи и физиологіи вообще.

6. Занятія съѣзда продлятся въ теченіе пяти дней съ 31-го мая по 4-е іюня 1906 г.

7. Курсы начнутся непосредственно послѣ съѣзда и продлятся 10 дней.

8. Выставка будетъ открыта во все время съѣзда и курсовъ.

9. Съѣздъ имѣетъ цѣлью обсужденіе слѣдующихъ вопросовъ:

а) Психологія какъ предметъ преподаванія въ высшей и средней школѣ.

б) Психологія въ ея отношеніи къ школьной гигиенѣ.

в) Психологическія основы воспитанія и обученія.

10) Подготовительная работа къ съѣзду ведется Организационнымъ Комитетомъ.

11. Въ случаѣ необходимости Организационный Комитетъ образуетъ секціи по отдѣламъ программы.

12. Члены Организационнаго Комитета, образовавшіе секціи, избираютъ изъ своей среды завѣдующаго секціей, его замѣстителя и секретаря.

13. Въ засѣданіяхъ секцій во время самаго съѣзда члены каждой секціи выбираютъ изъ своей среды предсѣдателя секціи и секретаря на каждое засѣданіе.

14. Членами съѣзда могутъ быть: преподаватели въ высшей и средней школѣ, врачи учебныхъ заведеній, представители ученыхъ обществъ и учебно-воспитательныхъ учреждений; лица, заявившія себя трудами въ области психологіи, физиологіи и школьной гигиены, а также слушатели педологическихъ курсовъ, физиологіи и школьной гигиены, а также слушатели педологическихъ курсовъ, заним. въ лабор. педагог. психол.

15. Лица, желающія участвовать въ съѣздѣ, заявляютъ объ этомъ Организац. Комитету до 20-го мая и вносятъ одновременно съ заявленіемъ членскій взносъ въ размѣрѣ трехъ рублей, за что имѣютъ право на бесплатное полученіе печатнаго отчета о трудахъ съѣзда.

16. Гостями съѣзда могутъ быть всѣ лица, интересующіяся педагогической психологіей и школьной гигиеной.

17. Доклады по вопросамъ, назначеннымъ къ обсужденію на съѣздѣ, представляются въ Организац. Комитетъ съѣзда не позже

15-го мая по адресу: С.-Петербургъ, Педагогическій музей, Фонтанка, 10.

18. По открытіи сѣзда новыя доклады могутъ быть допущены не иначе, какъ съ разрѣшенія предсѣдателя сѣзда.

19. Доклады, читаемые на сѣздѣ не должны занимать болѣе 30 мин.; во время же обсужденія рѣчь каждаго отдѣльнаго лица не должна продолжаться болѣе 5 мин.

20. Заключенія сѣзда постановляются простымъ большинствомъ участвующихъ въ засѣданіи членовъ сѣзда.

21. Постановленія сѣзда будутъ печататься въ отчетѣ объ его засѣданіяхъ.

За справками обращаться: С.-Петерб., Фонтанка, 10, Психологич. Лабор., Бюро сѣзда.

«Въ Собраніи Организационнаго комитета по устройству сѣзда 5-го апрѣля избраны товарищами предсѣдателя ак. В. М. Бехтеревъ, П. Ф. Каптеревъ и А. П. Нечаевъ, казначеемъ А. А. Крогусъ и секретаремъ М. И. Конововъ. Въ числѣ другихъ предложены къ чтенію на сѣздѣ доклады: Проф. *Ланге*: «О преподаваніи психологіи въ университетѣ». Пр. *Челпанова*: «О преподаваніи психологіи въ средней школѣ». П. Ф. *Каптерева*: «Аналогіи въ развитіи человѣка и человѣчества». Д-ра *М. С. Морозова*: «Объ умственной усталости».

Кромѣ того намѣченъ рядъ докладовъ: ак. И. П. Павлова, проф. Ивановскаго, Д. А. Дриля, В. Е. Игнатъева, П. Д. Енько, Ц. П. Балталона, д-р. Трошина, Маляревскаго и друг.

Московское Психологическое Общество.

ССХХІІ. Протоколъ экстреннаго распорядительнаго собранія 24 сентября 1905 года.

Засѣданіе было открыто въ залѣ Правленія Университета въ 9^{1/4} часовъ вечера, подъ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина, при секретарѣ Н. Д. Виноградовѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ Общества: А. О. Бачинскаго, А. Н. Бернштейна, Д. В. Викторова, П. Д. Первова, Ѡ. А. Савей-Могилевича и П. В. Тихомирова (въ половинѣ засѣданія явился В. П. Сербскій).

Въ засѣданіи, между прочимъ, происходило слѣдующее:

1) Обсуждался вопросъ о крайне затруднительномъ финансовомъ положеніи Общества въ дѣлѣ изданія журнала «Вопросы Философіи и Психологіи». Послѣ продолжительнаго обмѣна мыслей, въ которомъ принимали участіе всѣ присутствующіе, собраніе пришло къ слѣдующимъ постановленіямъ: а) Извѣстить о затруднительномъ положеніи Общества С.-Петербургское Философское Общество, въ надеждѣ, что оно придетъ на помощь, ибо оно признаетъ свое содѣйствіе въ дѣлѣ изданія журнала; б) приступить къ немедленному сбору членскихъ взносовъ какъ за текущей годъ, такъ и за предшествующіе; сборъ съ московскихъ членовъ долженъ быть произведенъ при помощи особаго лица (разсылнаго конторы журнала); а иногороднымъ членамъ должны быть посланы особыя извѣщенія; всѣ эти лица должны быть предувѣдомлены о сборѣ черезъ спеціальныя извѣщенія, въ которыхъ должно быть указано на крайне затруднительное финансовое положеніе Общества; с) сдѣлать заемъ по подпискѣ среди членовъ Общества, но такъ, чтобы собранная сумма разматривалась не какъ пожертвованіе, а какъ долгъ Обществу,

которое беретъ на себя обязательство постепенно его уплачивать; д) въ случаѣ недостаточности собранныхъ всѣми указанными способами средствъ уполномочить казначея Общества Н. А. Абрикосова сдѣлать заемъ для Общества подъ обезпеченіе изданіями Общества; е) для покрытія предположенныхъ займовъ и вообще для увеличенія средствъ Общества устроить, по возможности въ ближайшее время, рядъ публичныхъ лекцій, при содѣйствіи московскихъ и иногородныхъ лекторовъ.

2) Послѣ предшествующихъ постановленій были прочитаны и утверждены протоколы двухъ предыдущихъ засѣданій.

3) Была произведена баллотировка, предложенныхъ въ предыдущемъ засѣданіи въ дѣйствительные члены Общества: В. М. Хвостова и М. О. Шайкевича и въ члены соревнователи Н. П. Ферстеръ. Всѣ трое оказались избранными единогласно.

Засѣданіе закрыто въ 11 ч. вечера.

ССХХІІІ. Протоколъ экстреннаго закрытаго засѣданія 7-го октября 1905 года по случаю кончины товарища предсѣдателя Общества кн. С. Н. Трубецкого.

Передъ засѣданіемъ, происходившемъ въ залѣ Правленія Университета, дѣйствительнымъ членомъ Общества протоіереемъ Н. А. Елеонскимъ была отслужена панихида по скончавшемся товарищѣ предсѣдателя Общества кн. С. Н. Трубецкомъ.

Засѣданіе было открыто въ 9¹/₄ ч. вечера подъ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина, при секретарѣ Н. Д. Виноградовѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: Ю. И. Айхенвальда, К. А. Андреева, Н. Н. Баженова, А. Н. Бернштейна, К. М. Быковского, А. С. Бѣлкина, Д. В. Викторова, К. Я. Грота, Н. А. Иванцова, Н. П. Корелиной, С. А. Котляревскаго, гр. И. А. Мамуны, Б. К. Млодзѣвскаго, П. И. Новгородцева, А. Г. Петровскаго, П. В. Преображенскаго, М. Н. Розанова, Г. И. Россолимо, Э. А. Савей-Могилевича, В. Э. Саводника, В. П. Сербскаго, кн. Е. Н. Трубецкого, В. М. Хвостова, М. О. Шайкевича, члена-соревнователя М. А. Коринской, стороннихъ посѣтителей, Б. А. Фохта и М. П. Поливанова и ближайшихъ родственниковъ покойнаго кн. С. Н. Трубецкого.

Въ засѣданіи, между прочимъ, происходило слѣдующее:

1) Л. М. Лопатинъ произнесъ прочувствованное слово, содержащее характеристику личности и міросозерцанія покойнаго князя С. Н. Трубецкого. Слово было выслушано присутствующими стоя.

2) Сторонніе посѣтители Общества, ученики кн. С. Н., Б. А. Фохтъ и М. П. Поливановъ, прочли свои воспоминанія о С. Н., какъ о профессорѣ и учредителѣ студенческихъ организацій.

Послѣ перерыва въ 10 минутъ д. ч. Общества С. А. Котляревскій произнесъ прочувствованное слово памяти С. Н., онъ старался подчеркнуть тѣсную связь между общимъ философскимъ міросозерцаніемъ С. Н. и его общественными взглядами.

4) Обсуждался вопросъ о чествованіи и увѣковѣченіи памяти кн. С. Н. Трубецкого; а) Л. М. Лопатинъ сообщилъ о возложеніи отъ имени Общества вѣнка на гробъ С. Н.; б) Общество постановило выразить (письменно) свое глубокое соболѣзнованіе по поводу кончины С. Н. вдовѣ покойнаго кн. П. В. Трубецкой (осуществленіе этого постановленія возложено на предсѣдателя и секретаря); в) постановлено повѣсить портретъ С. Н. въ редакціи журнала «Вопросы Философіи и Психологіи» (пока Общество не имѣетъ особой залы для своихъ собраній.) При этомъ рѣшено воспользоваться предложеніемъ члена-соревнователя Общества художника К. Н. Горскаго, принявшаго готовность написать портретъ С. Н., и благодарить художника; д) Л. М. Лопатинъ сообщилъ о трехъ предложеніяхъ, намѣченныхъ совѣтомъ Общества для чествованія памяти С. Н.; а) устроить торжественное засѣданіе въ память С. Н. съ рефератами, посвященными характеристикѣ личности и міровоззрѣнія покойнаго С. Н.; б) посвятить одну изъ книжекъ журнала «Вопросы Философіи и Психологіи» памяти С. Н., при чемъ въ этой книжкѣ должны быть помѣщены и упомянутые рефераты; в) издать сборникъ статей С. Н., разбѣянныхъ по разнымъ періодическимъ изданіямъ. Всѣ эти предложенія приняты Обществомъ, при чемъ относительно послѣдняго (изданія сборника) постановлено предварительно снестись съ семьей покойнаго С. Н., которая задумываетъ аналогичное изданіе. Принято также предложеніе А. С. Бѣлкина, чтобы названный сборникъ предварялся біографическимъ очеркомъ С. Н.; е) В. П. Сербскій, съ своей стороны, сдѣлалъ также три предложенія для увѣковѣченія памяти С. Н.

1) учредить при Психологическомъ Обществѣ премію или медаль за лучшіе труды изъ области философіи, причѣмъ средства на этотъ предметъ должны быть собраны путемъ подписки; II) присвоить одному изъ засѣданій Психологическаго Общества (въ первой половинѣ каждаго учебнаго года) названіе «засѣданіе имени кн. С. Н. Трубецкаго»; III) возбудить ходатайство отъ имени Психологическаго Общества передъ городскимъ управленіемъ о переименованіи одной изъ улицъ, на которыхъ стоитъ Университетъ (Моховой или Б. Никитской) въ «улицу кн. Трубецкаго». Первое изъ этихъ предложеній (относительно преміи) было принято Обществомъ; постановлено поручить Совѣту Общества избрать особую комиссію для окончательной разработки вопроса о преміи; два другія предложенія отклонены Обществомъ. IV) Г. И. Россолимо предложилъ собрать всѣ портреты С. Н. (начиная съ ранняго дѣтства) и составить изъ нихъ альбомъ, который, поддерживая постоянную память о С. Н., въ то же время могъ-бы служить цѣлямъ антропологическаго и психологическаго изученія. Предложеніе это принято Обществомъ и Г. И. Россолимо поручено приступить къ составленію названнаго альбома, а Л. М. Лопатинъ обѣщаль свое содѣйствіе, въ видѣ обращенія къ семьѣ покойнаго за полученіемъ необходимыхъ фотографій.

5) Въ послѣдней части засѣданія обсуждались вопросы, не имѣющіе непосредственнаго отношенія къ предмету настоящаго собранія: а) дѣйствительный членъ Общества В. Θ. Саводникъ сообщилъ о желаніи одного лица учредить при Психологическомъ Обществѣ премію за лучшее сочиненіе на тему: «Философія войны». Г. Саводникъ прочелъ при этомъ проектъ условій, предложенныхъ учредителемъ преміи. Общество, обсудивъ эти условія, нашло требованія, предъявленныя учредителемъ къ автору сочиненія на указанную тему, слишкомъ широкими и невыполнимыми силами одного лица и въ виду этого постановило просить г. Саводника сообщить учредителю преміи, что Общество желало бы измѣненія предложенныхъ условій въ смыслѣ суженія задачи сочиненія. Свое окончательное рѣшеніе относительно этого предложенія Общество постановило отложить до получения отвѣта отъ учредителя; б) обсуждался вопросъ о пользованіи процентами съ преміи Д. А. Столыпина. Секретарь прочелъ копію съ письма Д. А. Столыпина, приложенную къ протоколу засѣданія Общества 3-го декабря 1888 года, гдѣ сказано, что

проценты съ этой преміи могутъ быть израсходованы по усмотрѣнію комиссіи, избранной для присужденія преміи. Общество постановило избрать въ ближайшемъ засѣданіи комиссію—въ томъ составѣ, какой указанъ въ письмѣ Д. А. Столыпина (предсѣдатель или товарищъ предсѣдателя Общества и 4 члена: два философа и два натуралиста).

Засѣданіе закрыто въ 12 ч. ночи.

Открыта подписка на 1906 годъ
НА ЖУРНАЛЫ
„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“
И
„ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“,

ИЗДАВАЕМЫЕ ПРИ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

1) „Церковный вѣстникъ“—еженедѣльный журналъ, служащій органомъ богословской мысли и церковно-общественной жизни въ Россіи и за границей.

2) „Христіанское чтеніе“—ежемесячный журналъ, органъ богословской и церковно-исторической науки въ общедоступномъ изложеніи.

Въ качествѣ *приложенія* къ журналамъ редація съ 1895 г. издаетъ и въ 1906 г. заканчиваетъ изданіемъ

**Полное Собраніе Твореній Св. Іоанна
Златоуста**

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Условія подписки:

а) *Отдѣльно* за „Церковный Вѣстникъ“ **пять руб.**, съ приложеніемъ 12-го тома „Златоуста“—**6 р. 50 к.**, въ переплетѣ **7 руб.**; за „Христіанское Чтеніе“ **пять руб.**, съ приложеніемъ 12-го тома „Златоуста“—**6 р. 50 к.**, въ переплетѣ **7 руб.**

б) *За оба журнала вмѣстѣ* **восемь руб.**, съ приложеніемъ 12-го тома „Златоуста“—**9 руб.**, въ переплетѣ **9 р. 50 к.**

За границей:

за оба журнала **10 руб.**, съ приложеніемъ 12-го тома „Златоуста“—**11 р. 50 к.**, въ переплетѣ **12 р.**; за каждый журналъ *отдѣльно* **7 руб.**, съ приложеніемъ 12-го тома „Златоуста“—**9 руб.**, въ переплетѣ **9 р. 50 к.**

Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: **Въ редакцію „Церковнаго Вѣстника“ и „Христіанскаго Чтенія“ въ С.-Петербургѣ.**

Подписывающіеся въ С.-Петербургѣ обращаются въ контору редакціи (*Невскій пр. 182, ка. 10*), гдѣ можно получать также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія и разсылки при „Церк. Вѣстникѣ“.

Редакторы проф. *Д. Миртовъ.*
прсф. *П. Смирновъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА
„БОГОСЛОВСКИЙ ВѢСТНИКЪ“

1906 ГОДА (XV ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

ТВОРЕНІЙ БЛАЖЕННАГО ТЕОДОРИТА, ЕПИСКОПА КИРСКАГО.

Въ качествѣ *собственнаго приложения* къ журналу „Богословскій Вѣстникъ“ всѣмъ подписчикамъ его въ 1906 г. будутъ высланы:

ТРЕТИЙ И ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЫ

ТВОРЕНІЙ БЛАЖЕННАГО ТЕОДОРИТА, ЕПИСКОПА КИРСКАГО.

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Подписная цѣна на „Богословскій Вѣстникъ“ совмѣстно съ приложеніемъ двухъ томовъ твореній блаженнаго Теодорита

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.

Прим. безъ пересылки семь рублей, за границу—десять.

Допускается подписка на журналъ *безъ приложения* (Цѣна 7 р.). Допускается разсрочка на два срока (при подпискѣ 4 р. и къ 1 іюля 4 р.), или на три срока (при подпискѣ 3 р., къ 1 іюля 3 р. и къ 1 октября 2 р.): Подписавшіеся на журналъ *безъ приложения* пользуются такой разсрочкой: на два срока при подпискѣ 4 р., къ 1 іюля 3 р.); на три срока (при подпискѣ 3 р., къ 1 іюля 2 р. и къ 1 октября 2 р.). За перемѣну адреса 20 к.

Прим. Новые подписчики, желающіе получить I и II томы твор. бл. Теодорита, должны заявить о семъ редакціи, при чемъ обозначить, какое изданіе они желаютъ имѣть, новое ли — 2 р. за оба тома, или старое — 1 р. (Текстъ въ обоихъ изданіяхъ тождественный).

Адресъ редакціи: Сергіевъ посадъ, Московск. губ., въ редак. „Богословскаго Вѣстника“.
 Редакторъ проф. И. ПОПОВЪ.

25 годъ
изданія

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1906 Г.

25 годъ
изданія

„РЕБУСЪ“ Единственный въ Россіи
 популярно - научный ЖУРНАЛЪ

по вопросамъ спиритуализма, психизма и медиумизма.

(Обзоръ и изслѣдованіе малоизвѣстныхъ теорій и фактовъ: телепатіи, ясновидѣнія, передачи мыслей, раздвоенія личности, одержанія, сомнамбулизма, животнаго магнетизма, медиумизма, гипнотизма и явленій спиритизма.)

Независимое слово внѣ школь и партій о всѣхъ спорныхъ вопросахъ науки и жизни.

Выходить не менѣе 2-хъ разъ въ мѣсяцъ выпусками отъ одного до 3-хъ печатныхъ листовъ. Статьи по мѣрѣ надобности сопровождаются пояснительными чертежами, рисунками и портретами.

Помѣщаются отзывы о новыхъ и старыхъ книгахъ; разъясненія и отвѣты редакціи на запросы и письма подписчиковъ. Въ литературномъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться повѣсти, разсказы, романы, стихотворенія и новеллы, соотвѣтствующіе направленію журнала.

Подписная цѣна: въ Россіи: на годъ 5 руб., на $\frac{1}{2}$ года 3 руб.
 За границу на годъ 6 р., на $\frac{1}{2}$ года 3 р. 50 к.

Отдѣльный номеръ въ продажѣ 25 к. (можно высылать почтовыми марками).

Подписка принимается: въ Москвѣ: въ редакціи журнала — Арбатъ, домъ Нейдгартъ, кв. № 12, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ въ Россіи.

Открыта подписка на журналъ
„ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ“

въ 1906 году,

выходитъ ежемѣсячно.

Кромѣ 12 книгъ журнала, подписчики получаютъ въ 1906 году

Атласъ картинъ по Русской исторіи,

выпускъ 4-й, заключаетъ въ себѣ слѣдующія картины:

- 1) Потѣшныя, 2) Петръ Великій за границей, 3) Флотъ Петра Великаго,
 - 4) Солдаты Петра Великаго, 5) Заѣзданіе Сената при Петрѣ Великомъ,
 - 6) На улицѣ Петербурга въ Петровское время, 7) Въ Лѣтнемъ саду при Петрѣ Великомъ.
- Картинны исполнены автотипіей по оригинальнымъ рисункамъ. Объяснительный текстъ къ картинамъ подъ общимъ заглавіемъ „Изъ прошлаго Русской земли“, составленный С. Клязьковымъ, будетъ приложенъ къ атласу въ видѣ отдѣльной книжки, какъ особый выпускъ изданія „Библиотека Дѣтскаго Отдыха“.

Журналъ предназначенъ для дѣтей старшаго возраста. ДОПУЩЕНЪ въ ученическія бібліотеки всѣхъ низшихъ училищъ, въ бесплатныя народныя читальни и въ бібліотеки средн. учебн. заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой и пересылкой 6 руб.

Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ конторѣ журнала въ С.-Петербургѣ, Загородный пр., 28.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ ЛИТЕРАТУРНАГО ФОНДА.

ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ 2 ИЗДАНИЕМЪ

СБОРНИКЪ

„НА СЛАВНОМЪ ПОСТУ“.

Сборникъ этотъ былъ составленъ и изданъ въ ознаменованіе сорокалѣтія литературной дѣятельности покойнаго Н. К. Михайловскаго.

ЦѢна 3 руб.

Открыта подписка на 1906-й годъ

VII-й г.

НА ИЗДАЮЩУЮСЯ ВЪ ГОРОДѢ ХАРБИНѢ ГАЗЕТУ

VII-й г.

„НОВЫЙ КРАЙ“.

ГАЗЕТА БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ПО ПРЕЖНЕЙ ПРОГРАММѢ
Е Ж Е Д Н Е В Н О,

ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМЪ ДНЕЙ ПОСЛѢПРАЗДНИЧНЫХЪ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

	На годъ	полгода	3 мѣс.	2 мѣс.	1 мѣс.
Городскіе	12 руб.	7 руб.	4 руб.	3 руб.	2 руб.
Иногородніе	14 "	8 "	5 "	3 " 50 к.	2 " 50 к.
За границу	20 "	11 "	6 " 50 к.	4 " 25 "	3 " 25 "

Въ розничной продажѣ цѣна отдѣльнаго номера 10 коп. Подписка и объявленія принимаются въ книжномъ магазинѣ „Новый Край“—Харбинь-Пристань, уголъ Новгородней и Мостовой. Плата за объявленія: на первой страницѣ, передъ текстомъ—25 коп., а на послѣдней страницѣ послѣ текста—15 коп. за строку цѣнита.

Редакторъ-издатель Л. Я. Артежьевъ.
 Редакторъ Ж. Ж. Вербкинъ.

Открыта подписка на журналъ на 1906 годъ

(СОРОКЪ СЕДЬМОЙ).

„Труды Кіевской Духовной Академіи“.

Цѣна на годовое изданіе 7 р., за границу 8 р. Журналъ выходитъ ежемѣсячно книгами отъ 10 до 12 листовъ.

Въ немъ печатаются статьи по вѣснмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ Духовной Академіи, по предметамъ общезанимательнымъ и по изложенію доступнымъ большинству читателей, а также переводы твореній блажен. Иеронима и блаж. Августина, которые, въ отдѣльныхъ оттискахъ, будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ: „Библіотена твореній св. отцевъ и учителей церкви Западныхъ“.

Указомъ Св. Синода отъ 3/₂₉ февр. 1884 г. подписка какъ на „Труды“, такъ и на „Библіотеку твореній свв. отцевъ и учителей церкви Западныхъ“, рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ монастырей, кафедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей. Для ознакомленія съ прошлымъ журнала можетъ служить „Систематическій указатель статей, помѣщенныхъ въ „Труд. Кіев. Дух. Акад.“ за 45 лѣтъ его существованія (1860—1904); какъ этотъ указатель, такъ и каталогъ книгъ, имѣющихся въ складѣ редакціи для продажи, высылаются по первому требованію.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО Казанскаго Университета

на 1906 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученныя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертации, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студенческія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ во вѣснхъ отрасляхъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорннмъ коллекціи и состоянію учебно-вспомогательныхъ учреждений при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профес. и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обзорннмъ преподаванія, распредѣленіе лекцій, актовнй отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученныя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со вѣснми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 руб. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ А. Александровъ.

ХІІ ГОДЪ. ВЪ 1906 ГОДУ ГОДЪ ХІІ.

„Журналъ Министерства Юстиціи“

будеть выходить ежемѣсячно, кромѣ іюля и августа, книгами въ объемѣ около 20 листовъ. Подписной годъ начинается съ января 1906 г.

Въ „Журналѣ“ печатаются: 1) Указанія и распоряженія правительства, приказы и циркуляры по вѣдомству М. Ю.; 2) Статьи по исторіи, теоріи и практической разработкѣ права и судопроизводства, особенно гражданскаго и уголовнаго; 3) Обзоръ текущей судебной практики, систематическія извлеченія изъ рѣшеній Гражд. и Уголов. Касс. Д-товъ и Общаго Собранія Правительствующаго Сената; 4) Литературное обозрѣніе: критическіе отзывы о новыхъ книгахъ и брошюрахъ, русскихъ и иностранныхъ, библиографическій указатель юридической литературы, русской и иностранной; 5) Обзоръ иностраннаго законодательства: свѣдѣнія о новыхъ законахъ и законопроектахъ въ иностранныхъ государствахъ; 6) Письма изъ Англїи и Парижа.

Подписная плата **8 рублей** въ годъ съ доставкою и пересылкою.

Должностныя лица при подпискѣ чрезъ казначеевъ пользуются разсрочкою до 1 рубля въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ Главной Конторѣ, пользуются разсрочкою до 2 рублей въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, лица, оставленныя при университетахъ для подготовленія къ профессорскому званію, а также студенты Императорскихъ Университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея, воспитанники Императорскихъ Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ, при подпискѣ въ Главной Конторѣ, — по 5 рублей въ годъ.

Книжные магазины пользуются за приемъ подписки и объявленій уступкою 10%.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

Объявленія для напечатанія въ „Журналѣ“ принимаются въ Главной Конторѣ съ платою по расчету 30 копеекъ за строчку и 8 рублей за страницу.

Редакція „Журнала Министерства Юстиціи“ находится въ С.-Петербургѣ, по Екатерининской улицѣ, въ зданіи Министерства Юстиціи.

Редакторъ В. Ѡ. Дерюжинскій.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1906 годъ
на ежедневную политическую газету

„СОВРЕМЕННОКЪ“.

„Современникъ“ — независимый органъ печати. Девизъ газеты — прогрессивное развитіе силъ общественныхъ на основѣ конституціонной свободы.

Условія подписки съ доставкой и пересылкой: на 1 годъ 10 р., на 1/2 года 5 р., на 3 мѣс. 2 р. 50 к., 1 мѣс. 1 р. Для преподавателей всѣхъ учебныхъ заведеній и студентовъ: на 1 годъ 7 р., на 1/2 года 3 р. 50 к., на 1 мѣс. 60 к.

РЕДАКЦІЯ и КОНТОРА: Москва, Столешниковъ пер., д. О-ва „Якорь“. Контора открыта въ будни съ 10 до 5 ч., въ праздники отъ 12 до 2 ч.

Открыта подписка на 1906 годъ
на еженедѣльный общественно-литературный иллюстрированный журналъ

НОВОЕ СЛОВО.

Въ „Новомъ Словѣ“ принимаютъ участіе:

Леонидъ Андреевъ, М. П. Арцыбашевъ, Ю. И. Айхенвальдъ, М. М. Богословскій, И. А. Бунинъ, Ю. А. Бунинъ, М. В. Веселовская, Ю. А. Веселовскій, О. Волжанинъ, Н. Голантъ, Е. П. Гославскій, В. А. Готвальтъ, А. М. Гущинъ, А. К. Дживелеговъ, Д. Н. Егоровъ, И. Н. Игнатовъ, А. А. Кизеветтеръ, М. Н. Коваленскій, П. А. Кожевниковъ, Н. А. Крашенинниковъ, Максъ-ли, С. П. Мельгуновъ, Н. К. Муравьевъ, С. А. Найденовъ, Н. М. Никольскій, Н. Н. Оглобинъ, М. Н. Покровскій, П. Н. Сакулинъ, Н. А. Скворцовъ, В. Н. Сторожевъ, Танъ, Н. Д. Телешовъ, Н. И. Тимковскій, А. С. Хахановъ, Е. Н. Чириковъ, С. А. Шумаковъ, Г. Я. Шустерманъ, П. М. Ярцевъ и др.

Подписка принимается въ главной конторѣ „НОВАГО СЛОВА“.

Москва, Тверская, Мамоновскій пер., д. Карягиной. Телефонъ № 81—32.

Для приема подписки и объявленій
контора открыта:

Въ будни—отъ 9 ч. утра до 6 веч.
Въ праздники—отъ 11 час. утра до
4 час. дня.

Подписная цѣна, 50 №№ въ годъ, съ
пересылкой и доставкой.

на годъ 3 рубля.
» 1/2 г. 2 „
» 1/4 „ 1 „

Редакторъ-издатель Н. А. Крашенинниковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИЗВѢСТІЯ МОСКОВСКАГО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ИНСТИТУТА.

Годъ XII—1906.

Извѣстія выходятъ **четырьмя** книгами въ годъ, составляющими не менѣе 35 листовъ текста in 8°.

Подписка принимается въ канцеляріи Московскаго Сельскохозяйствен. Института и въ книжн. магаз. Карбасникова (Москва, Варшава, Вильна, С.-Петербургъ) и „Трудъ“ (Москва, Тверская).

Подписная цѣна въ годъ за четыре книги 5 р.; для студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній—2 р. 50 к.; цѣна отдѣльной книги 1 р. 50 к.; отдѣльные отгиски статей естественнoисторическихъ и статистикoэкономическихъ высылаются названными книжными магазинами паложеннымъ платежомъ по расчету 20 к. за листъ.

Редакторы С. И. Ростовцевъ.
Д. Н. Прянишниковъ.

Въ 1906 году будетъ продолжаться (30-й годъ) изданіе

Ж У Р Н А Л А

ИЗВѢСТІЯ МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ.

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками отъ 10 до 15 печ. листовъ и раздѣляется на два отдѣла, по 12 номеровъ въ каждомъ: отдѣлъ общій, посвященный разработкѣ вопросовъ городской жизни въ Россіи и за границей, и отдѣлъ **официально-справочный**.

Цѣна журнала, съ пересылкой во все города Россіи:

	Отдѣлъ общій.	Отдѣлъ офиц.-справоч.	Оба отдѣла.
За 12 мѣсяцевъ	4 р. 40 к.	4 р. 40 к.	8 р. — к.
„ 6 „	2 „ 20 „	2 „ 20 „	4 „ — „
„ 3 „	1 „ 20 „	1 „ 20 „	2 „ — „
„ 1 „	— „ 40 „	— „ 40 „	— „ 80 „

Подписка принимается: Москва, Городская Управа, Воскресенская площадь, зданіе Думы.

Открыта подписка на 1906 годъ
на ежедневную, политическую, общественную и литературную

НИКОЛАЕВСКУЮ ГАЗЕТУ,

издаваемую въ городѣ Николаевѣ пайщиками подъ временной редакціей А. Н. Леонтьева по программѣ большихъ столичныхъ газетъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: безъ доставки: въ годъ — 6 р., 6 мѣс.—3 р. 25 к., 3 мѣс.—1 р. 75 к., помѣсячно — 75 к. Съ доставкой на домъ и иногороднимъ: въ годъ—7 р., 6 мѣс.—3 р. 75 к., 3 мѣс.—2 р., помѣсячно—90 к. За границу: къ подписной иногородней платѣ прибавляется по 60 к. въ мѣсяцъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ конторѣ газеты при типо-литографіи Бр. Бѣлинскихъ, (въ гор. НИКОЛАЕВѢ, Херс. губ), уг. Спасской и Соборной, д. Феруза. Тамъ же принимаются объявленія.

Вопросы Философіи, кн. 82.

10

ВЫШЛА ДЕКАБРЬСКАЯ КНИГА

ЖУРНАЛА

XVI г. ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ. XVI г.

I. Оригинальныя и переводныя статьи. Итоги русской художественной литературы XIX вѣка. (Продолженія.) Проф. Д. Овсяннико-Куликовскаго.—Вопросы нравственности въ современномъ воспитаніи. *Евгенія Лозинскаго*.—Школьная реформа снизу. (Окончаніе.) А. Г.—Школьныя волненія 1905 года. Г. Рогова.—Духовная школа и ея будущее. II.—Зеленая тетрадь. *Андре Лихтанберже* (перев. Маріи Веселовской).— II. Критика и библиографія. Естествознание и географія въ дѣтскихъ журналахъ „Всходы“, „Родникъ“, „Дѣтскій Отдыхъ“ (январь—сентябрь 1905 г.) и „Дѣтское Чтеніе“ (январь—августъ 1905 г.). С. Григорьева.—Автобіографія Герберта Спенсера (An autobiography by Herbert Spencer, vol. I и II); Гербертъ Спенсеръ, Автобіографія, сокращ. изд. А. Д. Коротнева. Л. С.—В. В. Сиповскій, Исторія русской словесности, часть I; Историческая хрестоматія по исторіи русской словесности, т. I. А. Е. Грузинскаго.—Разказы о родной странѣ и ея обитателяхъ, очерки А. Е. Сно. А. П. Нечаевъ. Почва и ея исторія; Картины родины. Путешествіе по Сахарѣ, по Брѣму сост. С. А. Порѣцкій; По пустынь, разск. путешественника, Э. Вахтеревой. А. Потанина, Дорджи, бурятскій мальчикъ. Л. С.—Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Рождественскіе огни; его же, Живая вода; Генрихъ Сенкевичъ, Повѣсти и разказы.—Сестра Вѣрочка, А. Бостромъ; Военные разказы, А. Доде.—Люди темные, Ф. Тищенко, и проч.— III. Рефераты и мелкія сообщенія. Трудъ, здоровье и досугъ рабочей молодежи въ Англии. Л. С.—Джонъ Морлей по поводу прогресса. *Его же*.—Милитаризмъ и военное воспитаніе въ Швейцаріи. Е. Л.—Какъ нарушались законы учебной администраціей. Г. Р.—„Vivat universitas“. Г. П.— IV. Хроника. Школа, литература и жизнь. Общее положеніе средней школы послѣ 17 октября.—Циркуляръ попечителя Шварда и бойкотъ Шварда. Родительскія совѣщанія и союзы. Новыя волненія въ школахъ. Письмо серпуховскихъ педагоговъ. Закрытіе 43 духовныхъ семинарій и проч.—Национальный вопросъ въ сферѣ школьнаго дѣла. *Юрія Веселовскаго*.— V. Объявленія.

Январская книга «Вѣстника Воспитанія» выйдетъ въ концѣ января.

Открыта подписка на 1906 годъ.

Подписная цѣна: на годъ безъ доставки—5 р., съ доставкой и пересылкой—6 р., въ полгода—3 р., съ пересылкой за границу—7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей цѣна уменьшается на 1 руб.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер., д. Михайлова) и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ. Гг. инородныхъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ Н. Ф. Михайловъ.

Продолжается подписка на 1906 годъ,
десятый годъ изданія,

на большую, ежедневную политическую, экономическую и литературную газету

„Южное Обозрѣніе“,

выходящую въ г. ОДЕССѢ, въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ.

Редакторъ-издатель *Г. М. Бейленсонъ.*

О подпискѣ въ 1906 году на изданія **Сергѣя Шарапова.**
ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

РУССКОЕ ДѢЛО. Газета будетъ выходить ПОКА еженедѣльно. Принимаетъ всѣ мѣры къ скорѣйшему переходу на ежедневную. УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ не мѣняются: Годъ 8 р., 1/2 года 4 р., 3 мѣсяца 2 р. съ дост. и перес.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ПАХАРЬ. Подписная цѣна за 12 книжекъ журнала со всѣми преміями и приложеніями съ доставкой и пересылкой **одинъ рубль.** Въ книж. магаз. 1 р. 10 к. въ пользу магаз. Наложнымъ платежомъ (на 1-ю книжку) 1 р. 20 к. На другіе сроки подиска не принимается. Полный комплектъ „Пахаря“ за 1905 годъ съ безплатными преміями: 1) книгою „Крестьянское самоуправленіе“ и „Чертежъ сибирскаго привода „Вороба“ къ молотилкѣ“ высылаются за 1 руб. Контора и редакція обоихъ изданій въ **Москвѣ, Скатертный пер., д. Московскаго Домостроительнаго Общества.** Въ С.-Петербурѣ Отдѣленіе конторы у **д-ра А. И. Дубровина** (Изм. полкъ, 4 рота, д. 6).

Редакторъ-издатель *Сергій Шарановъ.*

XV ГОДЪ
ИЗДАНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1906 г.

ЮРИДИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

съ бесплатнымъ приложеніемъ

Сборника рѣшеній Уголовнаго и Гражданскаго Кассационныхъ Департаментствъ и Общаго собранія Правительствующ. Сената и Собранія узаконеній и распоряж. Правительства. Выходитъ два раза въ недѣлю: по воскресеньямъ и четвергамъ. Безъ предварительной цензуры.

Годовая подписная цѣна съ доставкою и пересылкою **СЕМЬ** рублей.

Допускается разсрочка въ платежѣ: при подпискѣ—4 руб. къ 1-му апрѣлю—остальные—3 рубля.

Правительственныя, Судебныя и Административныя, ровно какъ общественныя и сословныя учрежденія могутъ подписываться въ кредитъ, съ тѣмъ, чтобы деньги (7 р.) были присылаемы въ теченіе **ШЕСТИ** мѣсяцевъ, но, во всякомъ случаѣ, до истеченія подписнаго года; лица же, служащія въ этихъ учрежденіяхъ, въ правѣ подписываться чрезъ гг. казначеевъ въ разсрочку, со взносомъ ежемѣсячно по одному рублю, каковыя деньги должны быть доставляемы въ редакцію гг. казначеями.

(Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій пр., домъ № 59.)

Съ 1 января 1906 года въ Смоленскѣ выходитъ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

„СМОЛЕНСКІЙ ГОЛОСЪ“.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: На годъ. На 6 мѣс. На 3 мѣс. На 1 мѣс.
Съ пересылкой по почтѣ. . . 4 р. — к. 2 р. 15 к. 1 р. 15 к. 45 к.
Съ доставкой въ г. Смоленскѣ 3 „ 60 „ 2 „ — „ 1 „ 10 „ 40 „
Безъ доставки въ г. Смоленскѣ 3 „ — „ 1 „ — „ — „ 95 „ 35 „

Адресъ: г. Смоленскъ, Редакція газеты „Смоленскій Голосъ“, Ильинская, д. Возненко.

Редакторъ-издатель *О. О. Горбатовскій.*

НОВАЯ КНИГА: СВОБОДНАЯ СОВѢСТЬ.

Литературно-философскій сборникъ.

Книга первая.

Содержаніе: А. М. Бухаревъ. Изъ матеріаловъ для біографіи.—А. С. Бухаревъ. Изъ пережитаго.—Гр. В. Н. Бобринской. Смерть и бессмертіе. По поводу трехъ драмъ Метерлинка.—Вал. Свенцицкаго. „Не то, не то“... Рассказъ.—Вл. Поливанова. Большіе люди. Рассказъ.—А. Г. Коваленской. Дѣва Назарета. Поэма.—С. Соловьева. Изъ „Аккордовъ“. Стихотворенія.—Эллиса. Вѣнецъ Данте.—Эллиса. Изъ св. Іоанна Златоуста. Стихотвореніе.—П. Астрова. Свѣтъ на пути.—Пер. П. Батушкова. Камни. Легенда.—В. Харузиной. Весенняя элегія. Стихотвореніе.—Андрея Бѣлаго. „Мы ждемъ его возвращенія“. Рассказъ.—Андрея Бѣлаго. О научномъ догматизмѣ.—Андрея Бѣлаго. О пессимизмѣ.—Андрея Бѣлаго. Нѣсколько словъ о міросозерцаніи Чичерина.—Б. Вышеславцева. Свобода совѣсти.—С. А. Котляревскаго. Свободная совѣсть.—М. А. Эртеля. Троицкое начало и его общественное приложеніе. 3-я часть книги „La Russie et l'Eglise universelle“. Владиміра Соловьева. Перев. Г. А. Рачинскаго. Изъ церковныхъ пѣснопѣній.—Г. А. Рачинскаго. Общественная совѣсть.—Андрея Бѣлаго. Правда марксизма.—П. И. Астрова. На пути къ свободѣ совѣсти. Вѣротерпимость. Церковная форма.—П. И. Астрова.

Продается въ книжныхъ магазинахъ т-ва И. Д. Сытина и другихъ.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Вторая книга сборника „Свободная совѣсть“ выйдетъ въ апрѣлѣ 1906 г.

Готовятся къ печати изданія „СВОБОДНОЙ СОВѢСТИ“:

Ламенна. „Рѣчи вѣрующаго“ („Paroles d'un croyant“), перев. С. М. Роговина, подъ редакціей и съ предисловіемъ С. А. Котляревскаго.

Д. С. Мережковскій. „Теперь или никогда“, лекція.

Редакція: Москва, Триумфальная-Садовая, домъ Цвѣтковой, кв. 1.

XIII годъ
изданія.

Открыта подписка на 1906 годъ

XIII годъ
изданія.

на ежедневную общественную газету

„СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ“

издаваемую въ г. Томскѣ подъ новой редакціей.

Подписная цѣна: Съ доставкой въ Томскѣ: на годъ—5 р., на 9 мѣс.—4 р., на 6 мѣс.—2 р. 75 к., на 3 мѣс.—1 р. 50 к., на 1 мѣс.—50 к. Съ доставкой и перес. во всѣ города Россіи: на годъ—5 р., на 9 мѣс.—4 р., на 6 мѣс.—3 р., на 3 мѣс.—1 р. 50 к., на 1 мѣс.—50 к. За границу: на годъ—9 р., на 9 мѣс.—7 р., на 6 мѣс.—5 р., на 3 мѣс.—3 р., на 1 мѣс.—1 р.

Новые годовые подписчики—городскіе, подписавшіеся до 1 декабря, а иногородніе, подписавшіеся до 15 декабря, получаютъ газету съ 1 декабря бесплатно. За печатаніе въ „Сибирской Жизни“ объявленій взимается плата: впереди текста за строку четвѣта—20 коп., повади текста—10 коп. За разъяслку объявленій при газетѣ вѣсомъ не болѣе дота—7 р. за 1000 экземпляровъ.

Подписка и объявленія принимаются: въ книжномъ магазинѣ П. И. Макушина въ Томскѣ и въ конторѣ редакціи газеты. Иногородніе адресуютъ свои требованія въ г. Томскѣ, въ контору редакціи газеты „Сибирская Жизнь“.

Редакторы-издатели: І. Малиновскій, М. Соболевъ.

1906 г.

Открыта подписка

Годъ VI.

на „Журналъ Невропатологіи и Психіатріи имени С. С. Корсакова“

издаваемый Обществомъ невропатологовъ и психіатровъ при московскомъ университетѣ подъ редакціей проф. В. К. Рота и В. П. Сербскаго и прив.-доц. А. А. Корнилова, Л. С. Минора, Г. И. Россолимо и С. А. Суханова.

Журналъ выходитъ 6 разъ въ годъ выпусками въ 12—15 листовъ.

Подписная цѣна на годъ съ пересыл. и доставкой—10 р. Заграницу—12 р.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Москва, Дѣвичье поле, Клиника первыхъ болѣзней.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1906 годъ
на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтей

„СЕМЬЯ и ШКОЛА“.

Журналъ предназначенъ для дѣтей средняго возраста и примѣняется какъ къ интересамъ дѣтей, учащихся въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, такъ и къ пониманію учениковъ начальной, городской и сельской школы.

Въ программу журнала входятъ слѣдующіе отдѣлы:

I. Повѣсти и рассказы, оригинальные и переводные. II. Стихотворенія, съ иллюстраціями. III. Историческіе рассказы и очерки. IV. Біографія замѣчательныхъ людей. V. Популярныя естественно-историческіе очерки. VI. Очерки и рассказы географическаго и этнографическаго содержанія. Путешествія. VII. Отдѣльныя иллюстраціи. VIII. Изъ современной жизни. IX. Библиографія: обзоръ дѣтской и педагогической литературы.

По примѣру 1905 года, и въ 1906 году въ журналъ будетъ помѣщено 12 отдѣльныхъ картинокъ (по одной въ каждомъ номерѣ), преимущественно съ картинъ выдающихся художниковъ, и кромѣ того 12 картинокъ, изображающихъ типичныя виды Россіи.

Въ журналѣ принимають участіе: Е. А. Бакунина, И. А. Бѣлоусовъ, Н. Василь, Е. Волкова, Н. А. Гольцева, С. Д. Дрожжинъ, П. Засодимскій, П. П. Инфантьевъ, А. А. Кизеветтеръ, С. А. Князьковъ, М. А. Круковскій, В. Н. Львовъ, Т. Н. Львовъ, Вл. Львовъ, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, П. П. Митропольскій, Юр. Новоселовъ, К. Д. Носиловъ, Сергій Орловскій, О. П. Рунова, С. П. Рербергъ, А. Серафимовичъ, В. Д. Соколовъ, Н. Д. Телешевъ, М. В. Тиличевъ, В. Н. Харузина, Ю. Н. Щербаккая и др.

Журналъ выходитъ разъ въ мѣсяцъ книжками около 5 печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА **2 РУБ. 50** съ доставкой и за 12 книжекъ въ годъ **50** коп. пересылкой.

Подписка принимается въ Москвѣ: въ редакціи, въ конторѣ Н. Печковской и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Безъ доставки въ Москвѣ: въ редакціи, у Н. Печковской и въ книжныхъ магазинахъ „Трудъ“ и Н. Карбасникова.

Цѣна журнала безъ доставки 2 руб. Оставшіеся экземпляры за 1905 годъ продаются въ редакціи по 2 руб. Иногороднымъ высылаются за 2 руб. 50 коп., наложеннымъ платежомъ за 2 руб. 60 коп.

Пробный номеръ журнала высылается по требованію изъ редакціи за три семикопеечныя марки, подробная программа бесплатно.

Иногородніе подписчики могутъ обращаться прямо въ редакцію журнала „Семья и Школа“. Москва, Гончарная ул., д. № 17.

Редакторъ-Издатель Вл. Львовъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1906 годъ (третій годъ изданія)
на ежемѣсячный журналъ искусства, литературы и общественной жизни

„ПРАВДА“.

Въ наши дни группировки общественныхъ силъ, когда по всей русской землѣ идетъ усиленная ломка и всеобщее партійное строительство, „Правда“ ставитъ своей задачей быть неизмѣннымъ выразителемъ интересовъ рабочаго класса и проводникомъ той его идеологии, которая во всѣхъ странахъ была ему всегда надежнымъ компасомъ и служила и служить залогомъ побѣды.

Въ 1906 году „Правда“ выходитъ въ свѣтъ 1 и 15 числа наждаго мѣсяца.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ редакціи журнала „Правда“, Кудрино, 1, 18, на Арбатѣ—кн. маг. Путиловой; на Неглинной—кн. маг. „Журнальное дѣло“; на Тверской—кн. маг. „Трудъ“ и кн. маг. „Жизнь“; на Домниковской—въ школьномъ домѣ Управы (библіотека учащихся) и др. извѣстныхъ магаз.

Условія подписки: годъ—8 р. (съ дост. и перес.), четверть—2 р. За границу—10 р. 80 к. за годъ и 2 р. 70 к. за четверть. Допускается разсрочка. Допускается выписка наложеннымъ платежомъ (на 50 к. дороже). Въ уплату принимаются почтовые марки. Адресъ редакціи: Москва, Кудрино, 1, телефонъ 73—10. Адресъ конторы: Москва, Неглинная, 4, телефонъ 50—08.

Подписка и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ-издатель Вал. Ножевниковъ.

Годъ изданія III.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1906 г.

НА ЖУРНАЛЬ

Вѣстникъ Психологіи, Криминальной Антропологіи и Гипнотизма,

ПОДЪ ОБЩЕЮ РЕДАКЦІЕЮ

Акад. В. М. БЕХТЕРЕВА.

Редакторы отдѣловъ:

Прив.-доц. **Н. О. Лосскій**—общей психологіи. Прив.-доц. **А. Ф. Лазурскій** и д-ръ **А. А. Крогусъ**—эксперимент. психологіи. **А. П. Нечаевъ**—педагогической психологіи. Проф. **Л. В. Блуменану**—психопатологіи. Прив.-доц. **В. П. Осиповъ**—гипнотизма. **Д. А. Дриль** и проф. **В. Ф. Чижъ**—криминальной антропологіи и общественной психологіи.

Журналъ въ 1906 году выйдетъ въ количествѣ 5 книжекъ въ годъ, объемомъ въ 5—6 листовъ каждая, по слѣдующей программѣ 1) оригинальныя статьи по психологіи общей, ея исторіи, по психологіи экспериментальной и педагогической, по зоопсихологіи, по психопатологіи и гипнотизму, по криминальной антропологіи и общественной психологіи; 2) обзоры, рецензіи и рефераты по указаннымъ отдѣламъ; 3) корреспонденціи, отчеты и письма; 4) хроника, біографіи и некрологи; 5) объявленія и извѣщенія. Книжки 2-я и 4-я будутъ предоставлены для статей и рефератовъ, относящихся исключительно къ области педагогической психологіи.

Въ текущемъ году въ видѣ бесплатнаго приложенія будетъ разослано сочин. акад. Бехтерева „Основы ученія о функціяхъ“ (вып. IV и V).

Оригинальныя статьи и рефераты (въ заказныхъ бандероляхъ) покорнѣйше просятъ адресовать въ редакцію (Боткинская, 9, Клиника душевныхъ и нервныхъ болѣзней). Приемные часы по вторникамъ, отъ 1—2, и пятницамъ, отъ 2—3. Статьи въ случаѣ надобности подлежатъ сокращеніямъ и редакціоннымъ поправкамъ. Размѣръ оплаты статей гонораромъ опредѣляется по соглашенію съ авторами. Статьи, присылаемыя въ редакцію безъ обозначенія условій, поступаютъ въ полное распоряженіе редакціи. О книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, будутъ дѣлаться объявленія. Книги и журналы просятъ присылать въ бібліотеку редакціи (С.-Петербургъ, Боткинская, д. № 9, Клиника душевнобольныхъ). Плата за объявленія 30 р. за страницу.

Подписная цѣна 3 руб. въ годъ за 5 книжекъ, съ перес. 3 р. 50 к. Цѣна за двѣ педагогическія книжки 1 руб. 50 коп. съ пересылкою. Требования и деньги адресовать: въ контору П. П. Сойкина, С.-Петербургъ, Стремянная, 12.

Редакт. В. М. Бехтеревъ.
Секрет. В. Протопоповъ.

Открыта подписка на 1906 годъ

(17-й годъ изданія)

На общепедагогическій журналъ для школы и семьи

„РУССКАЯ ШКОЛА“.

Въ теченіе 1905 года въ „Русской Школѣ“ были напечатаны, между прочимъ, слѣд. статьи: 1) Воспитаніе въ Соединенныхъ Штатахъ. Б. Богена; 2) Чѣмъ жива Швейцарія. А. Г. Готлиба; 3) общій взглядъ на состояніе средняго образованія въ Германіи. Графа А. А. Мусина-Пушкина; 4) Народное образованіе въ Саксоніи. Евгенія Елачича; 5) Педагогическіе журналы у славянъ. А. И. Яцимирскаго; 6) Изъ исторіи Московскаго университета въ XVIII в. С. Ашевскаго; 7) Педагогическіе взгляды В. Д. Сяповскаго. Н. Г. Леонтьевой; 8) Изъ гимназическихъ воспоминаній. Проф. Н. О. Сумцова; 9) Четверть вѣка назадъ. (Изъ гимназич. воспоминан.) И. А. Порошина; Памяти Чехова. Влад. Гиппіуса; 11) Гигіена воспитанія и образованія. Проф. Ир. Скворцова; 12) Нервность дѣтей. А. С. Виреніуса; 13) Принципы умственнаго развитія и примѣненіе ихъ въ школьной практикѣ. С. Громеницкаго; 14) Очерки по психологіи дѣтства. А. П. Нечаева; 15) Большой вопросъ. Е. Гриневицъ; 16) Искусство въ жизни ребенка. А. Герцыкъ; 17) Юность и юношество. П. Рокова; 18) Къ сексуальному вопросу педагогіи. К. Житомирскаго; 19) Vivat universitas. Проф. О. Ф. Зѣлинскаго; 20) Къ дефектамъ средней школы. Senex'a; 21) Коммерческое образованіе въ школахъ Министер. народн. проsv. А. Сахарова; 22) О желательной организаціи женскихъ учительскихъ семинарій. В. И. Фармаковского; 23) Преподаваніе общей педагогіи въ женскихъ гимназіяхъ. К. Ельницкаго; 24) Къ вопросу о подготовкѣ народныхъ учителей. Н. Ахутина; 25) Что могутъ и должны давать народу наши начальн. народн. учил. А. А. Красева; 26) Начальное образованіе и его нужды. В. В. Бирюковича; 27) Народная школа въ Финляндіи. П. О. Морозова; 28) О городскихъ училищахъ по Положенію 30 мая 1872 г. В. Остерникова; 29) Связь народной школы съ интересами сельскаго хозяйства. М. Неручева; 30) Обзоръ дѣятельности земствъ въ 1904 г. И. П. Бѣлоконскаго; 31) Къ вопросу объ изученіи молитвъ въ начальной школѣ. Ае. Соколова; 32) Буквенный методъ обученія въ новѣйшей обработкѣ. Кл. Тихомирова; 33) Введеніе въ методику грамоты. В. Коноплева; 34) Къ вопросу о программѣ математики проф. А. Радцига; 35) Значеніе родного языка въ инородческой школѣ И. Яковлева; 36) Учебники законовѣдѣнія. Н. П. Дружинина и мног. друг.

Въ каждой книжкѣ „Русской Школы“, кромѣ отдѣла критики и библиографіи, печатаются: хроника народнаго образованія въ Зап. Европѣ Е. Р.; хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библиотекъ Я. В. Абрамова; хроника воскресныхъ школъ подъ редакціей Х. Д. Алчевской и М. Н. Салтыковой; хроника профессиональнаго образованія В. В. Бирюковича и пр.

„Русская Школа“ выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе пятнадцати печ. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки — семь руб., съ доставкою — 7 руб. 50 коп.; для иногороднихъ съ пересылкою — восемь руб.; за границу — девять руб. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за шесть руб. въ годъ, съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15%.

Журналъ „Р. Ш.“ допущенъ ученымъ Комитет. Мин. Нар. Пров. къ выпискѣ для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также въ учительскія библиотеки низшихъ учебныхъ заведеній. Золотая медаль на международной выставкѣ „Дѣтскій Миръ“ въ 1904 году.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул., 1).

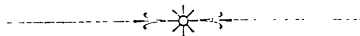
Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.

П. Я. Чаадаевъ.

ФИЛОСОФИЧЕСКІЯ ПИСЬМА.

ПЕРЕВОДЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

М. Гершензона.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о. Пименовская ул., соб. домъ.
МОСКВА—1906

Письмо первое.

Adveniat regnum tuum.

Сударыня,

Именно ваше чистосердечіе и ваша искренность нравятся мнѣ всего болѣе, именно ихъ я всего болѣе цѣню въ васъ. Судите же, какъ должно было удивить меня ваше письмо. Этими прекрасными качествами вашего характера я былъ очарованъ съ первой минуты нашего знакомства, и они-то побуждали меня говорить съ вами о религіи. Все вокругъ васъ могло заставить меня только молчать. Посудите же, еще разъ, каково было мое изумленіе, когда я получилъ ваше письмо! Вотъ все, что я могу сказать вамъ по поводу мнѣнія, которое, какъ вы предполагаете, я составилъ себѣ о вашемъ характерѣ. Но не будемъ больше говорить объ этомъ и перейдемъ немедленно къ серьезной части вашего письма.

Во-первыхъ, откуда эта смута въ вашихъ мысляхъ, которая васъ такъ волнуетъ и такъ изнуряетъ, что, по вашимъ словамъ, отразилась даже на вашемъ здоровьѣ? Ужели она—печальное слѣдствіе нашихъ бесѣдъ? вмѣсто мира и успокоенія, которые должно было бы принести вамъ новое чувство, пробужденное въ вашемъ сердцѣ,—оно причинило вамъ тоску, безпокойство, почти угрызения совѣсти. И однако, долженъ ли я этому удивляться? Это—естественное слѣдствіе того печальнаго положенія вещей, во власти котораго находятся у насъ всѣ сердца и всѣ умы. Вы только поддались вліянію силъ, господствующихъ здѣсь надо всѣми, отъ высшихъ вершинъ общества до раба, живущаго лишь для утѣхи своего господина.

Да и какъ могли бы вы устоять противъ этихъ условій? Самыя качества, отличающія васъ отъ толпы, должны дѣлать васъ

особенно доступной вредному влиянію воздуха, которымъ вы дышите. То небольшое, что я позволилъ себѣ сказать вамъ, могло ли дать прочность вашимъ мыслямъ среди всего, что васъ окружаетъ? Могъ ли я очистить атмосферу, въ которой мы живемъ? Я долженъ былъ предвидѣть послѣдствія, и я ихъ дѣйствительно предвидѣлъ. Отсюда тѣ частыя умолчанія, которыя, конечно, всего менѣе могли внести увѣренность въ вашу душу и естественно должны были привести васъ въ смятеніе. И не будь я увѣренъ, что, какъ бы сильны ни были страданія, которыя можетъ причинить не вполнѣ пробудившееся въ сердцѣ религиозное чувство, подобное состояніе все же лучше полной летаргіи,—мнѣ оставалось бы только раскаяться въ моемъ рвеніи. Но я надѣюсь, что облака, застилающія сейчасъ ваше небо, превратятся со временемъ въ благодатную росу, которая оплодотворитъ сѣмя, брошенное въ ваше сердце, а дѣйствіе, произведенное на васъ нѣсколькими незначительными словами, служить мнѣ вѣрнымъ залогомъ тѣхъ еще болѣе важныхъ послѣдствій, которыя безъ сомнѣнія повлечетъ за собою работа вашего собственного ума. Отдавайтесь безбоязненно душевнымъ движеніямъ, которыя будетъ пробуждать въ васъ религиозная идея: изъ этого чистаго источника могутъ вытекать лишь чистыя чувства.

Что касается внѣшнихъ условій, то довольствуйтесь пока сознаніемъ, что ученіе, основанное на верховномъ принципѣ *единства* и прямой передачи истины въ непрерывномъ ряду его служителей, конечно, всего болѣе отвѣчаетъ истинному духу религіи; ибо онъ всецѣло сводится къ идеѣ слиянія всѣхъ существующихъ на свѣтѣ нравственныхъ силъ въ одну мысль, въ одно чувство, и къ постепенному установленію такой соціальной системы или *церкви*, которая должна водворить царство истины среди людей. Всякое другое ученіе уже самымъ фактомъ своего отпаденія отъ первоначальной доктрины заранѣе отвергаетъ дѣйствіе высокаго завѣта Спасителя: *Отче святыи, соблюди ихъ, да будутъ едино, якоже и мы* ¹⁾, и не стремится къ водворенію царства Божія на землѣ. Изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы вы были обязаны исповѣдовать эту истину передъ лицомъ свѣта: не въ этомъ, конечно, ваше призваніе. Наоборотъ, самый принципъ, изъ котораго эта истина исходитъ, обязываетъ васъ, въ

¹⁾ Иоанн. XVII, 11.

виду вашего положенія въ обществѣ, признавать въ ней только внутренній свѣточъ вашей вѣры, и ничего болѣе. Я счастливъ, что способствовалъ обращенію вашихъ мыслей къ религіи; но я былъ бы весьма несчастливъ, если бы вмѣстѣ съ тѣмъ повергъ вашу совѣсть въ смущеніе, которое съ теченіемъ времени неминуемо охладило бы вашу вѣру.

Я, кажется, говорилъ вамъ однажды, что лучший способъ сохранить религіозное чувство—это соблюдать всѣ обряды, предписываемые церковью. Это упражненіе въ покорности, которое заключаетъ въ себѣ больше, чѣмъ обыкновенно думаютъ, и которое величайшіе умы возлагали на себя сознательно и обдуманно, есть настоящее служеніе Богу. Ничто такъ не укрѣпляетъ духъ въ его вѣрованіяхъ, какъ строгое исполненіе всѣхъ относящихся къ нимъ обязанностей. Притомъ, большинство обрядовъ христіанской религіи, внушенныхъ высшимъ разумомъ, обладаютъ настоящей животворной силой для всякаго, кто умѣетъ проникнуться заключенными въ нихъ истинами. Существуетъ только одно исключеніе изъ этого правила, имѣющаго въ общемъ безусловный характеръ,—именно, когда человѣкъ ощущаетъ въ себѣ вѣрованія высшаго порядка сравнительно съ тѣми, которыя исповѣдуетъ масса,—вѣрованія, возносящія духъ къ самому источнику всякой достовѣрности, и въ то же время нисколько не противорѣчащія народнымъ вѣрованіямъ, а, наоборотъ, ихъ подкрѣпляющія; тогда, и только тогда, позволительно пренебрегать внѣшнюю обрядность, чтобы свободнѣе отдаваться болѣе важнымъ трудамъ ¹⁾. Но горе тому, кто иллюзіи своего тщеславія или заблужденія своего ума принялъ бы за высшее просвѣтленіе, которое будто бы освобождаетъ его отъ общаго закона! Вы же, сударыня, что вы можете сдѣлать лучшаго, какъ не облечься въ одежду смиренія, которая такъ къ лицу вашему полу? Повѣрьте, это всего скорѣе умиротворитъ вашъ взволнованный духъ и прольетъ тихую отраду въ ваше существованіе.

Да и мыслимъ ли, скажите, даже съ точки зрѣнія свѣтскихъ понятій, болѣе естественный образъ жизни для женщины, развитой умъ которой умѣетъ находить прелесть въ познаніи и въ величавыхъ эмоціяхъ созерцанія, нежели жизнь сосредоточенная

¹⁾ Эта фраза была опущена въ русскомъ переводѣ, напечатанномъ въ *Телескопѣ*.

Прим. ред.

и посвященная въ значительной мѣрѣ размышленію и дѣламъ религіи? Вы говорите, что при чтеніи ничто не возбуждаетъ такъ сильно вашего воображенія, какъ картины мирной и серьезной жизни, которыя, подобно виду прекрасной сельской мѣстности на закатѣ дня, вливають въ душу миръ и на минуту уносятъ насъ отъ горькой или пошлой дѣйствительности. Но эти картины—не созданія фантазіи; отъ васъ одной зависитъ осуществить любой изъ этихъ плѣнительныхъ вымысловъ; и для этого у васъ есть все необходимое. Вы видите, я проповѣдую не слишкомъ суровую мораль: въ вашихъ склонностяхъ, въ самыхъ привлекательныхъ грезахъ вашего воображенія я стараюсь найти то, что способно дать миръ вашей душѣ.

Въ жизни есть извѣстная сторона, касающаяся не физическаго, а духовнаго бытія человѣка. Не слѣдуетъ ею пренебрегать; для души точно такъ же существуетъ извѣстный режимъ, какъ и для тѣла; надо умѣть ему подчиняться. Это—старая истина, я знаю; но мнѣ думается, что въ нашемъ отечествѣ она еще очень часто имѣетъ всю цѣнность новизны. Одна изъ наиболѣе печальныхъ чертъ нашей своеобразной цивилизаціи заключается въ томъ, что мы еще только открываемъ истины, давно уже ставшія избитыми въ другихъ мѣстахъ и даже среди народовъ, во многомъ далеко отставшихъ отъ насъ. Это происходитъ оттого, что мы никогда не шли объ руку съ прочими народами; мы не принадлежимъ ни къ одному изъ великихъ семействъ человѣческаго рода; мы не принадлежимъ ни къ Западу, ни къ Востоку, и у насъ нѣтъ традицій ни того, ни другого. Стоя какъ бы внѣ времени, мы не были затронуты всемірнымъ воспитаніемъ человѣческаго рода.

Эта дивная связь человѣческихъ идей на протяженіи вѣковъ, эта исторія человѣческаго духа, вознесшія его до той высоты, на которой онъ стоитъ теперь во всемъ остальномъ мірѣ,—не оказали на насъ никакого вліянія. То, что въ другихъ странахъ уже давно составляетъ самую основу общежитія, для насъ—только теорія и умозрѣніе. И вотъ примѣръ: вы, обладающая столь счастливой организаціей для воспріятія всего, что есть истиннаго и добраго въ мірѣ, вы, кому самой природой предназначено узнать все, что даетъ самыя сладкія и самыя чистыя радости душѣ,—говоря откровенно, чего вы достигли при всѣхъ этихъ преимуществахъ? Вамъ приходится думать даже не о томъ,

чѣмъ наполнить жизнь, а чѣмъ наполнить день. Самыя условія, составляющія въ другихъ странахъ необходимую рамку жизни. въ которой такъ естественно размѣщаются всѣ событія дня, и безъ чего такъ же невозможно здоровое нравственное существованіе, какъ здоровая физическая жизнь безъ свѣжаго воздуха,— у васъ ихъ нѣтъ и въ поминѣ. Вы понимаете, что рѣчь идетъ еще вовсе не о моральныхъ принципахъ и не о философскихъ истинахъ, а просто о благоустроенной жизни, о тѣхъ привычкахъ и навыкахъ сознанія, которые сообщаютъ непринужденность уму и вносятъ правильность въ душевную жизнь человѣка.

Взгляните вокругъ себя. Не кажется ли, что всѣмъ намъ не сидится на мѣстѣ? Мы всѣ имѣемъ видъ путешественниковъ. Ни у кого нѣтъ опредѣленной сферы существованія, ни для чего не выработано хорошихъ привычекъ, ни для чего нѣтъ правилъ; нѣтъ даже домашняго очага; нѣтъ ничего, что привязывало бы, что пробуждало-бы въ васъ симпатію или любовь, ничего прочнаго, ничего постояннаго; все протекаетъ, все уходитъ, не оставляя слѣда ни внѣ, ни внутри васъ. Въ своихъ домахъ мы какъ будто на постоѣ, въ семьѣ имѣемъ видъ чужестранцевъ, въ городахъ кажемся кочевниками, и даже больше, нежели тѣ кочевники, которые пасутъ свои стада въ нашихъ степяхъ, ибо они сильнѣе привязаны къ своимъ пустынямъ, чѣмъ мы къ нашимъ городамъ. И не думайте, пожалуйста, что предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, не важенъ. Мы и безъ того обижены судьбою,—не станемъ же прибавлять къ прочимъ нашимъ бѣдамъ ложнаго представленія о самихъ себѣ, не будемъ притязать на чистодуховную жизнь; научимся жить разумно въ эмпирической дѣйствительности.—Но сперва поговоримъ еще немного о нашей странѣ: мы не выйдемъ изъ рамокъ нашей темы. Безъ этого вступленія вы не поняли бы того, что я имѣю вамъ сказать.

У каждаго народа бываетъ періодъ бурнаго волненія, страстнаго безпокойства, дѣятельности необдуманной и безцѣльной. Въ это время люди становятся скитальцами въ мірѣ, физически и духовно. Это—эпоха сильныхъ ощущеній, широкихъ замысловъ, великихъ страстей народныхъ. Народы мечутся тогда возбужденно, безъ видимой причины, но не безъ пользы для грядущихъ поколѣній. Черезъ такой періодъ прошли всѣ общества. Ему обязаны они самыми яркими своими воспоминаніями, героическимъ элементомъ своей исторіи, своей поэзіей, всѣми наибо-

лѣе сильными и плодотворными своими идеями; это—необходимая основа всякаго общества. Иначе въ памяти народовъ не было бы ничего, чѣмъ они могли бы дорожить, что могли бы любить; они были бы привязаны лишь къ праху земли, на которой живутъ. Этотъ увлекательный фазисъ въ исторіи народовъ есть ихъ юность, эпоха, въ которую ихъ способности развиваются всего сильнѣе и память о которой составляетъ радость и поученіе ихъ зрѣлаго возраста. У насъ ничего этого нѣтъ. Сначала—дикое варварство, потомъ грубое невѣжество, затѣмъ свирѣпое и унижительное чужеземное владычество, духъ котораго позднѣе унаслѣдовала наша національная власть,—такова печальная исторія нашей юности. Этого періода бурной дѣятельности, кипучей игры духовныхъ силъ народныхъ, у насъ не было совсѣмъ. Эпоха нашей соціальной жизни, соотвѣтствующая этому возрасту, была заполнена тусклымъ и мрачнымъ существованіемъ, лишеннымъ силы и энергіи, которое ничто не оживляло, кромѣ злодѣяній, ничто не смягчало, кромѣ рабства. Ни плѣнительныхъ воспоминаній, ни граціозныхъ образовъ въ памяти народа, ни мощныхъ поученій въ его преданіи. Окиньте взглядомъ всѣ прожитые нами вѣка, все занимаемое нами пространство, — вы не найдете ни одного привлекательнаго воспоминанія, ни одного почтеннаго памятника, который властно говорилъ бы вамъ о прошломъ, который воссоздавалъ бы его предъ вами живо и картинно. Мы живемъ однимъ настоящимъ въ самыхъ тѣсныхъ его предѣлахъ, безъ прошедшаго и будущаго, среди мертваго застоя. И если мы иногда волнуемся, то отнюдь не въ надеждѣ или расчетѣ на какое-нибудь общее благо, а изъ дѣтскаго легкомыслія, съ какимъ ребенокъ силится встать и протягиваетъ руки къ погремушкѣ, которую показываетъ ему няня.

Истинное развитіе человѣка въ обществѣ еще не началось для народа, если жизнь его не сдѣлалась болѣе благоустроенной, болѣе легкой и пріятной, чѣмъ въ неустойчивыхъ условіяхъ первобытной эпохи. Какъ вы хотите, чтобы сѣмена добра созрѣвали въ какомъ-нибудь обществѣ, пока оно еще колеблется безъ убѣжденій и правилъ даже въ отношеніи повседневныхъ дѣлъ и жизнь еще совершенно не упорядочена? Это—хаотическое броженіе въ мірѣ духовномъ, подобно, тѣмъ переворотамъ въ исторіи земли, которые предшествовали современному состоянію нашей планеты. Мы до сихъ поръ находимся въ этой стадіи.

Годы ранней юности, проведенные нами въ тупой неподвижности, не оставили никакого слѣда въ нашей душѣ, и у насъ нѣтъ ничего индивидуальнаго, на что могла бы опереться наша мысль; но, обособленные странной судьбой отъ всемірнаго движенія человѣчества, мы также ничего не восприняли и изъ *преемственныхъ* идей человѣческаго рода. Между тѣмъ, именно на этихъ идеяхъ основывается жизнь народовъ; изъ этихъ идей вытекаетъ ихъ будущее, исходитъ ихъ нравственное развитіе. Если мы хотимъ занять положеніе, подобное положенію другихъ цивилизованныхъ народовъ, мы должны нѣкоторымъ образомъ повторить у себя все воспитаніе человѣческаго рода. Для этого къ нашимъ услугамъ исторія народовъ и передъ нами плоды движенія вѣковъ. Конечно, эта задача трудна и, быть можетъ, въ предѣлахъ одной человѣческой жизни не исчерпать этотъ обширный предметъ; но прежде всего надо узнать, въ чемъ дѣло, что представляетъ собою это воспитаніе человѣческаго рода, и каково мѣсто, которое мы занимаемъ въ общемъ строѣ.

Народы живутъ лишь могучими впечатлѣніями, которыя оставляютъ въ ихъ душѣ протекшіе вѣка, да общеніемъ съ другими народами. Вотъ почему каждый отдѣльный человѣкъ проникнуть сознаниемъ своей связи со всѣмъ человѣчествомъ.

Что такое жизнь человѣка, говоритъ Цицеронъ, если память о прошлыхъ событіяхъ не связываетъ настоящаго съ прошедшимъ! Мы же, придя въ міръ подобно незаконнымъ дѣтямъ, безъ наслѣдства, безъ связи съ людьми, жившими на землѣ раньше насъ, мы не хранимъ въ нашихъ сердцахъ ничего изъ тѣхъ уроковъ, которые предшествовали нашему собственному существованію. Каждому изъ насъ приходится самому связывать порванную нить родства. Что у другихъ народовъ обратилось въ привычку, въ инстинктъ, то намъ приходится вбивать въ головы ударами молота. Наши воспоминанія не идутъ далѣе вчерашняго дня; мы, такъ сказать, чужды самимъ себѣ. Мы такъ странно движемся во времени, что съ каждымъ нашимъ шагомъ впередъ прошедшій мигъ исчезаетъ для насъ безвозвратно. Это—естественный результатъ культуры, всецѣло основанной на заимствованіи и подражаніи. У насъ совершенно нѣтъ внутренняго развитія, естественнаго прогресса; каждая новая идея безслѣдно вытѣсняетъ старая, потому что она не вытекаетъ изъ

нихъ, а является къ намъ Богъ вѣсть откуда. Такъ какъ мы воспринимаемъ всегда лишь готовыя идеи, то въ нашемъ мозгу не образуются тѣ неизгладимыя борозды, которыя послѣдовательное развитіе проводитъ въ умахъ и которыя составляютъ ихъ силу. Мы растемъ, но не созрѣваемъ; движемся впередъ, но по кривой линіи, т.-е. по такой, которая не ведетъ къ цѣли. Мы подобны тѣмъ дѣтямъ, которыхъ не приучили мыслить самостоятельно; въ періодъ зрѣлости у нихъ не оказывается ничего своего; все ихъ знаніе—въ ихъ внѣшнемъ бытѣ, вся ихъ душа—внѣ ихъ. Именно таковы мы.

Народы—въ такой же мѣрѣ существа нравственныя, какъ и отдѣльныя личности. Ихъ воспитываютъ вѣка, какъ отдѣльныхъ людей воспитываютъ годы. Но мы, можно сказать, нѣкоторымъ образомъ—народъ исключительный. Мы принадлежимъ къ числу тѣхъ націй, которыя какъ бы не входятъ въ составъ человѣчества, а существуютъ лишь для того, чтобы дать міру какой-нибудь важный урокъ. Наставленіе, которое мы призваны преподавать, конечно, не будетъ потеряно; но кто можетъ сказать, когда мы обрѣтемъ себя среди человѣчества и сколько бѣдъ суждено намъ испытать, прежде чѣмъ исполнится наше предназначеніе?

Всѣ народы Европы имѣютъ общую фізіономію, нѣкоторое семейное сходство. Вопреки огульному раздѣленію ихъ на латинскую и тевтонскую расы, на южанъ и сѣверянъ—все же есть общая связь, соединяющая ихъ всѣхъ въ одно цѣлое и хорошо видимая всякому, кто поглубже вникъ въ ихъ общую исторію. Вы знаете, что еще сравнительно недавно вся Европа называлась христіанскимъ міромъ, и это выраженіе употреблялось въ публичномъ правѣ. Кромѣ общаго характера, у каждаго изъ этихъ народовъ есть еще свой частный характеръ, но и тотъ, и другой всецѣло сотканы изъ исторіи и традиціи. Они составляютъ преемственное идейное наслѣдіе этихъ народовъ. Каждый отдѣльный человѣкъ пользуется тамъ своею долей этого наслѣдства; безъ труда и чрезмѣрныхъ усилій онъ набираетъ себѣ въ жизни запасъ этихъ знаній и навыковъ и извлекаетъ изъ нихъ свою пользу. Сравните сами и скажите, много ли мы находимъ у себя въ повседневномъ обиходѣ элементарныхъ идей, которыми могли бы съ грѣхомъ пополамъ руководствоваться въ жизни? И замѣьте, здѣсь идетъ рѣчь не о приобрѣтеніи знаній

и не о чтеніи, не о чемъ-либо касающемся литературы или науки, а просто о взаимномъ общеніи умовъ, о тѣхъ идеяхъ, которыя овладѣвають ребенкомъ въ колыбели, окружаютъ его среди дѣтскихъ игръ и передаются ему съ ласкою матери, которыя въ видѣ различныхъ чувствъ проникаютъ до мозга его костей вмѣстѣ съ воздухомъ, которымъ онъ дышитъ, и создаютъ его нравственное существо еще раньше, чѣмъ онъ вступаетъ въ свѣтъ и общество. Хотите ли знать, что это за идеи? Это—идеи долга, справедливости, права, порядка. Онѣ родились изъ самыхъ событій, образовавшихъ тамъ общество, онѣ входятъ необходимымъ элементомъ въ социальный укладъ этихъ странъ.

Это и составляетъ атмосферу Запада; это — больше, нежели исторія, больше, чѣмъ психологія: это—физиологія европейскаго человѣка. Чѣмъ вы замѣните это у насъ? Не знаю, можно ли изъ сказаннаго сейчасъ вывести что-нибудь вполне безусловное и извлечь отсюда какой-либо непреложный принципъ; но нельзя не видѣть, что такое странное положеніе народа, мысль котораго не примыкаетъ ни къ какому ряду идей, постепенно развившихся въ обществѣ и медленно выростаившихъ одна изъ другой, и участіе котораго въ общемъ поступательномъ движеніи человѣческаго разума ограничивалось лишь слѣпымъ, поверхностнымъ и часто неискуснымъ подражаніемъ другимъ націямъ, должно могущественно вліять на духъ cadaго отдѣльнаго человѣка въ этомъ народѣ.

Вслѣдствіе этого вы найдете, что всѣмъ намъ недостаетъ извѣстной увѣренности, умственной методичности, логики. Западный силлогизмъ намъ незнакомъ. Наши лучшіе умы страдаютъ чѣмъ то бѣльшимъ, нежели простая неосновательность. Лучшія идеи, за отсутствіемъ связи или послѣдовательности, замираютъ въ нашемъ мозгу и превращаются въ бесплодные призраки. Человѣку свойственно теряться, когда онъ не находитъ способа привести себя въ связь съ тѣмъ, что ему предшествуетъ, и съ тѣмъ, что за нимъ слѣдуетъ. Онъ лишается тогда всякой твердости, всякой увѣренности. Не руководимый чувствомъ непрерывности, онъ видитъ себя заблудившимся въ мірѣ. Такіе растерянные люди встрѣчаются во всѣхъ странахъ; у насъ же это общая черта. Это вовсе не то легкомысліе, въ которомъ когда-то упрекали французовъ и которое въ сущности представляло собою не что иное, какъ способность легко усваивать

вещи, не исключавшую ни глубины, ни широты ума, и вносившую въ обращеніе необыкновенную прелесть и изящество; это—безпечность жизни, лишенной опыта и предвидѣнія, не принимающей въ расчетъ ничего, кромѣ мимолетнаго существованія особи, оторванной отъ рода, жизни, не дорожащей ни честью, ни успѣхами какой-либо системы идей и интересовъ, ни даже тѣмъ родовымъ наслѣдіемъ и тѣми безчисленными предписаніями и перспективами, которыя въ условіяхъ быта, основаннаго на памяти прошлаго и предусмотрѣніи будущаго, составляютъ и общественную, и частную жизнь. Въ нашихъ головахъ нѣтъ рѣшительно ничего общаго; все въ нихъ индивидуально и все шатко и неполно. Мнѣ кажется даже, что въ нашемъ взглядѣ есть какая-то странная неопредѣленность, что-то холодное и неувѣренное, напоминающее отчасти фізіономію тѣхъ народовъ, которые стоятъ на низшихъ ступеняхъ соціальной лѣстницы. Въ чужихъ странахъ, особенно на югѣ, гдѣ фізіономіи такъ выразительны и такъ оживленны, не разъ, сравнивая лица моихъ соотечественниковъ съ лицами туземцевъ, я поражался этой нѣмотой нашихъ лицъ.

Иностранцы ставятъ намъ въ достоинство своего рода безшабашную отвагу, встрѣчаемую особенно въ низшихъ слояхъ народа; но имѣя возможность наблюдать лишь отдѣльные проявленія національнаго характера, они не въ состояніи судить о цѣломъ. Они не видятъ, что то же самое начало, благодаря которому мы иногда бываемъ такъ отважны, дѣлаетъ насъ всегда неспособными къ углубленію и настойчивости; они не видятъ, что этому равнодушію къ житейскимъ опасностямъ соотвѣтствуетъ въ насъ такое же полное равнодушіе къ добру и злу, къ истинѣ и ко лжи, и что именно это лишаетъ насъ всѣхъ могущественныхъ стимуловъ, которые толкаютъ людей по пути совершенствованія; они не видятъ, что именно благодаря этой безпечной отвагѣ даже высшіе классы у насъ, къ прискорбію, несвободны отъ тѣхъ пороковъ, которые въ другихъ странахъ свойственны лишь самымъ низшимъ слоямъ общества; они не видятъ, наконецъ, что если намъ присущи кое-какія добродѣтели молодыхъ и мало-развитыхъ народовъ, мы не обладаемъ за то ни однимъ изъ достоинствъ, отличающихъ народы зрѣлые и высококультурные.

Я не хочу сказать, конечно, что у насъ одни пороки, а у

европейскихъ народовъ однѣ добродѣтели; избави Богъ! Но я говорю, что для правильного сужденія о народахъ слѣдуетъ изучать общій духъ, составляющій ихъ жизненное начало, ибо только онъ, а не та или иная черта ихъ характера, можетъ вывести ихъ на путь нравственного совершенства и безконечнаго развитія.

Народныя массы подчинены извѣстнымъ силамъ, стоящимъ вверху общества. Онѣ не думаютъ сами; среди нихъ есть извѣстное число мыслителей, которые думаютъ за нихъ, сообщаютъ импульсъ коллективному разуму народа и двигаютъ его впередъ. Между тѣмъ какъ небольшая группа людей мыслить, остальные чувствуютъ, и въ итогѣ совершается общее движеніе. За исключеніемъ нѣкоторыхъ отупѣлыхъ племенъ, сохранившихъ лишь внѣшній обликъ человѣка, сказанное справедливо въ отношеніи всѣхъ народовъ, населяющихъ землю. Первобытные народы Европы—кельты, скандинавы, германцы—имѣли своихъ друидовъ, скальдовъ и бардовъ, которые были по-своему сильными мыслителями. Взгляните на племена Сѣверной Америки, которыя такъ усердно старается истребить матеріальная культура Соединенныхъ Штатовъ: среди нихъ встрѣчаются люди удивительной глубины.

И вотъ я спрашиваю васъ, гдѣ наши мудрецы, наши мыслители? Кто когда-либо мыслить за насъ, кто теперь за насъ мыслить? А вѣдь, стоя между двумя главными частями міра, Востокомъ и Западомъ, упираясь однимъ локтемъ въ Китай, другимъ въ Германію, мы должны были бы соединять въ себѣ оба великихъ начала духовной природы: воображеніе и разумъ, и совмѣщать въ нашей цивилизаціи исторію всего земнаго шара. Но не такова роль, опредѣленная намъ провидѣніемъ. Больше того: оно какъ бы совсѣмъ не было озабочено нашей судьбой. Исключивъ насъ изъ своего благодѣтельнаго дѣйствія на человѣческій разумъ, оно всецѣло предоставило насъ самимъ себѣ, отказалось какъ бы то ни было вмѣшиваться въ наши дѣла, не пожелало ничему насъ научить. Историческій опытъ для насъ не существуетъ; поколѣнія и вѣка протекли безъ пользы для насъ. Глядя на насъ, можно было бы сказать, что общій законъ человечества отмѣненъ по отношенію къ намъ. Одинокіе въ мірѣ, мы ничего не дали міру, ничему не научили его; мы не внесли ни одной идеи въ массу идей человѣческихъ, ничѣмъ не содѣйствовали прогрессу человѣческаго разума, и все, что намъ до-

сталось отъ этого прогресса, мы исказили. Съ первой минуты нашего общественнаго существованія мы ничего не сдѣлали для общаго блага людей; ни одна полезная мысль не родилась на бесплодной почвѣ нашей родины; ни одна великая истина не вышла изъ нашей среды; мы не дали себѣ труда ничего выдумать сами, а изъ того, что выдумали другіе, мы перенимали только обманчивую внѣшность и бесполезную роскошь.

Странное дѣло: даже въ мірѣ науки, обнимающемъ все, наша исторія ни къ чему не примыкаетъ, ничего не уясняетъ, ничего не доказываетъ. Если бы дикія орды, возмутившія міръ, не прошли по странѣ, въ которой мы живемъ, прежде чѣмъ устремиться на Западъ, намъ едва ли была бы отведена страница во всемірной исторіи. Если бы мы не раскинулись отъ Берингова пролива до Одера, насъ и не замѣтили бы. Нѣкогда великій человѣкъ захотѣлъ просвѣтить насъ, и для того, чтобы пріохотить насъ къ образованію, онъ кинулъ намъ плащъ цивилизаціи; мы подняли плащъ, но не дотронулись до просвѣщенія. Въ другой разъ, другой великій государь, пріобщая насъ къ своему славному предназначенію, провель насъ побѣдоносно съ одного конца Европы на другой; вернувшись изъ этого триумфальнаго шествія чрезъ просвѣщеннѣйшія страны міра, мы принесли съ собою лишь идеи и стремленія, плодомъ которыхъ было громадное несчастіе, отбросившее насъ на полвѣка назадъ. Въ нашей крови есть нѣчто, враждебное всякому истинному прогрессу. И въ общемъ мы жили и продолжаемъ жить лишь для того, чтобы послужить какимъ-то важнымъ урокомъ для отдаленныхъ поколѣній, которыя сумѣютъ его понять; нынѣ же мы, во всякомъ случаѣ, составляемъ пробѣлъ въ нравственномъ міропорядкѣ. Я не могу вдоволь надивиться этой необычайной пустотѣ и обособленности нашего соціальнаго существованія. Разумѣется, въ этомъ повиненъ отчасти неисповѣдимый рокъ, но, какъ и во всемъ, что совершается въ нравственномъ мірѣ, здѣсь виноватъ отчасти и самъ человѣкъ. Обратимся еще разъ къ исторіи: она — ключъ къ пониманію народовъ.

Что мы дѣлали о ту пору, когда въ борьбѣ энергическаго варварства сѣверныхъ народовъ съ высокою мыслью христіанства складывалась храмина современной цивилизаціи? Повинуясь нашей злой судьбѣ, мы обратились къ жалкой, глубоко презираемой этими народами Византіи за тѣмъ нравственнымъ уставомъ,

который долженъ былъ лечь въ основу нашего воспитанія. Волею одного честолюбца ¹⁾ эта семья народовъ только-что была отторгнута отъ всемірнаго братства, и мы восприняли, слѣдовательно, идею, искаженную человѣческой страстью. Въ Европѣ все одушевлялъ тогда животворный принципъ единства. Все исходило изъ него и все сводилось къ нему. Все умственное движеніе той эпохи было направлено на объединеніе человѣческаго мышленія; всѣ побужденія коренились въ той властной потребности отыскать всемірную идею, которая является гениемъ-вдохновителемъ новаго времени. Непричастные этому чудотворному началу, мы сдѣлались жертвою завоеванія. Когда же мы свергли чужеземное иго и только наша оторванность отъ общей семьи мѣшала намъ воспользоваться идеями, возникшими за это время у нашихъ западныхъ братьевъ,—мы подпали еще болѣе жестокому рабству, освященному, притомъ, фактомъ нашего освобожденія.

Сколько яркихъ лучей уже озаряло тогда Европу, на видъ окутанную мракомъ! Бѣлая часть знаній, которыми теперь гордится человѣкъ, уже были предугаданы отдѣльными умами; характеръ общества уже опредѣлился, а приобщившись къ міру языческой древности, христіанскіе народы обрѣли и тѣ формы прекраснаго, которыхъ имъ еще недоставало. Мы же замкнулись въ нашемъ религіозномъ обособленіи, и ничто изъ происходившаго въ Европѣ не достигало до насъ. Намъ не было никакого дѣла до великой міровой работы. Высокія качества, которыя религія принесла въ даръ новымъ народамъ и которыя въ глазахъ здраваго разума настолько же возвышаютъ ихъ надъ древними народами, насколько послѣдніе стояли выше готтентотовъ и лапландцевъ; эти новыя силы, которыми она обогатила человѣческій умъ; эти нравы, которые, вслѣдствіе подчиненія безоружной власти, сдѣлались столь же мягкими, какъ раньше были грубы,—все это насъ совершенно миновало. Въ то время, какъ христіанскій міръ величественно шествовалъ по пути, предначертанному его божественнымъ основателемъ, увлекая за собою поколѣнія,—мы, хотя и носили имя христіанъ, не двигались съ мѣста. Весь міръ перестраивался заново, а у насъ ничего не созидалось; мы по прежнему прозябали, забившись въ свои лачуги,

¹⁾ Фотія.

сложенныя изъ бревень и соломы. Словомъ, новыя судьбы человѣческаго рода совершались помимо насъ. Хотя мы и назывались христіанами, плодъ христіанства для насъ не созрѣвалъ.

Спрашиваю васъ, не наивно ли предполагать, какъ это обыкновенно дѣлають у насъ, что этотъ прогрессъ европейскихъ народовъ, совершившійся столь медленно и подъ прямымъ и очевиднымъ воздѣйствіемъ единой нравственной силы, мы можемъ усвоить сразу, не давъ себѣ даже труда узнать, какимъ образомъ онъ осуществлялся?

Совершенно не понимаетъ христіанства тотъ, кто не видитъ, что въ немъ есть чисто историческая сторона, которая является однимъ изъ самыхъ существенныхъ элементовъ догмата и которая заключаетъ въ себѣ, можно сказать, всю философію христіанства, такъ какъ показываетъ, что оно дало людямъ и что дастъ имъ въ будущемъ. Съ этой точки зрѣнія христіанская религія является не только нравственной системою, заключенной въ переходящія формы человѣческаго ума, но вѣчной божественной силой, дѣйствующей универсально въ духовномъ мірѣ и чье явственное обнаруженіе должно служить намъ постояннымъ урокомъ. Именно таковъ подлинный смыслъ догмата о вѣрѣ въ единую Церковь, включеннаго въ символъ вѣры. Въ христіанскомъ мірѣ все необходимо должно способствовать—и дѣйствительно способствуетъ—установленію совершеннаго строя на землѣ; иначе не оправдалось бы слово Господа, что Онъ пребудетъ въ Церкви своей до скончанія вѣка. Тогда новый строй,—царство Божіе,—который долженъ явиться плодомъ искупленія, ничѣмъ не отличался бы отъ стараго строя,—отъ царства зла,—который искупленіемъ долженъ быть уничтоженъ, и намъ опять таки оставалась бы лишь та призрачная мечта о совершенствѣ, которую лелѣють философы и которую опровергаетъ каждая страница исторіи,—пустая игра ума, способная удовлетворять только матеріальныя потребности человѣка и поднимающая его на извѣстную высоту лишь затѣмъ, чтобы тотчасъ низвергнуть въ еще болѣе глубокія бездны.

Однако, скажете вы, развѣ мы не христіане? и развѣ немалима иная цивилизація, кромѣ европейской?—Безъ сомнѣнія, мы христіане; но не христіане ли и абиссинцы? Конечно, возможна и образованность отличная отъ европейской; развѣ Японія не образована, при томъ, если вѣрить одному изъ нашихъ соотече-

ственниковъ, даже въ большей степени, чѣмъ Россія? Но неужто вы думаете, что тотъ порядокъ вещей, о которомъ я только что говорилъ и который является конечнымъ предназначеніемъ чело-вѣчества, можетъ быть осуществленъ абиссинскимъ христіанствомъ и японской культурой? Неужто вы думаете, что небо сведутъ на землю эти нелѣпныя уклоненія отъ божескихъ и чело-вѣческихъ истинъ?

Въ христіанствѣ надо различать двѣ совершенно разныя вещи: его дѣйствіе на отдѣльнаго чело-вѣка и его вліяніе на всеобщій разумъ. То и другое естественно сливается въ высшемъ разумѣ и неизбежно ведетъ къ одной и той же цѣли. Но срокъ, въ который осуществляются вѣчныя предначертанія божественной мудрости, не можетъ быть охваченъ нашимъ ограниченнымъ взгля-домъ. И потому мы должны отличать божественное дѣйствіе, проявляющееся въ какое-нибудь опредѣленное время въ чело-вѣческой жизни, отъ того, которое совершается въ безконечно-сти. Въ тотъ день, когда окончательно исполнится дѣло искуп-ленія, всѣ сердца и умы сольются въ одно чувство, въ одну мысль, и тогда падутъ всѣ стѣны, разъединяющія народы и исповѣданія. Но теперь каждому важно знать, какое мѣсто отведено ему въ общемъ призваніи христіанъ, т.-е. какія средства онъ можетъ найти въ самомъ себѣ и вокругъ себя, чтобы содѣй-ствовать достиженію цѣли, поставленной всему чело-вѣчеству.

Отсюда необходимо возникаетъ особый кругъ идей, въ кото-ромъ и вращаются умы того общества, гдѣ эта цѣль должна осу-ществиться, т.-е. гдѣ идея, которую Богъ открылъ людямъ, должна созрѣть и достигнуть всей своей полноты. Этотъ кругъ идей, эта нравственная сфера въ свою очередь естественно обусловли-ваютъ опредѣленный строй жизни и опредѣленное міровоззрѣ-ніе, которые, не будучи тождественными для всѣхъ, тѣмъ не менѣе создаютъ у насъ, какъ и у всѣхъ европейскихъ народовъ, одинаковый бытовой укладъ, являющийся плодомъ той огромной 18-тивѣковой духовной работы, въ которой участвовали всѣ страсти, всѣ интересы, всѣ страданія, всѣ мечты, всѣ усилія разума.

Всѣ европейскіе народы шли впередъ въ вѣкахъ рука объ руку; и какъ бы ни старались они теперь разойтись каждый своей до-рогой, — они безпрестанно сходятся на одномъ и томъ же пути. Чтобы убѣдиться въ томъ, какъ родственно развитіе этихъ

народовъ, нѣтъ надобности изучать исторію; прочтите только Тасса, и вы увидите ихъ всѣ простертыми ницъ у подножья Іерусалимскихъ стѣнъ. Вспомните, что въ теченіе пятнадцати вѣковъ у нихъ былъ одинъ языкъ для обращенія къ Богу, одна духовная власть и одно убѣжденіе. Подумайте, что въ теченіе пятнадцати вѣковъ, каждый годъ въ одинъ и тотъ же день, въ одинъ и тотъ же часъ, они въ однихъ и тѣхъ словахъ возносили свой голосъ къ верховному существу, прославляя его за величайшее изъ его благодѣяній. Дивное созвучіе, въ тысячу кратъ болѣе величественное, чѣмъ всѣ гармоніи физическаго міра! Итакъ, если эта сфера, въ которой живутъ европейцы и въ которой въ одной человѣческой родъ можетъ исполнить свое конечное предназначеніе, есть результатъ вліянія религіи, и если, съ другой стороны, слабость нашей вѣры или несовершенство нашихъ догматовъ до сихъ поръ держали насъ въ сторонѣ отъ этого общаго движенія, гдѣ развилась и формулировалась социальная идея христіанства, и низвели насъ въ сонмъ народовъ, коимъ суждено лишь косвенно и поздно воспользоваться всѣми плодами христіанства, то ясно, что намъ слѣдуетъ прежде всего оживить свою вѣру всѣми возможными способами и дать себѣ истинно-христіанскій импульсъ, такъ какъ на Западѣ все создано христіанствомъ. Вотъ что я подразумѣвалъ, говоря, что мы должны отъ начала повторить на себѣ все воспитаніе человѣческаго рода.

Вся исторія новѣйшаго общества совершается на почвѣ мнѣній; такимъ образомъ, она представляетъ собою настоящее воспитаніе. Утвержденное изначала на этой основѣ, общество шло впередъ лишь силою мысли. Интересы всегда слѣдовали тамъ за идеями, а не предшествовали имъ; убѣжденія никогда не возникали тамъ изъ интересовъ, а всегда интересы рождались изъ убѣжденій. Всѣ политическія революціи были тамъ въ сущности духовными революціями: люди искали истину и попутно нашли свободу и благосостояніе. Этимъ объясняется характеръ современнаго общества и его цивилизаціи; иначе его совершенно нельзя было бы понять.

Религіозныя гоненія, мученичество за вѣру, проповѣдь христіанства, ереси, соборы—вотъ событія, наполняющія первые вѣка. Все движеніе этой эпохи, не исключая и нашествія варваровъ, связано съ этими первыми, младенческими усиліями новаго мы-

шленія. Слѣдующая затѣмъ эпоха занята образованіемъ іерархіи, централизацией духовной власти и непрерывнымъ распространеніемъ христіанства среди сѣверныхъ народовъ. Далѣе слѣдуетъ высочайшій подъемъ религіознаго чувства и упроченіе религіозной власти. Философское и литературное развитіе ума и улучшеніе нравовъ подѣ державой религіи довершаютъ эту исторію новыхъ народовъ, которую съ такимъ же правомъ можно назвать священной, какъ и исторію древняго избраннаго народа. Наконецъ, новый религіозный поворотъ, новый размахъ, сообщенный религіей человѣческому духу, опредѣлилъ и теперешній укладъ общества. Такимъ образомъ, главный и, можно сказать, единственный интересъ новыхъ народовъ всегда заключался въ идеѣ. Всѣ положительныя, матеріальныя, личные интересы поглощались ею.

Я знаю — вмѣсто того, чтобы восхищаться этимъ дивнымъ порывомъ человѣческой природы къ возможному для нея совершенству, въ немъ видѣли только фанатизмъ и суевѣріе; но что бы ни говорили о немъ, судите сами, какой глубокой слѣдъ въ характерѣ этихъ народовъ должно было оставить такое социальное развитіе, всецѣло вытекавшее изъ одного чувства, безразлично — въ добрѣ и во злѣ. Пусть поверхностная философія вопіетъ, сколько хочеть, по поводу религіозныхъ войнъ и костровъ, зажженныхъ нетерпимостью, — мы можемъ только завидовать долѣ народовъ, создавшихъ себѣ въ борьбѣ мнѣній, въ кровавыхъ битвахъ за дѣло истины, цѣлый міръ идей, котораго мы даже представить себѣ не можемъ, не говоря уже о томъ, чтобы перенестись въ него тѣломъ и душой, какъ у насъ объ этомъ мечтаютъ.

Еще разъ говорю: конечно, не все въ европейскихъ странахъ проникнуто разумомъ, добродѣтелью и религіей, — далеко нѣтъ. Но все въ нихъ таинственно повинуется той силѣ, которая властно царитъ тамъ уже столько вѣковъ, все порождено той долгой послѣдовательностью фактовъ и идей, которая обусловила современное состояніе общества. Вотъ одинъ изъ примѣровъ, доказывающихъ это. Народъ, фізіономія котораго всего рѣзче выражена и учрежденія всего болѣе проникнуты духомъ новаго времени, — англичане, — собственно говоря, не имѣютъ иной исторіи, кромѣ религіозной. Ихъ послѣдняя революція, которой они обязаны своей свободой и своимъ благосостояніемъ, такъ же

какъ и весь рядъ событій, приведшихъ къ этой революціи, начиная съ эпохи Генриха VIII, — не что иное, какъ фазисъ религіознаго развитія. Во всю эту эпоху интересъ собственно-политическій является лишь второстепеннымъ двигателемъ и временною изчезаетъ вовсе или приносится въ жертву идеѣ. И въ ту минуту, когда я пишу эти строки,¹⁾ все тотъ же религіозный интересъ волнуетъ эту избранную страну. Да и, вообще, какой изъ европейскихъ народовъ не нашелъ бы въ своемъ національномъ сознаниіи, если бы далъ себѣ трудъ разобраться въ немъ, того особеннаго элемента, который въ формѣ религіозной мысли неизмѣнно являлся животворнымъ началомъ, душею его социальнаго тѣла, на всемъ протяженіи его бытія?

Дѣйствіе христіанства отнюдь не ограничивается его прямымъ и непосредственнымъ вліяніемъ на духъ человѣка. Огромная задача, которую оно призвано исполнить, можетъ быть осуществлена лишь путемъ безчисленныхъ нравственныхъ, умственныхъ и общественныхъ комбинацій, гдѣ должна найти себѣ полный просторъ безусловная свобода человѣческаго духа. Отсюда ясно, что все совершившееся съ перваго дня нашей эры, или, вѣрнѣе, съ той минуты, когда Спаситель сказалъ своимъ ученикамъ: *Идите по міру и проповѣдуйте Евангеліе всей твари*, — включая и всѣ нападки на христіанство, — безъ остатка покрывается этой общей идеей его вліянія. Стоитъ лишь обратить вниманіе на то, какъ власть Христа непреложно осуществляется во всѣхъ сердцахъ, — съ сознаниемъ или безсознательно, по доброй волѣ или принужденію, — чтобы убѣдиться въ исполненіи его пророчествъ. Поэтому, несмотря на всю неполноту, несовершенство и порочность, присущія европейскому міру въ его современной формѣ, нельзя отрицать, что царство Божіе до извѣстной степени осуществлено въ немъ, ибо онъ содержитъ въ себѣ начало безконечнаго развитія и обладаетъ въ зародышахъ и элементахъ всѣмъ, что необходимо для его окончательнаго водворенія на землѣ.

Прежде чѣмъ закончить эти размышленія о роли, которую играла религія въ исторіи общества, я хочу привести здѣсь то, что говорилъ объ этомъ когда-то въ сочиненіи, вамъ неизвѣстномъ.

Несомнѣнно, писалъ я, что пока мы не научимся узнавать

1) 1829.

дѣйствию христіанства повсюду. гдѣ человѣческая мысль какимъ бы то ни было образомъ соприкасается съ нимъ, хотя бы съ цѣлью ему противоборствовать,—мы не имѣемъ о немъ яснаго понятія. Едва произнесено имя Христа, одно это имя увлекаетъ людей, что бы они не дѣлали. Ничто не обнаруживаетъ такъ ясно божественнаго происхожденія христіанской религіи, какъ эта ея безусловная универсальность, сказывающаяся въ томъ, что она проникаетъ въ души всевозможными путями, овладѣваетъ умомъ безъ его вѣдома, и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ, повидимому, всего болѣе ей противится, подчиняетъ его себѣ и властвуетъ надъ нимъ, внося при этомъ въ сознаніе истины, которыхъ тамъ раньше не было, пробуждая ощущенія въ сердцахъ, дотолѣ имъ чуждыя, и внушая намъ чувства, которыя безъ нашего вѣдома вводятъ насъ въ общій строй. Такъ опредѣляетъ она роль каждой личности въ общей работѣ и заставляетъ все содѣйствовать одной цѣли. При такомъ пониманіи христіанства всякое пророчество Христа получаетъ характеръ осязательной истины. Тогда начинаешь ясно различать движеніе всѣхъ рычаговъ, которые его всемогущая десница пускаетъ въ ходъ, дабы привести человѣка къ его конечной цѣли, не посягая на его свободу, не умерщвляя ни одной изъ его природныхъ способностей, а наоборотъ удесятерая ихъ силу и доводя до безмѣрнаго напряженія ту долю мощи, которая заложена въ немъ самомъ. Тогда видишь, что ни одинъ нравственный элементъ не остается бездѣйственнымъ въ новомъ строѣ, что самыя энергичныя усилія ума, какъ и горячій порывъ чувства, героизмъ твердаго духа, какъ и покорность кроткой души—все находитъ въ немъ мѣсто и примѣненіе. Доступная всякому разумному существу, сочетаясь съ каждымъ біеніемъ нашего сердца, о чемъ бы оно ни билось, христіанская идея все увлекаетъ за собою, и самыя препятствія, встрѣчаемая ею, помогаютъ ей расти и крѣпнуть. Съ геніемъ она поднимается на высоту, недостижимую для остальныхъ людей; съ робкимъ духомъ она движется ощупью и идетъ впередъ мѣрнымъ шагомъ; въ созерцательномъ умѣ она безусловна и глубока; въ душѣ, подвластной воображенію, она воздушна и богата образами; въ нѣжномъ и любящемъ сердцѣ она разрѣшается въ милосердіе и любовь;—и каждое сознаніе, отдавшееся ей, она властно ведетъ впередъ, наполняя его жаромъ, ясностью и силой. Взгляните, какъ разнообразны

характеры, какъ множественны силы, приводимыя ею въ движеніе, какіе несходные элементы служатъ одной и той же цѣли, сколько разнообразныхъ сердець бьется для одной идеи! Но еще болѣе удивительно вліяніе христіанства на общество въ цѣломъ. Разверните вполнѣ картину эволюціи новаго общества, и вы увидите, какъ христіанство претворяетъ всѣ интересы людей въ свои собственные, замѣняя всюду матеріальную потребность потребностью нравственной и возбуждая въ области мысли тѣ великіе споры, какихъ до него не знало ни одно время, ни одно общество, тѣ страшныя столкновенія мнѣній, когда вся жизнь народовъ превращалась въ одну великую идею, одно безграничное чувство; вы увидите, какъ все становится имъ, и только имъ,—частная жизнь и общественная, семья и родина, наука и поэзія, разумъ и воображеніе, воспоминанія и надежды, радости и печали. Счастливы тѣ, кто носить въ сердцѣ своемъ ясное сознание части, ими творимой въ этомъ великомъ движеніи, которое сообщилъ міру самъ Богъ. Но не всѣ суть дѣятельныя орудія, не всѣ трудятся сознательно; необходимыя массы движутся слѣпо, не зная силъ, которыя приводятъ ихъ въ движеніе, и не провидя цѣли, къ которой они влекутся,—бездушные атомы, косныя громады.

Но пора вернуться къ вамъ, сударыня. Признаюсь, мнѣ трудно оторваться отъ этихъ широкихъ перспективъ. Въ картинѣ, открывающейся моимъ глазамъ съ этой высоты,—все мое утѣшеніе, и сладкая вѣра въ будущее счастье человѣчества одна служитъ мнѣ убѣжищемъ, когда, удрученный жалкой дѣйствительностью, которая меня окружаетъ, я чувствую потребность подышать болѣе чистымъ воздухомъ, взглянуть на болѣе ясное небо. Однако я не думаю, что злоупотребилъ вашимъ временемъ. Мнѣ надо было показать вамъ ту точку зрѣнія, съ которой слѣдуетъ смотрѣть на христіанскій міръ и на нашу роль въ немъ. То, что я говорилъ о нашей странѣ, должно было показаться вамъ исполненнымъ горечи; между тѣмъ я высказалъ одну только правду, и даже не всю. Притомъ, христіанское сознание не терпитъ никакой слѣпоты, а національный предразсудокъ является худшимъ видомъ ея, такъ какъ онъ всего болѣе разъединяетъ людей.

Мое письмо растянулось, и, думаю, намъ обоимъ нуженъ отдыхъ. Начиная его, я полагалъ, что сумѣю въ немногихъ словахъ изложить то, что я хотѣлъ вамъ сказать; но, вдумываясь глубже,

я вижу, что объ этомъ можно написать цѣлый томъ. По сердцу ли это вамъ? Буду ждать вашего отвѣта. Но, во всякомъ случаѣ, вы не можете избѣгнуть еще одного письма отъ меня, потому что мы едва лишь приступили къ разсмотрѣнiю нашей темы. А пока я былъ бы чрезвычайно признателенъ вамъ, если бы вы соблаговолили пространностью этого перваго письма извинить то, что я такъ долго заставилъ васъ ждать его. Я сѣлъ писать вамъ въ тотъ же день, когда получилъ ваше письмо: но грустныя и тягостныя заботы поглотили меня тогда всецѣло, и мнѣ надо было избавиться отъ нихъ, прежде чѣмъ начать съ вами разговоръ о столь важныхъ предметахъ; затѣмъ нужно было переписать мое маранье, которое было совершенно неразборчиво. На этотъ разъ вамъ не придется долго ждать: завтра же снова берусь за перо.

Нескрополь, 1-го декабря 1829 г.

Письмо второе.

Можно спросить, какимъ образомъ среди столькихъ потрясенiй, гражданскихъ войнъ, заговоровъ, преступленiй и безумiй—въ Италии, а потомъ и въ прочихъ христіанскихъ государствахъ находилось столько людей, трулившихся на поприщѣ полезныхъ или прiятныхъ искусствъ; въ странахъ, подвластныхъ туркамъ, мы этого не видимъ.

Вольтеръ, *Оцѣтъ о нравахъ.*

Сударыня,

Въ предыдущихъ моихъ письмахъ вы видѣли, какъ важно правильно понять развитіе мысли на протяженiи вѣковъ; но вы должны были найти въ нихъ еще и другую мысль: разъ проникшись этой основной идеей, что въ человѣческомъ духѣ нѣтъ никакой иной истины, кромѣ той, которую своей рукою вложилъ въ него Богъ, когда извлекалъ его изъ небытія, — уже невозможно разсматривать движеніе вѣковъ такъ, какъ это дѣлаетъ обиходная исторiя. Тогда становится ясно, что не только нѣкое провидѣніе или нѣкій совершенно мудрый разумъ руководитъ ходомъ явленiй, но и что онъ оказываетъ прямое и непрерывное дѣйствіе на духъ человѣка. Въ самомъ дѣлѣ: если только допустить, что разумъ твари, чтобы придти въ движеніе, долженъ

быть первоначально получить толчокъ, исходившій не изъ его собственной природы, что его первыя идеи и первыя знанія не могли быть ничѣмъ инымъ, какъ чудесными внушеніями высшаго разума, то не слѣдуетъ ли отсюда, что эта сформировавшая его сила должна была и на всемъ протяженіи его развитія оказывать на него то самое дѣйствіе, которое она произвела въ ту минуту, когда сообщила ему его первое движеніе?

Такое представленіе объ исторической жизни разумнаго существа и его прогрессѣ должно было, впрочемъ, стать для васъ совершенно привычнымъ, если вы вполне усвоили себѣ тѣ идеи, относительно которыхъ мы съ вами предварительно условились. Вы видѣли, что чисто-метафизическое разсужденіе безусловно доказываетъ непрерывность внѣшняго воздѣйствія на человѣчeskій духъ. Но въ этомъ случаѣ даже не было надобности прибѣгать къ метафизикѣ; выводъ неоспоримъ самъ по себѣ, отвергнуть его — значитъ отвергнуть тѣ послышки, изъ которыхъ онъ вытекаетъ. Но если подумать о характерѣ этого постоянного воздѣйствія божественнаго разума въ нравственномъ мірѣ, то нельзя не замѣтить, что оно не только должно быть, какъ мы сейчасъ видѣли, сходно съ его начальнымъ импульсомъ, но и должно осуществляться такимъ образомъ, чтобы человѣчeskій разумъ оставался совершенно свободнымъ и могъ развивать всю свою дѣятельность. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что существовалъ народъ, въ нѣдрахъ котораго традиція первыхъ внушеній Бога сохранялась чище, чѣмъ среди прочихъ людей, и что отъ времени до времени появлялись люди, въ которыхъ какъ бы возобновлялся первичный фактъ нравственнаго бытія. Устраните этотъ народъ, устраните этихъ избранныхъ людей,—и вы должны будете признать, что у всѣхъ народовъ, во всѣ эпохи всемірной исторіи и въ каждомъ отдѣльномъ челоѣкѣ божественная мысль раскрывалась одинаково полно и одинаково жизненно,—а это значило бы, конечно, отрицать всякую индивидуальность и всякую свободу въ духовной сферѣ, иными словами — отрицать данное. Очевидно, что индивидуальность и свобода существуютъ лишь постольку, поскольку существуетъ разность умовъ, нравственныхъ силъ и познаній. А приписывая лишь немногимъ лицамъ, одному народу, нѣсколькимъ отдѣльнымъ интеллектамъ, специально предназначеннымъ быть хранителями этого клада, чрезвычайную степень по-

корности начальнымъ внушеніямъ или особенно широкую воспріимчивость по отношенію къ той истинѣ, которая первоначально была внѣдрена въ человѣческой духъ, мы утверждаемъ лишь моральный фактъ, совершенно аналогичный тому, который постоянно совершается на нашихъ глазахъ, именно, что одни народы и личности владѣютъ извѣстными познаніями, которыхъ другіе народы и лица лишены.

Въ остальной части человѣческаго рода эти великія преданія также сохранялись болѣе или менѣе въ чистомъ видѣ, смотря по положенію каждаго народа, и человѣкъ всюду могъ идти впередъ по предначертанной ему дорогѣ лишь при свѣтѣ этихъ могучихъ истинъ, рожденныхъ въ его мозгу не его собственнымъ, а инымъ разумомъ; но источникъ свѣта былъ одинъ на землѣ. Правда, этотъ свѣтильникъ не сіялъ подобно человѣческимъ знаніямъ; онъ не распространялъ далеко вокругъ себя обманчиваго блеска; сосредоточенный въ одномъ пунктѣ, вмѣстѣ и лучезарный, и незримый, какъ всѣ великія таинства міра, пламенный, но скрытый, какъ пламя жизни, онъ все освѣщалъ, этотъ неизрѣченный свѣтъ, и все тянулось къ этому общему центру, между тѣмъ какъ съ виду все блистало собственнымъ сіяніемъ и стремилось къ самымъ противоположнымъ цѣлямъ ¹⁾. Но когда наступилъ моментъ великой катастрофы въ духовномъ мірѣ, всѣ пустыя силы, созданныя человѣкомъ, мгновенно исчезли, и среди всеобщаго пожара уцѣлѣла одна только skinія вѣчной истины. Только такъ можетъ быть понято религіозное единство исторіи, и только съ такой точки зрѣнія эта концепція возвышается до настоящей исторической философіи, въ которой разумное существо является подчиненнымъ общему закону наравнѣ со всѣмъ остальнымъ твореніемъ. Я очень желалъ бы, сударыня, чтобы вы освоились съ этой отвлеченной и глубокой точкой зрѣнія на историческія явленія; ничто не расширяетъ нашу мысль и не очищаетъ нашу душу въ большей степени, нежели это созерцаніе божественной воли, властвующей въ вѣкахъ и ведущей человѣческой родъ къ его конечнымъ цѣлямъ.

¹⁾ Безполезно пытаться точно опредѣлить, въ какомъ именно мѣстѣ земли находился этотъ источникъ свѣта; но то достоверно, что преданія всѣхъ народовъ міра единогласно признаютъ родиной первыхъ человѣческихъ познаній однѣ и тѣ же страны.

Но постараемся прежде всего составить себѣ философію исторіи, способную пролить на всю безпредѣльную область человѣческихъ воспоминаній свѣтъ, который долженъ быть для насъ какъ бы зарею грядущаго дня. Это подготовительное изученіе исторіи будетъ для насъ тѣмъ полезнѣе, что оно само по себѣ можетъ представить полную систему, которою мы въ крайнемъ случаѣ смогли бы удовольствоваться, если бы что-нибудь роковымъ образомъ затормозило нашъ дальнѣйшій прогрессъ. Впрочемъ, не забывайте, пожалуйста, что я сообщаю вамъ эти размышленія не съ высоты кафедры, и что эти письма являются лишь продолженіемъ нашихъ прерванныхъ бесѣдъ, тѣхъ бесѣдъ, которыя доставили мнѣ столько пріятныхъ минутъ и которыя, повторяю, были для меня настоящимъ утѣшеніемъ въ тѣ дни, когда я крайне нуждался въ немъ. Поэтому не ждите отъ меня въ этотъ разъ большей поучительности, чѣмъ обыкновенно, и не откажите сами, какъ всегда, возмѣщать собственной догадкой все, что окажется неполнымъ въ этомъ очеркѣ.

Безъ сомнѣнія, вы уже замѣтили, что современное направленіе человѣческаго духа побуждаетъ его облекать всѣ виды познанія въ историческую форму. Вдумываясь въ философскія основы исторической мысли, нельзя не признать, что она призвана теперь подняться на несравненно бѣльшую высоту, нежели на какой она держалась до сихъ поръ; можно сказать, что умъ чувствуетъ себя теперь привольно лишь въ сферѣ исторіи, что онъ старается ежеминутно опереться на прошлое и лишь настолько дорожить вновь возникающими въ немъ силами, насколько способенъ уразумѣть ихъ сквозь призму своихъ воспоминаній, пониманія пройденнаго пути, знанія тѣхъ факторовъ, которые руководили его движеніемъ въ вѣкахъ. Это направленіе, принятое наукою, разумѣется, чрезвычайно благотворно. Пора сознать, что человѣческій разумъ не ограниченъ той силой, которую онъ черпаетъ въ узкомъ настоящемъ,—что въ немъ есть и другая сила, которая, сочетая въ одну мысль и времена протекшія, и времена обѣтованныя, образуетъ его подлинную сущность и возноситъ его въ истинную сферу его дѣятельности.

Но не кажется ли вамъ, сударыня, что повѣствовательная исторія по необходимости неполна, такъ какъ она при всякихъ условіяхъ можетъ заключать въ себѣ лишь то, что удерживается въ памяти людей, а послѣдняя удерживаетъ не все происходящее?

Итакъ, очевидно, что нынѣшняя историческая точка зрѣнія не можетъ удовлетворять разума. Несмотря на полезныя работы критики, несмотря на помощь, которую въ послѣднее время старались оказать ей естественныя науки, она, какъ видите, не сумѣла достигнуть ни единства, ни той высокої нравственной поучительности, какая неизбѣжно вытекала бы изъ яснаго представленія о всеобщемъ законѣ, управляющемъ смѣною эпохъ. Къ этой великой цѣли всегда стремился человѣческій духъ, углубляясь въ смыслъ минувшаго; но та поверхностная ученость, которая пріобрѣтается столь разнообразными способами историческаго анализа, эти уроки банальной философіи, эти примѣры всевозможныхъ добродѣтелей,—какъ будто добродѣтель способна выставять себя напоказъ на шумномъ торжищѣ свѣта,—эта пошлая поучительность исторіи, никогда не создавшая ни одного честнаго человѣка, но многихъ сдѣлавшая злодѣями и безумцами и лишь подстрекающая затягивать въ безконечныхъ повтореніяхъ жалкую комедію міра,—все это отвлекло разумъ отъ тѣхъ истинныхъ поученій, которыя ему предназначено черпать изъ человѣческаго преданія. Пока духъ христіанства господствовалъ въ наукѣ, глубокая, хотя и плохо формулированная мысль распространяла на эту отрасль знанія долю того священнаго вдохновенія, которымъ она сама была порождена; но въ ту эпоху историческая критика была еще такъ несовершенна, столько фактовъ, особенно изъ исторіи первобытныхъ временъ, сохранялись памятью человѣчества въ столь искаженномъ видѣ, что весь свѣтъ религіи не могъ разсѣять этой глубокой тьмы и историческое изученіе, хотя и озаряемое высшимъ свѣтомъ, тѣмъ не менѣе подвигалось ощупью. Теперь рациональный способъ изученія историческихъ данныхъ привелъ бы къ несравненно болѣе плодотворнымъ результатамъ. Разумъ вѣка требуетъ совершенно новой философіи исторіи,—философіи, которая такъ же мало походила бы на господствующую теперь, какъ точныя изысканія современной астрономіи непохожи на элементарныя гномоническія наблюденія Гиппарха и другихъ древнихъ астрономовъ. Надо лишь замѣтить, что никогда не будетъ достаточно фактовъ, чтобы доказать все, и что уже во времена Моисея и Геродота ихъ было больше, чѣмъ нужно, чтобы дать возможность все предчувствовать. Поэтому, сколько бы ни накапливать ихъ, они никогда не приведутъ къ полной достовѣрности, которую можетъ дать намъ лишь способъ ихъ груп-

пировки, пониманія и распредѣленія; совершенно такъ, какъ, на примѣръ, опытъ вѣковъ, научившій Кеплера законамъ движенія небесныхъ свѣтилъ, самъ по себѣ былъ не въ силахъ разоблачить предъ нимъ общій законъ природы, и для этого открытiя потребовалось, какъ извѣстно, нѣкое сверхъестественное озареніе благочестивой мысли.

И прежде всего, къ чему эти сопоставленія вѣковъ и народовъ, которыя нагромождаетъ тщеславная ученость? Какой смыслъ имѣютъ эти родословныя языковъ, народовъ и идей? Вѣдь слѣпая или упрямая философія всегда сумѣетъ отдѣлаться отъ нихъ своимъ старымъ доводомъ о всеобщемъ однообразіи человѣческой природы и дивное сплетеніе временъ объяснить своей любимой теоріей о естественномъ развитіи человѣческаго духа, не обнаруживающемъ будто бы никакихъ признаковъ вмѣшательства Божьяго промысла и осуществляемомъ единственно собственной динамической силой его природы. Человѣческій духъ для нея, какъ извѣстно,—снѣжный комъ, который, катясь, увеличивается. Впрочемъ, она видитъ всюду или естественный прогрессъ и совершенствованіе, присущія, по ея мнѣнію, самой природѣ человѣка, или безпричинное и бессмысленное движеніе. Смотря по свойству ума разныхъ своихъ представителей,—мраченъ ли онъ и безнадеженъ, или полонъ надеждъ и вѣры въ воздаяніе, эта философія то видитъ въ человѣкѣ лишь мошку, бессмысленно суеящуюся на солнцѣ, то—существо, поднимающееся все выше въ силу своей выпренной природы; но всегда она видитъ предъ собою только человѣка и ничего болѣе. Она добровольно обрела себя на невѣжество и, воображая, что знаетъ физическій міръ, на самомъ дѣлѣ познаетъ изъ него лишь то, что онъ открываетъ праздному любопытству ума и чувствамъ. Потоки свѣта, непрерывно изливаемые этимъ міромъ, не достигаютъ ея, и когда, наконецъ, она рѣшается признать въ ходѣ вещей планъ, намѣреніе и разумъ, подчинить имъ человѣческій умъ и принять всѣ вытекающія отсюда послѣдствія относительно всеобщаго нравственнаго міропорядка,—это оказывается для нея невозможнымъ. Итакъ, ни отыскивать связь временъ, ни вѣчно работать надъ фактическимъ матеріаломъ—ни къ чему не ведетъ. Надо стремиться къ тому, чтобы уяснить нравственный смыслъ великихъ историческихъ эпохъ; надо стараться точно опредѣлить черты каждаго вѣка по законамъ практическаго разума.